

Оэ Кэндзабуро. Объяли меня воды до души моей...

Перевод с японского В. С. Гривнина

Оэ Кэндзабуро. Объяли меня воды до души моей...

- Глава 2
- Глава 3
- Глава 4
- Глава 5
- Глава 6
- Глава 7
- Глава 8
- Глава 9
- Глава 10
- Глава 11
- Глава 12
- Глава 13
- Глава 14
- Глава 15
- Глава 16
- Глава 17
- Глава 18
- Глава 19
- Глава 20
- Глава 21
- Глава 22

Глава 1 АТОМНОЕ УБЕЖИЩЕ

Мироощущение, характерное для эпохи сверхзвуковых скоростей, когда человек, достигнув Луны, устремился к Марсу, плохо уживается с таким немислимым анахронизмом, но тем не менее нашелся в Японии промышленник, который, увлекшись американскими идеями, тоже решил заняться строительством индивидуальных атомных убежищ и продавать их как стандартную продукцию. Первое такое убежище было построено в Японии на западной оконечности взгорья Мусасино. Основание крутого косогора, спускавшегося от жилого массива к заболоченной низине, густо заросшей тростником и мискантом, было подрыто и построен

железобетонный бункер размером три метра на шесть.

Однако массовое производство атомных убежищ наладить не удалось, и это единственное в нашей стране убежище для личного пользования оказалось заброшенным. Через пять лет компания, строившая атомное убежище, использовав бункер в качестве фундамента, возвела трехэтажное здание, похожее на колокол. Основание первого этажа представляло собой прямоугольник, равный по площади восемнадцатиметровому бункеру. Задняя его часть вплотную примыкала к косогору.

Сбоку пристроены были кухня и уборная. Из маленькой прихожей, немного в стороне, перед уборкой, -- винтовая лестница связывала комнаты всех трех этажей. Третий этаж, где на противоположной от винтовой лестницы стороне был встроен балкон, оказался по площади меньше остальных, таким образом здание несколько сужалось кверху, и третий этаж чем-то напоминал капитанский мостик. В железобетонных стенах на каждом этаже были окна-бойницы с двойными непробиваемыми стеклами.

Дом имел такой странный вид потому, что архитектор, возводя само здание, упорно привязывал его к бункеру. Из комнаты в первом этаже, служившей столовой, можно было, подняв крышку люка -- как на подводной лодке, -- по крутой металлической лесенке спуститься в бункер.

Мужчина, решивший поселиться в этом долге (и живущий в нем по сей день), потребовал внести лишь одно изменение в первоначальный проект бункера. Он попросил пробить в железобетонном полу, прямо под металлической лестницей, квадрат тридцать на тридцать сантиметров и обнажить землю. Этот квадрат темно-бурой кантоской плодородной земли был всегда сырым. Если воды становилось слишком много, он делал в середине квадрата лунку и кружкой вычерпывал из нее воду.

Это абсолютно бесполезное четырехугольное отверстие служило хозяину дома опорой для ног в минуты раздумий. Усевшись на стул с прямой спинкой и воткнув, как рассаду, босые ноги в землю, он предавался размышлениям. И летом, когда от влажной земли поднималась приятная прохлада, и зимой, когда она покрывалась обильным инеем и стужа сводила ноги, размышлял он об одном -- как достичь духовного слияния с деревьями, покрывающими землю, и с китами, обитающими в далеких морях. В недавнем прошлом он был личным секретарем своего тестя -- консервативного политика, близкого к правительству, пользующегося особым доверием; позже в строительной компании,

контролировавшейся этим политиком, на него была возложена реклама и сбыт атомных убежищ; но в один прекрасный день он бросил все, что идентифицировало его как личность, и, забрав у жены ребенка, стал жить затворником. Он сам назначил себя поверенным тех, кого любил в этом мире больше всего, -- китов и деревьев. Он даже имя изменил, чтоб подчеркнуть свою новую сущность, -- Ооки Исана (Ооки -- могучее дерево, Исана -- отважная рыба).

Предаваясь размышлениям и духовно общаясь с деревьями и китами, он впервые предпринял серьезную попытку воззвать к душам деревьев и душам китов. Он целиком посвятил себя бесконечному разглядыванию фотографий китов, слушал записанные на пленку их голоса, через бойницы атомного убежища в сильный бинокль наблюдал за росшими снаружи деревьями. Пока деревья были покрыты листвой, ветви выглядели привольно и естественно, но в разгар зимы черные, как будто закопченные, они казались страдальчески изломанными, чуждыми дереву. В окулярах бинокля на фоне бледного вечернего неба они выглядели мертвыми. День за днем разглядывая эти ветви, он однажды обнаружил, что по ним начинают стремительно подниматься живые соки, накапливаться силы, которые вот-вот нальют почки. С этой минуты внутри него самого, в темноте, где пульсировала горячая кровь, даже все увядшее начинало, казалось, набухать и приходить в движение, сопровождаемое оглушительными раскатами грома.

В этот короткий период, пока природа еще окончательно не проснулась, он становился осторожным, как краб после линьки, и все же не мог устоять перед соблазном посмотреть вблизи на деревья, покрывающиеся почками. Он выбегал из дома. Пока почки были заключены в твердые серовато-коричневые панцири, он чувствовал себя в безопасности, будто и сам, как веретенообразная зимняя почка, прикрыт таким панцирем. Но когда из панциря начинало пробиваться нечто удивительно беспомощное -- мягкие зеленоватые листочки, -- он дрожал от неизъяснимого страха, страха за сотни миллионов почек, которые попадали в поле его зрения. Разве не рушился мир, когда неумолимо жестокие птичьи стаи начинали клевать мягкие, соблазнительные почки?

Он видел собственными глазами, как в заросли горной камелии, гомоня, слетались эти невинные вроде бы существа огромной разрушительной силы, напоминающие стайку опьяневших от восторга детей. И тогда у него, поверенного деревьев, перехватывало дыхание, лицо багровело, и он начинал нетерпеливо переминаться с ноги на ногу.

Зимой, когда нет признаков, что почки должны распуститься, души

деревьев прячутся в корнях и деревья погружены в спячку. Поэтому и он, стремясь к духовной общности с деревьями, научился у них тоже впадать в зимнюю спячку. Ночами, когда ветер бушевал в ветвях деревьев, ему ни разу не снились тяжелые сны. Но как только голые ветки начинали покрываться почками, его охватывала тревога. Это был не только страх перед надвигающейся опасностью, но и тревога, вызванная предчувствием столкновения с чем-то неведомым. Он предвидел, что вот теперь-то и явится ему знамение, которое перевернет всю его жизнь. В такие минуты каждой клеткой своего тела, всем своим сознанием вожденно ощущая устремленность к чему-то неведомому, он, бреясь, начинал судорожно ощупывать свое лицо. В нем просыпалось вдруг неодолимое желание полоснуть себя по горлу, отражавшемуся в зеркале, и лишь огромным усилием воли он удерживал руку, сжимавшую бритву. Нет, нельзя поддаваться искушению. Ведь он живет в этом убежище, оберегая своего пятилетнего сына по имени Дзин, которого врачи считают слабоумным, хотя глаза у мальчика глубокие и ясные, а в остроте слуха вряд ли кто может сравниться с ним. В их общей спальне все было приспособлено для того, чтобы ребенок мог оставаться один. Теплое чувство к подвалу, где для его душевного покоя в полу было пробито отверстие, обнажавшее крохотный клочок земли, Исана распространил и на комнату, в которой жил вместе с сыном. Дружеское общение с Дзином здесь, в этой комнате, -- единственное по-настоящему полезное деяние -- и составляло смысл его затворнического существования.

Дзин, прежде совсем тощий, при нынешнем, малоподвижном, образе жизни растолстел, и во всем его облике появились черты, наводящие на мысль, не страдает ли он монголизмом. День Дзина начинался с голосов птиц, переписанных отцом с пластинок на пленку. Птичьи голоса запечатлелись в сознании ребенка как некие самостоятельные слова. Обычно Дзин сидел или лежал в изголовье своей раскладной кровати, а магнитофон со скрупулезной точностью воспроизводил голоса птиц. Тихо, чтобы не заглушать их, Дзин выдыхал, почти не раскрывая губ:

-- Это дрозд...

Или:

-- Это сэндайский насекомоед... это сойка... а это камышевка.

Умственно отсталый ребенок различал голоса по крайней мере пятидесяти разных птиц, слушать их было для него не меньшей радостью, чем утолять голод.

Однажды, когда казалось, что зима уже кончилась, снова повалил снег, и Исана стал наблюдать в свой бинокль за снежинками, заполнившими

все пространство окуляров, будто по ним лились нескончаемые потоки воды. Снежинки, трепеща, взмывали вверх, потом замирали -- опускаются ли они когда-нибудь на землю, недоумевал он. В полете снежинок можно видеть синтез почти всех видов движения, и Исана подумал вдруг, что ему открывается всеобщий закон механики. Искрящиеся снежинки взмывали вверх, застывали, потом стремительно мчались в сторону -- глядя на них, человек терял ощущение времени. В пространстве, где плясали снежинки, неожиданно появилась птица с черной головой и шеей. Птица трепетала от страха, бессилия, невыразимого блаженства, от того, что вот так свободно падает она вниз в бескрайнем небе. Исана несколько секунд следил за ее полетом. Точно в фильме, показывающем, как, накладывая одну краску за другой, печатают гравюру, на спине птицы появилось отчетливое зеленовато-желтое пятно. И она растворилась в небытии, откуда нельзя вернуться. Тщетно пытаясь отыскать исчезнувшую птицу, Исана увидел, что в заболоченной низине маршируют крепкие молодые ребята. Это были солдаты сил самообороны. В противоположной стороне на плацу тоже проводились учения, там же виднелись и казармы.

Вечером, когда за стенами убежища шуршал дождь со снегом, Исана снова подошел к бойнице и навел бинокль. Он увидел вдали одинокий дуб, по которому хлестал дождь со снегом. Но сумерки уже сгустились, и ему удалось разглядеть лишь могучий серовато-черный ствол. Он так долго смотрел на дуб, что почувствовал, как в него вливаются излучаемые дубом волны, и понял: он отождествляется с душой дерева. И как будто слившись с дубом, он ощутил, что это его насквозь промочил дождь со снегом, ощутил сбегаящие по стволу капли воды. От напряжения у него взмокло лицо и широко расставленные руки, державшие бинокль, и он ощущал себя влажным, покрытым глубокими трещинами стволом дерева. Дуб во плоти и крови дрожит от холода, но дух его не поколеблен. И лишь когда на него садятся птицы, он испытывает неприятное ощущение в висках. Его глаза видят то же, что видит дуб. Птицы, на которых сзади налетал ветер, с трудом удерживали равновесие. Ветер взъерошил перья на груди и боках, и они потемнели, словно завитки содранной коры. Неподвижно сидящие птицы кажутся пышными и величавыми, но головы их, когда они вертят ими, поглядывая вниз, кажутся до смешного крохотными. Исана, подражая щебету птицы, произнес: "курукуку-бо-бо", и ребенок, неслышно жевавший позади него, сказал:

-- Это горлица...

Воображаемая горлица, ободренная тем, что Дзин узнал ее, еще крепче

вцепляется острыми когтями в ствол дуба. Но и это не более чем легкое прикосновение. Он все реальнее, осязаемее превращается в дуб. Какая-то неведомая сила изнутри и извне давит на глаза, прильнувшие к биноклю. Давление становится все сильнее, кажется, глаза вот-вот лопнут. Он уже больше не может смотреть в бинокль. Он превратился в дуб, и время внутри и вне его проносится независимо одно от другого. Он навзничь падает на кровать, как падает срубленное дерево. "

Глубокой ночью море вышло из берегов, покрыло всю землю, и киты, которых еще не успели истребить, решившись на последнее средство, подплыли к убежищу и стали бить по его железобетонным стенам чем-то мягким, влажным и тяжелым -- плавниками. Пришедшие из моря вместе с морем, они били по стенам, чтобы деликатно, но в то же время настойчиво выразить свою волю. В полусне он чувствует, что ожидал их прихода. И поскольку он ждал их прихода, ждал, что они будут взывать к нему, думал он во сне, то отказался от всех блат, которые сулил ему реальный мир, и поселился в этом убежище. Но, ожидая их, он не знал, как ответить на их призыв. Он был готов ждать, ждать до бесконечности. И вот он ждет, вытянувшись на кровати, весь трепеща. Но киты никогда не смогут разрушить стены убежища и проникнуть внутрь.

На следующее утро он услышал по радио, что солдаты военного оркестра сил самообороны, проходившие обучение в заболоченной низине, подверглись нападению группы хулиганов и есть тяжелораненые. Может быть, в стену и стучали как раз солдаты сил самообороны, у которых были сбиты в кровь руки и они не могли стучать сильнее? Или, может быть, хулиганы решили напасть на укрывшихся в убежище?

Поздно вечером он добрался до железнодорожной станции, стоявшей на возвышенности за убежищем, и купил все вечерние газеты. Создавалось впечатление, что силы самообороны не склонны предавать гласности подробности

инцидента -- в газетах не было никаких подробностей, помимо тех, которые сообщались по радио. Но полиция проводила собственное расследование, и к Исана пришли двое полицейских. Полицейские -- они стояли в прихожей, не заходя в убежище Исана, -- сказали, что у них есть сведения не только о происшедшем здесь столкновении группы хулиганов с солдатами сил самообороны, но и -еще об одном инциденте. Как правило, Исана никому, кроме сына и себя, разумеется, не разрешал переступать порог убежища. У него всегда наготове был убедительный предлог, чтобы отказать всякому (в том числе и жене, которая жила отдельно), кто собирался проникнуть к нему.

Но на этот раз Исана самому было любопытно узнать о происшедшем инциденте, и он решил воспользоваться приходом полиции. Но стоило ему впустить полицейских в прихожую, как весь их интерес переключился на убежище и его обитателей. Они начали выспрашивать Исана, почему он поселился в этом уединенном и странном сооружении. Объяснить полицейским истинную причину было совершенно невозможно. Оказавшись в безвыходном положении, чтоб защитить себя и Дзина, Исана проявил весь свой опыт и изворотливость, которые в трудную минуту всегда приходят на помощь "независимому человеку" -- "homo pro se". Его жилище, объяснял он, включая и бункер, и надземную часть здания, было сооружено, в порядке эксперимента, одной крупной строительной компанией, когда еще в нашей стране планировалась постройка атомных убежищ и намечалось их поточное производство. В ближайшие несколько лет весь этот низинный район, где расположено убежище, будет отчужден для сооружения скоростной автострады, а до тех пор строительная компания вменила ему в обязанность жить в убежище и охранять ее законные права. Говоря это, он достал коробку с документами и показал их полицейским.

Он знал, что имя, которое они найдут в документах, сразу охладит их пыл. Полицейские и впрямь не остались равнодушными к известному в кругах полиции влиятельному деятелю консервативной партии, которым являлся президент строительной компании, тесть Исана. Поняв, что даже малейшие подозрения в отношении него совершенно необоснованны, полицейские вернулись к подробному рассказу об инциденте, несколько не заботясь о том, какую бурю вызовут в душе Исана их слова. После их ухода, когда Исана уже успокоился, избежав лишних хлопот, связанных с необходимостью доказывать достоверность своего объяснения, он вдруг ощутил, как жажда вождельного и пока еще неясного знамения все сильнее распаляет охвативший его тело жар. И хотя знамение оставалось расплывчатым, трудноуловимым, оно, излучая чуть заметное желтоватое сияние, несло по орбите и рано или поздно должно его настигнуть. Он проверил, заперты ли двери прихожей и кухни, убедился, что ребенок спит, и, охваченный непонятным возбуждением и вместе с тем угнетенный мрачной безысходностью, опустошенностью, заплетающейся походкой подошел к люку, спустился по железной лесенке вниз и погрузил ноги в красновато-коричневую мокрую землю тридцатисантиметрового квадрата. И, чувствуя, как к нему возвращается ощущение реальности бытия, стал восстанавливать в памяти рассказ полицейских. Собравшись после работы выпить, полицейский агент

решил сперва зайти домой -- оставить бывший при нем пистолет -- и по дороге столкнулся с девчонкой. Может быть, как и тогда с солдатами сил самообороны, ее целью тоже было добыть оружие: с виду никакой опасности она не представляла, и хотя агента удерживало сознание служебного долга, девчонка была очень уж соблазнительна, и он решил сделать вид, будто она и впрямь завлекла его, и пойти с ней. Так все и получилось. Сорокапятилетний опытный агент. Да и здоровый. Ты мне предлагаешь что-нибудь хорошенькое? Ну так как? Девчонка стояла у самого входа в бар, вроде бы сгорая от желания, опустив голову, и, слегка расставив ноги, засунула руки в шорты, будто заправляла блузку. Быстро и тяжело дыша, точно это ей никак не удавалось. Ну ладно, все будет в порядке, посочувствовал ей агент, взял за руку покрасневшую девчонку -- она сразу прижалась к нему -- и пошел с нею.

Идя с девчонкой, агент спрашивал себя, на самом ли деле она такая уж бывалая и просто делает вид, будто сгорает от желания, надеясь соблазнить его, или у нее действительно нет никакого опыта, и она вообще не знала мужчины. Ему вдруг пришло в голову, что она девственница и от нее пахнет лекарством. Интересно, какое лицо, какое тело у этой девчонки, которая, желая соблазнить солидного сорокапятилетнего агента, стояла жалкая, расставив ноги, опустив голову, держа руку на расстегнутых джинсовых шортах и с виду прямо сгорая от желания. (Впрочем, увидев вблизи ее покрасневшее лицо, он убедился, что она в самом деле сгорает от желания.) Они все шли и шли. Сколько же можно идти? Жаль, поблизости нет никакой дешевой гостиницы, думал агент, хорошо бы подвернулся какой-нибудь тайный дом свиданий. Девчонка стала спускаться по кособоку. Они шли уже довольно долго, а она даже слова ему не сказала, -- может, ненормальная, подумал агент. Но глаза девчонки -- она иногда поглядывала на него -- были вполне нормальные, ясные и искренние, глаза человека, решившегося на важное дело.

Идущая вниз дорога прорезала кособоку наискось и спускалась от жилого массива к заболоченной низине. Возьми они чуть правее -- и угодили бы прямо на узкую тропинку, ведущую к убежищу Исана. Значит, полицейские вовсе не случайно пришли осматривать его жилище. Особенно если учесть, что впереди до самой низины, кроме его убежища, нет ни единого жилого дома. Агент знал, что внизу нет никакой гостиницы, да и охота у него пропала, и он решил снова вернуться к своим прямым обязанностям, точнее -- вести себя так же, как до встречи с девчонкой. Когда они спустились вниз, он остановился у фонаря и

заговорил с ней. То ли общество такое, то ли время? Почему вы, молодые девицы, этим занимаетесь? Агент произнес эти избитые слова, наставляя девчонку на путь истинный, но она оборвала поучения, продиктованные его служебными обязанностями, и, стоя в желтом свете уличного фонаря, прислонившись спиной к стене краснозема, в котором была прорезана дорога, раскрыла рот, еще более красный, чем краснозем, и закричала: Пусть меняется время, пусть меняется общество, мы все равно будем это делать. В слове "мы" агент уловил беспокойство, точно небо над его головой на мгновение заслонила тень огромной птицы, но он тут же подумал, что это просто был ответ на его "вы ", и спросил: Даже если наша страна станет коммунистической, вы все равно будете заниматься проституцией? Девчонка, точно на устном экзамене, но вдобавок вкладывая в свои слова весь пыл, на который была способна, закричала: И в коммунистической, и в любой другой стране мы будем и проституцией заниматься, и всем прочим. Агент увидел, что по дороге на них несется человек пять вооруженных дубинками подростков -- из тех, кого девчонка назвала "мы". Одному ему было с ними не справиться, агент понял: уйти от нападающих удастся, лишь прихватив с собой одного из них; он выбрал самого щуплого, и как тот ни отбивался, как ни выкручивался, сообразив, что избран в качестве жертвы, агент надел на мальчишку наручники, защелкнув другой конец на своем запястье. Но заседавшие со всех сторон подростки, изловчившись, ударили его сзади по голове, и он сразу же потерял сознание. Очнувшись вскоре, он обнаружил, что лежит у груды щебня, уткнувшись лицом в ручей, протекавший вдоль обрыва, -- еще немного и захлебнулся бы. Пришел в себя и видит -- в полутьме, прямо у него под боком девчонка старательно моет руки: ха-ха. Пистолет забрали, а эти щенки, не сумев освободить товарища от наручников, толкуют, не отрезать ли агенту руку. Вот гады. Он тотчас вскочил, и, волоча за собой мальчишку, скованного с ним наручника, побежал по заболоченной низине, поросшей редкой травой: мальчишка -- ему тоже пришлось бежать изо всех сил -- вдруг рухнул посреди дороги, но агент волочил его дальше, и тогда он стал пытаться отрезать ножом руку уже себе, а не агенту. Да ему было и не дотянуться до агента. Но свою-то руку он запросто мог отрезать. И тогда агент -- хулиганы гнались за ним, а мальчишка был тяжелый, а главное, и впрямь мог отрезать себе руку -- понял, добром все это не кончится, сам отстегнул наручники и убежал. Но долго еще юнцы, вопя, неслись за ним вслед. Вы не слышали их криков? Агент обнаружил потом, что голова и рука у него в крови, голова -- в своей, рука -- в крови мальчишки.

Сейчас в низине, поросшей редкой травой, стоят засохшие мощные стебли мисканта и тростника. По этой-то вязкой низине, превращенной сухостоем в лабиринт, бегут изо всех сил мужчина с окровавленной головой и прикованный к нему мальчишка. Глубокая ночь. Они бегут, продираясь сквозь сухой мискант и тростник, и мальчишка, чтоб освободиться,

достаёт нож и пытается отрезать себе руку. А сзади, сквозь густые заросли, вопя, несется банда... Отрезать самому себе руку! Отрезать себе руку ножом. Это вовсе не то, что просто отрезать руку, -- тут начинаются другие понятия. Так размышлял агент, мчась по зыбкой влажной земле. Осьминог пожирает самого себя. Щупальце осьминога, отторгнутое внешней силой, вырастает заново, а сожранное им самим -- не восстанавливается. Значит, для примитивного сознания осьминога самопожирание -- вдвойне, втройне страшное решение. Мальчишка решился отрезать себе руку ножом, отвергнув в своей отчаянной смелости саму идею возрождения. Решился, терзаемый страхом более сильным, чем боязнь, что рука никогда не восстановится, понимая, что, отрезав себе руку, он рано или поздно должен будет расстаться с бандой, и эта боль доставляла ему больше страданий, чем причинила бы ножевая рана. К горлу Исана подступила рвота. Он то и дело поглядывал на свою руку, с трудом пересиливая желание снова и снова удостовериться в ее существовании. Он старался изгнать из своего сознания все ножи, какие могли найтись в убежище. Может быть, прикованный к агенту наручниками мальчишка был просто пьян? -- спросил он тогда, и полицейский, представитель того типа людей, которые признают в своей болтовне только одностороннее движение, ответил: Чего? А какое это имеет значение, пьяный, не пьяный? -- и продолжал свой рассказ. Но разве действительно не имело никакого значения, пьяным или трезвым был мальчишка, хотевший отрезать себе руку, чтобы освободиться от наручников? Если бы обезумевший от страха и отчаяния мальчишка в ту минуту действительно был пьян, перед ним наверняка замерцала бы надежда, хоть в виде вздымающейся по опаленному пищеводу рвоты. В опьянении отрезать себе руку не так уж страшно. Решение мечущегося между истерическим возбуждением и отчаянием подростка позволяло ему вонзить нож себе в руку, которая во хмелю казалась ему чужой. Но Исана почувствовал в своих построениях, так легко и просто все объяснявших, серьезный изъян. Если даже допустить, что мальчишка был пьян, полицейский все равно не мог не заметить: мальчишка догадался, что хочет сделать с ним полицейский, волочивший его за собой, и сжался

в комок. Вот что это был за мальчишка.

Пусть меняется время, пусть меняется общество, мы все равно будем это делать. И в коммунистической, и в любой другой стране мы будем и проституцией заниматься, и всем прочим. Перенеся всю тяжесть своего тела на ноги, покоившиеся в земле, Исана встал со стула. Ноги, точно живые корни, ушли неглубоко во влажную землю -- этот тонкий, едва заметный покров земного шара. Требовались немалые усилия, чтобы вытащить из земли корни, подняться по железной лестнице и подойти к окну-бойнице на первом этаже.

Исана взял свой мощный бинокль, потушил свет и сквозь темную бойницу, не отсвечивавшую теперь ни единым бликом, стал осматривать заболоченную низину. Кромешный мрак.

Но мрак, в который смотришь невооруженным глазом, и мрак, разглядываемый через бинокль, -- не одно и то же. В глубоком, беспросветном мраке, открывшемся в окулярах бинокля, он увидел того самого щуплого подростка, которого волочил за собой полицейский, увидел мальчишку, догадавшегося, что хочет сделать с ним полицейский, и сжавшегося в комок. Резкий ветер разгоняет тучи, со вчерашнего вечера заволакивающие небо. Высоко в небе светит луна, время от времени уходящая за тучи, но из бойницы ее не видно. Сухие стебли травы, склоненные ветром в сторону убежища и возвышенности за ним, чуть белеют во мраке, переливаясь, как волны, как мелкие рыбешки, что, извиваясь, стремятся вверх. Там-то и тащил агент упирающегося мальчишку, прикованного к нему наручниками. Возможно, предсмертный вопль подростка, готового от страха в бешенстве отрезать себе руку, и крики его приятелей, носившихся по темной заболоченной низине в поисках товарища, исчезнувшего вместе с агентом, -- возможно, их вопль и крики, слившись с сигналами китов, долетавшими из далекого моря, все еще звучали в его ушах. В едином созвучии с сигналами, которых никто на земле еще не сумел разгадать...

Глава 2

ПОКИДАЕТ РАКОВИНУ

Исана ждал дня, пока деревья покроются молодой листвой. Когда деревья облачатся в свои доспехи и обретут ощущение полной безопасности, он, духовно общаясь с деревьями, тоже обретет уверенность, что нагота его отныне прикрыта и ему ничто не угрожает, и тогда он сможет наконец покинуть свое убежище... Однажды утром в окно-бойницу он увидел, что на дубе, разорвав

почки, пригретая ласковым солнцем, трепещет нежная молодая листва, обнаженная и незащищенная. И сам он сразу почувствовал, как возрождаются в нем жизненные силы, дремавшие всю зиму. Медленно втягивая воздух трепещущими ноздрями, он совершенно отчетливо ощутил, как они бурлят в нем. Даже Дзин, который лучше его приспособился к затворнической жизни в убежище, зарядился новой энергией. Исана начал телепатически внушать ему, что нужно выйти наружу, чтобы израсходовать хоть немного скопившейся в нем энергии. В случае необходимости сделать это совсем не трудно -- требуется лишь время и терпение. К вечеру он тщательно закутал сына, как это делают с деревьями, когда их пересаживают, оборачивая соломой ствол, чтоб не засох, надел на него свитер и тонкие синие брюки, на голову -- вязаную шапочку с узкими полями и вышел с ним из убежища. Они стали опускаться прямо по косогору к дороге, обрамляющей заболоченную низину. Ребенок упирался изо всех сил. Его пугало то, что земля под ногами сплошь поросла цветущим мхом и сантиметрах в пяти над ней распустились мелкие цветы. Обняв ребенка, Исана зашагал прямо по цветам. Горы сухих листьев и травы, с осени завалившие низину, теперь ссохлись и выглядели жалкими. Землю ковром укрыла молодая трава. Но она еще не успела подняться буйными высокими зарослями, и на низине там и сям виднелись проплешины и выбоины. Они шли, оставив вправо от себя огромную вишню, миновали ручей, где банда головорезов устроила агенту засаду, и вместо того, чтобы взобраться наверх, прошли через туннель, над которым была проложена линия электрички, спустились через поле, похожее на корабельное днище, поднялись на противоположный склон, и глазам их открылся плавный вираж скоростной автострады, устремлявшейся к центру города. Отсюда возвышенность казалась островом, никак не связанным с низиной. И лишь на чуть прикрытом молодой травой косогоре, у подножия острова, одинокой бетонной глыбой торчит его убежище.

Он сел вместе с сыном на заднее сиденье рейсового автобуса и, пока автобус огибал заболоченную низину, едва не свернул себе шею, стараясь ни на миг не выпустить из поля зрения бетонную глыбу убежища. И даже когда его жилище скрылось за холмом, он, обняв сына и глядя на возвышенность, старался определить его местоположение. Зачем ему нужно было с такой точностью установить местоположение убежища? Если через час начнется последняя мировая война, он, прежде чем палящий жар ядерного взрыва и ударная волна достигнут города, со всем хладнокровием и упорством, которые человек ради такого дня накапливает всю жизнь, должен будет, пробираясь между мечущимися в панике жителями, вместе с Дзином пешком вернуться домой. И вдвоем с сыном, невзирая на гибель человечества, спокойно ждать, пока

деревьям и китам будут предоставлены их законные права. Когда от безумного жара запылают бетонные стены и взрывная волна достигнет ушей Дзина, Исана услышит тихий шепот ребенка: -- Это конец света. У входа в парк, на конечной остановке автобуса, Исана, ведя сына перед собой, подошел к вращающемуся турникету и стал опускать монету в узкую, как сощуренный глаз, щель. Но монета лишь ударяла его по пальцам. Отверстие было закрыто. Он решил перейти к соседнему турникету, но Дзин, усевшись на корточки в металлическом коридоре, ведущем к турникету, стал плакать и упираться. Исана не мог ничего с ним поделать. В затуманенном мозгу ребенка заранее вырисовывалось в определенном порядке все, что должно было произойти. И когда отец, всегда заставлявший его действовать именно в этом порядке, вдруг что-то изменил, Дзин решительно воспротивился, твердо придерживаясь схемы, зафиксированной в его мозгу.

Сначала Исана изо всех сил старался вытащить сына, растопырившего руки и ноги наподобие водяного жука, из металлического коридора. Когда же ему пришлось отказаться от этой затеи, он стал озираться вокруг, определяя вслух расстояние до окружающих предметов, убеждая тем самым Дзина, что уступает его сопротивлению. Он надеялся этим вернуть сыну покой и радость, освободив от навязчивой идеи и направив его мысль в новое русло. Потом он подошел к турникету и, притворившись, будто сообразил, как легче преодолеть его, поднял мальчика и опустил по другую сторону. А сам перебежал к соседнему турникету, но Дзин жалобно заплакал -- почувствовав себя одинокой душой, маковым зернышком, брошенным посреди злого, огромного мира. Исана со всех ног понесся к металлическому коридору и стал -- опять безуспешно -- совать в отверстие монету, ему чудилось, будто за спиной у него звучит его собственный отчаянный плач. Хотя их с сыном разделял всего лишь турникет и вход в парк был совершенно безлюден, собственное существование в этом мире показалось ему настолько эфемерным и неустойчивым, что единственной его опорой оставался этот умственно отсталый ребенок.

- Наконец Исана нашел турникет, в который ему удалось опустить монету; он прошел через него и, встав на колени, прижал к себе дрожащего от страха ребенка, словно надеялся, что мягкое, теплое тельце сына вернет ему душевное равновесие. В стороне, на почтительном расстоянии от них стоял служитель парка. Но почему раскричался этот пожилой служитель, да еще таким голосом, что волосы дыбом встают? Чего доброго, еще зверушки в парке со страха перестанут принимать пищу, -- хотел сказать Исана. Но когда их взгляды встретились, служитель лишь робко предупредил:

-- Парк уже закрыт. Увидеть чучела чудовищ вам теперь не удастся. Да и аттракционы больше не работают...

-- Но мы приехали издалека, -- сказал Исана и, по-прежнему обнимая сына, стал внимательно осматривать парк. Парк погружался в сумерки, кругом не было ни души; на огромной площадке, вокруг высокого металлического столба, беспомощно повисли на тросах самолеты и клетки, которые должны были взлетать вверх. Рельсы американских гор казались парящим в воздухе скелетом лабиринта. И лишь в окрашенных краской бесплатных качелях да зеленой листве, слегка приодевшей ветви искривленных деревьев, чувствовалась жизнь. Музыка в парке давно умолкла.

-- Раз уж вы приехали издалека, можете, пожалуй, прогуляться по парку. Пока рабочие не закончат уборку аттракционов и не уйдут, выход будет открыт, -- сказал служитель Исана, который все стоял на коленях, озираясь вокруг.

Исана и Дзин вышли на площадку с аттракционами. Перед ними, занимая чуть ли не пятьдесят квадратных метров, высился огромный помост, на котором стояли так называемые волшебные чашки. Толпившиеся вокруг

подростки одновременно повернулись к Иса-на и Дзину и стали наблюдать за ними. По мере их приближения подростки, оставив лишь одного щуплого мальчишку, все разом, подобно откатывающейся от берега волне, стали отходить к глицинии, скрывавшей общественную уборную. Исана сразу же обратил внимание, как, не сговариваясь, организованно они отступают. Он почувствовал, что они с Дзином невольно замедляют шаг, приближаясь к помосту с волшебными чашками. Из чувства самосохранения он, разумеется, не стал разглядывать находившихся у него за спиной подростков. И шел вперед, словно замороженный видом волшебных чашек, но ребенок упирался, его пришлось волочить, как куль с песком, и они приближались все медленнее и медленнее.

Ему вдруг бросилось в глаза странное обстоятельство. Мальчишки, собравшись у общественной уборной, образовали кольцо, загон, в котором был лишь один выход -- в сторону уборной. Парень, стоявший в глубине загона, неотрывно смотрел в сторону Исана, остальные сосредоточенно рассматривали западную, часть неба. И те, кто был заперт в клетках, и те, кто остался в парке работать сверхурочно, и даже голуби, и эта неизвестно что собой представляющая компания -- все, точно сговорившись, неотрывно смотрели на запад. Плечи и спины подростков были напряжены, казалось, они ждут добычу, которая должна попасть в их загон. Исана испытал трепет, какой испытывает, лягушка под злобным взглядом змеи. По спине пробежал холодок страха. Он здесь с ребенком и поэтому не посмеет сопротивляться, но это хулиганье, не исключено, избыток не только его, не оказывающего сопротивления, но и ребенка. Исана представил себе, как легко его завлечь в ловушку, устроенную хулиганами. Правда, пока Дзину вроде не нужно в уборную, но в любую минуту

он, гордый тем, что вышел наконец из дому, может заявить:

-- Дзин хочет пи-пи.

И тогда у Исана останется один лишь выход -- сделать несколько шагов в сторону уборной, а потом, подхватив на руки плачущего ребенка, броситься в сторону. Но нет, загон, устроенный подростками, доходит до самой уборной, закрытой живой изгородью из глицинии, и уйти, пока они сами не отпустят его с сыном, повалив перед тем на мокрый загаженный пол и избив, будет невозможно. Исана живо нарисовал в своем воображении, как он валяется на бетонном полу, а это хулиганье пинает его ногами, обыскивает карманы, дотрагиваясь до него кончиками пальцев, чтоб не испачкаться. Если он и не подохнет тут, как собака, избитый и истерзанный, то, уж наверное, долго не сможет пошевелить ни рукой, ни ногой. В уборной, уткнувшись носом и щекой в бетонный пол, лежит тело тяжелее собственного веса, тело потерявшего сознание человека. Перепуганный Дзин с бешеной быстротой все глубже втягивается в водоворот страха, постичь причину которого он не в состоянии. Стоило Исана представить себе страх, который охватит ребенка, как новый прилив страха, точно он и ребенок представляли собой одно целое, подталкивал к горлу что-то кислое, напоминающее желудочный сок, и начиналась резь в глазах. Мчись, мчись вперед, прижимая к груди ребенка, как мать. Если ребенка испугает топот бегущих сзади, кричи вместе с ним. Так подсказывал ему инстинкт. Когда Исана миновал проход в загоне и пошел вперед, не останавливаясь, он услышал, как парень, за которым он наблюдал краем глаза и который потом исчез из его поля зрения, дав добыче свободно пройти (если следовать ощущениям Исана -- дав пройти заряженному гневом носорогу), сказал, будто главный загонщик, громко и нагло подающий знак своим товарищам:

-- Это тот псих, который заперся в своем блиндаже...

Свирепый сухой ветер намел вокруг убежища лепестки последних в этом сезоне цветов, огромные горы лепестков вишни. Если эти хулиганы укрылись в заболоченной низине или еще где-то и наблюдают за убежищем, то, наверно, смеются над ним. Украсил, мол, свое бетонное чудовище дурацкими розовыми лепестками, представил себе их насмешки Исана. Правда, если они прячутся так близко, что могут рассмотреть лепестки вишни у стены убежища, то с помощью мощного бинокля из любой бойницы их можно легко обнаружить. Исана осматривал заболоченную низину, готовя себя к тому, чтобы, не дрогнув, встретить неожиданное появление в окулярах подростков, если вдруг увидит, как они, широко раскрывая рты, хохочут, высмеивая его. Но он никак не мог углядеть их в бинокль и в то же время не мог убедиться в том, что они не прячутся где-то поблизости, поэтому и в нем самом, как и там, за бойницами,

свирепым сухим ветром бушевала тревога. Но Исана не мог до бесконечности сидеть безвылазно в своем убежище, кипя от раздражения. Ему необходимо было время от времени выпрашивать очередную подачку у тех, кто обеспечивал существование его и Дзина. В такие дни, на случай, если отключат электричество, он устанавливал в их общей спальне на третьем этаже магнитофон, переключающийся на батареи -- стоит только вынуть штепсель из розетки. Это легко может сделать и ребенок, знай он только, где находится розетка. Потом вставлял в магнитофон склеенную кольцом ленту, на которой были записаны голоса птиц. В углу комнаты приготавливал плоскую, устойчивую чашку с водой и блюдце -- даже если случайно толкнуть их ногой, вода на пол не прольется. Кроме того, наливал еще воды в бутылку с соской, с которой Дзин прожил большую часть своей жизни. Он убирал подальше ножи, ножницы и вообще все, чем можно порезаться; чтобы ребенок не захлебнулся, накрывал унитаз тяжелой металлической сеткой. Чтобы он не задохся, сунув куда-нибудь голову, Исана выбрасывал все полиэтиленовые пакеты и прорезал дырки в бумажных мешках с печеньем.

Уход из дому был связан с определенным ритуалом. И на этот раз Исана подождал, пока ребенок не усядется, выбрав самое удобное место -- на кровати или на полу на подушке. Потом включил магнитофон. Голоса птиц постепенно замкнули сознание ребенка. Дзин стал похож на зверька, погрузившегося в зимнюю спячку. Исана, пятась, вышел из комнаты, спустился, крадучись, по винтовой лестнице и покинул убежище...

...Пока он находился вне дома, им все настойчивей овладевало предчувствие, будто случилась беда и в запертом бетонном ящике, несомненно, произошла катастрофа. Он долго не мог решиться вставить ключ в замочную скважину входной двери. Опустившись на колени на полусохшие лепестки вишни, он приложил ухо к замочной скважине. Изнутри слышались, правда совсем тихие, голоса птиц, записанные на кольцо пленки. Это его сразу же успокоило. Словно, если магнитофон по-прежнему воспроизводит голоса птиц, значит, и Дзин сидит смирно, не свернул себе шею, сорвавшись с винтовой лестницы, не задохнулся, сунув голову в полиэтиленовый пакет, не сжег горло, выпив моющее средство, и не захлебнулся в унитазе. Успокоившись, он вошел в убежище. На магнитной ленте заливался козодой. В темной прихожей голос его словно легонько поглаживал виски и переливался, удаляясь все дальше и дальше. Умиротворенный жизнерадостным пением птицы, Дзин растерянно улыбался и говорил обычно:

-- Это козодой. И это тоже козодой.

Но сейчас голоса Дзина не было слышно, и, только поднявшись по винтовой лестнице наверх, Исана увидел сына, который спал под кроватью, устроившись

между двумя желтыми пластмассовыми ведрами. Исана довольно долго, словно некую диковину, разглядывал подошвы ног ребенка, синие от засохшего и окислившегося на них крахмала. Потом, не снимая пальто, в изнеможении улегся, поджав ноги, прямо на кровать Дзина и стал слушать птичий хор, в котором солировал дрозд. Забывшись коротким, как эта кровать, сном, Исана увидел в неведомом мерцающем свете Дзина, которому было уже тридцать пять лет. Мерцание это, сопровождавшееся записью птичьих голосов, озаряло его сына и едва ощутимо согревало лицо Исана. В этом сне творилось нечто ужасное: избивали Дзина. У сына, хоть он и вырос, остались по-детски покатые плечи. Огромная голова, составлявшая чуть ли не треть его роста, и рыхлая полнота тоже остались детскими, щеки расширялись книзу и, закрывая ворот свитера, свисали на грудь. Этого тихого и безобидного повзрослевшего Дзина избивал жилистый полицейский, и тот, безуспешно пытаясь вырваться из его рук, издавал записанные с помощью гидромикрофона крики кита: йе, йе, йей, йей.

Сын не понимал, за что его избивают, не знал, как избавиться от полицейского, и, испытывая невероятные страдания, отвечал на сотрясавшие его склоненную голову удары лишь жалобными криками: йе, йе, йей, йей. Исана проснулся от криков кита, которые издавал он сам, с таким горьким чувством одиночества и беспомощности, что не смог удержать слез. Он лежал, поджав ноги, то и дело ворочаясь с боку на бок. Приподнявшись на постели и опустив ноги на холодный пол, он думал: нужно бы научить Дзина, чтобы он, если его будут бить, не страдал безропотно, а, зарядившись гневом, бросался в ответную атаку или хотя бы уклонялся от ударов. Времени мало, смеркается, а путь далек. Да и когда произошло все увиденное во сне, отец тридцатипятилетнего Дзина, то есть сам Исана, уже умер. Вот почему он, уже мертвый, сознавая полное свое бессилие, поджав ноги, ворочался с боку на бок и плакал, издавая крики: йе, йе, йей, йей.

Но успеет ли Исана при жизни научить сына, как вести себя в случае нападения? Может быть, обмотать голову черной тряпкой, вымазать неприкрытую часть лица красной краской и наброситься на Дзина в темноте у винтовой лестницы? А вдруг Дзин, с его тонким обонянием, осязанием и слухом, узнает в напавшем перерядившегося отца? Тогда он решит, будто отец -- неведомо для чего, -- обмотав голову черной тряпкой и вымазав красной краской лицо, устроил ему засаду и избил. Новый приступ страха заставил Исана заглянуть под кровать -- вид спящего сына, как всегда, вселил в него бодрость и покой...

Чувствуя, что Дзин уже, наверное, проснулся, Пеана снова заглянул под кровать. Заглянул под таким углом, чтобы при том освещении, которое было в

комнате, Дзин мог сразу узнать его. Ребенок проснулся спокойно, и в обоих глазах его -- том, который видел слабо, и здоровом -- тоже засветилась тихая радость от того, что он узнал отца. Глаза его, отливавшие радужным блеском, как внутренность раковины, улыбались точь-в-точь как у взрослого.

-- Сэндайский насекомоед, -- сказал он в ответ на голос, слышавшийся из магнитофона, и сладко зевнул. В душе Исана бесчисленными пузырьками всплыла радость. Он снял пальто, взял на руки еще теплого со сна Дзина, крепко прижал его к себе и, как бы убедившись, что и его собственное тело тоже живет, стал спускаться по лестнице.

-- Сварим сейчас макароны, и я тебе расскажу, что сегодня произошло, -- повторил Исана несколько раз, и Дзин наконец согласился:

-- Свари макароны и расскажи... Исана, как всякий мужчина, живущий затворником и не привыкший есть в компании, быстро проглотил макароны, сдобренные маслом и сыром, и выпил несколько чашек воды. Дзин же ел спокойно и размеренно, весь отдавшись еде, смаковал ее, устремив взор в потолок, и, пребывая в какой-то прострации, утратил способность двигаться, двигалась лишь рука, отправлявшая в рот очередную порцию макарон. Исана любовался сыном. Потом, видя, что ребенок съел все до последней крошки и продолжает неотрывно смотреть в тарелку, в надежде найти прилипший ко дну кусочек, придвинул к нему коробочку тянучек, которую купил про запас вместе с другими коробками продуктов и овощей. Деньги для этого он раздобыл, выйдя сегодня из дому. Дзин долго пытался открыть коробочку с тянучками и, когда ему это удалось, радостно протянул крышку Исана, но, раньше чем начать есть, внимательно осмотрел аккуратно разложенные в коробочке конфеты. Исана посмотрел на марку, воспроизводящую старую гравюру. На огромной рыбе плывет по волнам бог, играя на арфе. Эта репродукция картины, изображающей Ариона с арфой в руках на спине дельфина, была в коллекции Исана, посвященной китам. Исана смотрел на репродукцию старинной картины, воспроизводящей животное из семейства китовых, с не меньшим восхищением, чем Дзин на свои тянучки. Потом, обратившись к Дзину, прочел длинную лекцию, страстно желая, чтобы души деревьев идуши китов незримо при сем присутствовали: -- Едва только переступив порог больницы, в комнате ожидания, где находились посетители, пришедшие проведать больных, я сразу же увидел полицейского в штатском. Возможно, кроме него были и другие. Но мне вполне достаточно и того, что я увидел одного. Стоя у телефона-автомата, я услышал, как молодая женщина, которая то ли пришла кого-то проведать, то ли ухаживала за больным и хотела поговорить с кем-то, чтобы больной ее не услышал, называла имя больного и номер палаты -- я запомнил. Через некоторое время я сказал ей, что работаю в газете, и спросил, на каком этаже

специальная палата. Если речь идет о политическом деятеле, то на пятом, восточное крыло, объяснила она мне.

Зачем я запомнил номер палаты, в которой лежал больной, не имеющий ко мне никакого отношения? Это была просто предосторожность на случай, если полицейский в штатском, стоящий у лифта, спросит, к кому я иду. Но мои опасения оказались напрасными. Я преспокойно поднялся на пятый этаж. Правда, когда я вышел из лифта, то увидел в восточном крыле коридора еще одного полицейского, стоявшего у дверей самой дальней палаты с таким видом, будто он оказался здесь случайно; этот был уже в форме. Что же делаю я? Вхожу в уборную, сажусь на унитаз, не поднимая крышки, и спокойно жду, когда и полицейский придет сюда по нужде. Я сразу же узнал его шаги. Действительно, стуча подкованными ботинками и отдуваясь тяжело, как бык, вошел полицейский. Запершись в соседней кабине, он чем-то шуршал, а потом издал громкий звук. Несколько секунд я сдерживался, но все же прыснул. Выйдя из уборной, я направился в палату, которую теперь никто не охранял. Когда я вошел, секретарь, разумеется, вскочил и бросился ко мне. Но я тут же увидел сраженного раком властителя мира политики, который, сидя на кровати, как будто глянул в мою сторону. Я увидел твоего деда. Подтянув к себе деревянный кронштейн, прикрепленный к спинке кровати, он разглядывал себя в висевшем на нем зеркальце. Он действительно ужасно похудел. Его сморщенная голова теперь была похожа на совершенной формы шар, самой широкой частью которого были виски, откуда овал мягко сходил на нет к макушке и подбородку. Мне показалось, что он думает успокоенно: да, именно это моя настоящая голова. Когда я служил у этого человека личным секретарем, он был очень полный и заплывшие жиром лицо и затылок нарушали идеальную форму шара -- это его ужасно раздражало. Только потому, что голова его лишилась идеальной формы шара, он считал свою полноту безобразной. Я пробовал говорить, что полнота его совсем не безобразна, а он не то чтобы возмущался, но возражал и при этом рисовал свою голову, какой она была в студенческие годы. Череп -- туго обтянутый кожей, ни жиринки, круглый, как арбуз. Сейчас его голова снова приняла идеальную форму шара. Разглядывая в зеркало свою голову, он, наверно, хотел убедиться, что полость рта, напоминающая маленький черный шарик, очень подходит к голове, имеющей идеальную форму шара. Не зря же он, мельком взглянув на меня, непрошеного гостя, не закрыл рта и по-прежнему держал перед собой зеркало. Мне даже почудилось, будто в этой темной круглой яме я увидел раковую опухоль, поразившую его горло. Казалось, оттуда вырываются вонь и мириады вирусов рака. Мне хотелось крикнуть этому старику с головой, имеющей идеальную форму шара: вы за свою долгую жизнь бюрократа и политика лгали несчетное

число раз, стараясь добиться, чтобы вам поверили, и на этой удобренной ложью почве взрастили лишь жалкую травинку правды, касающейся формы вашей головы, но, к сожалению, вам никто не верил.

Мне удалось пройти лишь половину узкого пространства между дверью и кроватью -- в меня вцепился упитанный секретарь, ревностно оберегающий политика, заболевшего раком. Свет из окна освещал его спину, и он напоминал либо дрессировщика собак в длинном дрессировочном халате, либо просто мешок, набитый песком, но воздух, со свистом вырывавшийся из его ноздрей, тяжело пах дзинтаном (Дзинтан -- лекарство в виде мелких серебристых шариков, оказывающее тонизирующее действие) и луком. Какой же была его энергия, укрепляемая лишь с помощью дзинтана и лука, в этой жизни, отданной сидению у постели больного? Его энергии вполне хватило на то, чтобы вытолкать меня из палаты. Кроме того, он несколько раз больно ударил меня по колену, что тоже заставило меня отступить. Поэтому единственное, что мне удалось, когда меня выталкивали вон, это прокричать призыв. Прокричать, обратившись к старику, чтобы перевоспитать его! Вгони ноги в землю, как дерево! Меня с таким ожесточением толкал и пинал секретарь, что голос мой прерывался, но все равно, когда я прокричал это больному, секретарь, во всеоружии дзинтана и лука, дошел до того, что воззвал к кому-то, стоявшему у стены: Наоби-сан, разрешите избить его? При этом продолжал бить меня по колену, подлец. Холодный голос твоей матери ответил: Можешь избить его как следует. И этот дзинтаново-луковый молодчик начал избивать меня по-настоящему, а в это время вернулся тот, ходивший по нужде полицейский. Налетел на меня сзади и больно ударил по голове. Тут я понял, что у меня не остается времени отправить последнее, даже самое крохотное послание, и закричал: йе, йе, йей, йей. -- Это кит, -- радостно, нараспев сказал Дзин.

Глава 3

СЛЕЖКА И УГРОЗЫ

Когда человек, впоследствии назвавшийся Ооки Исана и имевший настоящее имя, записанное в книге регистрации актов гражданского состояния, просыпался, то, пока пробуждались от сна лишь руки и ноги, а мозг и желудок еще были погружены в дремоту, он временами испытывал глубокую опустошенность вынужденного из петли самоубийцы. Впервые это случилось однажды утром. Во время сна в его продолжавшем бодрствовать сознании сохранялось воспоминание о том, как вечером он точил кухонный нож по просьбе жены -- они еще жили вместе -- и во сне пробовал самые разные способы покончить с собой. Лучше всего, решил он, перерезать себе горло, и

эта картина отчетливо запечатлелась в его мозгу. На рассвете, проснувшись в своей холодной кровати, он, точно ящерица, настороженно поднял голову, нащупал босыми ногами пол и кратчайшим путем направился в кухню. Но шум работающего холодильника, помимо воли Исана, остановил его. Достав из холодильника жирный кусок свинины на ребрышках, целиком зажаренный в духовке, он рвал его зубами, искоса поглядывая на три аккуратно висящих кухонных ножа, поблескивавших в рассветной мгле. Насытившись, Исана вновь пробудил в себе инстинкт самосохранения...

Хотя он тогда и упустил момент, чтобы дать выход бесконечной опустошенности, испытываемой обычно на рассвете, он считал чистой случайностью, что в утренней газете не было статьи о его смерти или о том, что отказывающийся жить ребенок в конце концов умер. Отказывающимся жить ребенком был Дзин. Почему Дзин оказался в состоянии безысходности -- неизвестно, но ребенок явно отказывался жить, и те, кто внимательно наблюдал за ним, установить ничего не смогли. Когда Исана впервые обратил на это внимание и они с женой, стыдясь, должны были признать, что не чем иным, как дурной болезнью, которой оба когда-то страдали, объяснить это невозможно, положение ребенка стало критическим. Он активно отказывался жить, и это состояние стало для него обычным.

Поскольку Дзин был еще слишком мал, чтобы сознательно относиться к своему телу как к чему-то враждебному, то вряд ли он нарочно истязал свое сопротивляющееся страданиям тело. Однажды зимним утром жена увидела, что в ванне, вода в которой уже почти остыла, сидит Дзин и его тело, выступающее из воды, посинело и покрылось гусиной кожей. Он заболел воспалением легких и долго не поправлялся. Он так долго не мог выздороветь потому, что жидкая пища, которой его кормили, не успев достичь желудка, сразу же извергалась обратно. Казалось, что еда, направлявшаяся в желудок, встречала на своем пути бесчисленные барьеры, а обратно проходила беспрепятственно.

Исана и его жена, с грустью сознавая, что случившееся свидетельствует о ненормальности ребенка, старались по возможности не думать о ней. Но это им не удавалось, потому что перед глазами был оправившийся после болезни и подросший Дзин; он весь ссохся и, хотя, казалось, снова зажил как все нормальные дети, начал вдруг падать на пол, причем совершенно безропотно ударялся лицом, никак не пытаясь предостеречься от ушибов. Так повторялось по несколько раз на день. Тем, кто смотрел со стороны, эти ужасные падения доказывали, что жизненные силы ребенка иссякают; все лицо мальчика бывало перепачкано кровью, шедшей из носа, на ушах и переносице образовались кровоточащие раны.

В конце концов Исана и его жене пришлось поместить Дзина в манеж с

загородками из резины, а когда его вынимали оттуда -- поддерживать за ножки, чтобы уберечь от бесконечно повторяющихся падений. Манеж был устлан мягкой резиной, которую используют при упаковке произведений искусства, резина эта имела отвратительный запах и так пружинила, что Дзин с трудом поднимался, чтобы тут же снова упасть, -- это было ужасное зрелище. И человеку, увидевшему, как ребенок без конца падает на мягком резиновом полу, нисколько не заботясь о том, чтобы уберечься от ушибов, сразу же приходила в голову мысль, что ребенок, ничего общего с ребенком не имеющий, пытается убить себя.

Поправившись после воспаления легких, Дзин начал отказываться от еды, и Исана тоже долгое время страдал от рвоты и однажды во сне понял, что ничего произрастающего на поверхности земли он не может вводить в Свой организм. Они с Дзином научились обходиться минимальным количеством пищи и подслащенной водой. Разумеется, Исана пришлось оставить работу. Между отцом, сидевшим опершись на резиновую загородку манежа и поставив между ног кувшин с подслащенной водой, и сыном, сидящим внутри манежа с зажатой в исхудалой ручонке бутылочкой с соской, в которую была налита подслащенная вода, стала устанавливаться телепатическая связь.

В один прекрасный день Исана сказал жене, что он с сыном должен бежать отсюда в какое-то другое место, туда, где они смогут спастись, -- так жить больше невозможно. Жена, безмолвно наблюдавшая со стороны жизнь этих двух любителей подслащенной воды, видимо, перехватила их телепатические переговоры и не только не воспротивилась, но даже попросила отца, чтобы им, используя в качестве фундамента заброшенное атомное убежище, выстроили жилье, в котором они могли бы уединиться. Потом, разумеется, возникла масса осложнений житейского характера, но в конце концов отцу и сыну, которых до завершения строительства поместили в больницу, все же удалось укрыться в убежище и начать усиленное питание не только подслащенной водой, но и другими продуктами. Устраиваясь по-новому, они сразу переменились, это были уже не прежние Дзин и его отец, отказывавшиеся жить. Дзин быстро приспособился к новым условиям и сразу же выздоровел после того, как они укрылись в убежище, предназначенном для атомной войны. Исана не покидала уверенность, что он интуитивно избрал единственно верный путь излечения сына.

...Однажды утром, возвращаясь с покупками, за которыми он ходил с Дзином, Исана, взглянув на фасад убежища, обнаружил, что вокруг средней бойницы третьего этажа нарисован ярко-красный круг и рядом -- огромный крест. Людям, которые будут смотреть издали, от подножия холма, эти рисунки, возможно, покажутся украшением, оживляющим безобразную бетонную

громаду. Круг и крест, нарисованные сочной красной краской, не имели ни одного потека. Работа была выполнена с предельной тщательностью и явно потребовала немало времени и усилий не одного человека: кто-то рисовал большой кистью, другие, находившиеся рядом, стирали лишнюю краску.

Когда им удалось это сделать? Обутые в спортивные туфли на резине, подростки поднялись по косогору, оттуда перебрались на крышу убежища и спустились к бойнице на веревках. Если бы Дзин не спал, то даже малейший звук за бетонной стеной не прошел бы мимо его ушей, у него поразительно тонкий слух, да и сам Исана не мог этого не услышать. Значит, глубокой ночью? И к тому же в новолуние? Последние два-три дня небо правда было чистым, но месяц только нарождался.

Заставив себя до мельчайших деталей проанализировать случившееся, Исана ясно представил себе согласованные действия тех, кто темной ночью работал кистью, погружая ее в красную краску, и кто светил карманными фонариками и стирал потеки. Может быть, они, укрываясь в той местности, которая просматривалась в бинокль через бойницу в стене убежища, заподозрили, что, рассматривая в бинокль деревья, он на самом деле постоянно следит за их тайником? И нарисованные ими знаки выражают протест? В поле зрения, открывавшемся из бойницы, вокруг которой был нарисован круг, попадала находившаяся поодаль от заболоченной низины заброшенная киностудия, давно прекратившая съемки.

Еще в то время, когда кино как средство развлечения процветало, одна кинокомпания осушила участок заболоченной низины и выстроила киностудию. Позже кинокомпания разделила участок на три -- левый продала автомобильной компании, выпускающей новое средство развлечения, а правый вернула государству, что, видимо, было предусмотрено контрактом на осушение низины. Мелкие подразделения сил самообороны использовали его для проведения учений. Киностудия, находившаяся в центре участка, сейчас была, совершенно заброшена. Если, как предполагал Исана, они укрылись в этих развалинах, то нет ничего удивительного, что, усмотрев в его бинокле опасность для себя, решили сделать ему предупреждение. Но, расценив действия Исана как шпионаж, они вряд ли ограничились бы простым предупреждением. Не заподозрили ли они в его наблюдениях нечто иное?

Еще в то время, когда Дзин отказывался жить, Исана консультировался с психиатром, своим однокурсником, относительно преследовавшей его мании самоубийства. Психиатр, знаток своего дела, с полной определенностью заявил, что неосуществленная попытка самоубийства -- это лишь крик о помощи. А вдруг, подумал Исана, я, сам замуравший себя, подглядывая через бойницы в бетонных стенах, взываю о помощи к бескрайнему миру? В глазах Исана

мелькнула добрая улыбка -- в огромном красном круге и кресте он вдруг увидел сигнал, что его крик о помощи услышан...

-- Ладно, -- Исана засвистел сквозь сжатые зубы. -- Нужно как-то оградить Дзину от опасности. Я пока и сам не знаю, чего бы мне хотелось: спровоцировать нападение или получить их помощь. Но то, что они сделают, вряд ли окажется помощью Дзину. К тому же он пока и сам не вызывает о помощи.

Исана, посвятивший свою жизнь защите Дзина, поднялся по косогору и вошел в убежище. Почти час он рылся в своем имуществе. Потом, дрожа от страха, что группа Красного круга и креста нападет на Дзину, оставшегося в убежище, задыхаясь, мчался на велосипеде, чтобы купить в хозяйственном магазине у вокзала банку зеленой краски и большую кисть. Всеми необходимыми материалами он себя обеспечил, теперь нужно было начать физическую тренировку. Он замыслил явную авантюру, забыв, насколько ослабло его тело от долгого затворничества в убежище, -- да к тому же трудно даже представить себе, как они будут смеяться, наблюдая за тем, как он болтается на веревке, спущенной с крыши. А потом еще выйдут из своего укрытия и, чего доброго, обмакнув кисть в зеленую краску, проведут ею по заднему болтающемуся в воздухе Исана. Чтобы испытать, на что способны его воля и тело, он привязал к перилам винтовой лестницы веревку, опустил ее в подвал, а сам встал на настоящую землю четырехугольного отверстия, сделанного в бетоне. Потом, глухо стучаясь о стены, начал взбираться по ней вверх.

Добравшись до площадки второго этажа, он повалился на нее, как тюлень, и удовлетворенно перевел дыхание. Он убедился, что руки у него все еще крепкие, и в его закрытых глазах, в которых пульсирующая от физического напряжения кровь рисовала причудливые узоры, всплыл и тот узор, который он собирался нарисовать на стене. Дзину не только не испугали странные физические упражнения отца, но он радостно воспринял их как новую игру.

Исана вынес из столовой маленький стульчик, поставил его под вишней и усадил Дзину. Затем с площадки поднялся на крышу, обвязался веревкой, другой конец которой был прикреплен к столбу для сушки белья, и подошел к краю крыши. В листьях вишни за Дзином видны были нахально торчавшие напоказ спины птиц, налетевших на дерево подобно вихрю. Ребенок сидел смирно. Наверно, прислушивается к птичьему пересвисту. Суeta птиц далеко внизу казалась безумно глупой. Точно прицеливаясь, он смотрел на видневшиеся вдали за заболоченной низиной полуразвалившиеся строения киностудии. Видимо, подростки прячутся именно там, и если у них есть такой же сильный бинокль, как у него, то он должен проявить мужество, чтобы с достоинством выдержать их обостренный линзами взгляд. Решительно

повернувшись спиной к тем, кто находился за заболоченной низиной, и к Дзину, сидевшему под вишней, он, держа в руке банку с краской, из которой торчала кисть, стал спускаться вдоль стены убежища. Крепко вцепившись в веревку, он встал обеими ногами на бетонный карниз крыши и резко откинулся назад. Исана понимал, что, только прижавшись вплотную к отвесной стене, он сможет сохранять равновесие, и поэтому, прильнув к нарисованному на ней ярко-красному кресту, точно распял себя на нем, касаясь щекой оставшихся на стене красных капель краски.

Втянув живот и выгнув спину, Исана поместил в образовавшуюся выемку банку с краской, придерживая ее одной рукой, а другой вытащил кисть. Вытянув руку, он нарисовал две соединяющиеся концами дуги, между ними -- закрашенный круг. Посмотреть под нужным углом на то, что у него получилось, сохраняя при этом равновесие, было невозможно, и он удовлетворился тем, что еще раз жирно обвел линии. Поставив на край крыши банку с краской и положив в нее кисть, Исана, подтягиваясь на веревке, забрался туда

сам и посмотрел вниз. Прикрыв ладонью глаз, на него смотрел по-прежнему смиренно сидевший на стуле Дзин, казавшийся с крыши не больше макового зернышка. Да, действительно глаз! -- промолвил Исана, поняв смысл того, что показывает ему сын. К кругу и кресту, нарисованным подростками на стене убежища, Исана пририсовал огромный зеленый глаз. Пока Исана спускался с крыши, оттуда, где он нарисовал зрачок и уголок глаза, на стену пролилось несколько капель зеленой краски, и глаз выглядел плачущим. Теперь становилась понятной и поза Дзина -- он прижимал ладони к глазу, чтобы стереть слезу.

Исана и сам не мог бы толком объяснить, какой смысл вкладывал он в нарисованный им глаз. Но тем не менее внешний мир реагировал на него предельно остро. Реакция была материализована в камне, пущенном из рогатки. В тот же день вечером в толстое стекло бойницы убежища с властным стуком ударил камень -- не настолько сильно, чтобы разбить его, но издав достаточно определенный звук, чтобы не спутать его с каким-либо другим. Исана как раз варил дежурное блюдо Дзина -- макароны и, чтобы ребенок не испугался, продолжал опускать их в кипяток, как будто ничего не произошло. Потом, когда макароны были готовы, Исана, окутавшись паром, слил через дуршлаг воду. Скрытый облаком пара, нетерпеливо ждал Дзин. Исана положил в кастрюлю масла и с силой стал перемешивать макароны, неподатливые, как тянучки. Его энергичные действия подбодрили Дзина. Когда Исана, положив макароны в две большие тарелки, поставил их на стол, служивший им обоим обеденным, а ему самому к тому же еще и письменным, Дзин, опередив его, уже сидел на стуле с вилкой в руке и с силой, весь напрягшись, тряс баночку с тертым сыром,

посыпая макароны.

С биноклем на ремне, протиснувшись в узкую щель за спиной Дзина, Исана с напускным спокойствием вышел из комнаты и, как конькобежец, берущий старт, выбрасывая носки в стороны, взбежал по лестнице на третий этаж. Он сразу же обнаружил первого лазутчика. Это была девчонка. Возможно, ее использовали как приманку. Она сидела в метре от яйцевидной тени, которую отбрасывала кажущаяся черной вишня, вокруг ее головы нимбом сверкали рыжеватые волосы. Сидела на том самом стуле, что и Дзин; Исана забыл внести его в дом. Девчонка застыла, слегка вздернув голову и неотрывно глядя на вход в убежище. Стул она оттащила подальше от тени, отбрасываемой вишней, чтобы присутствие ее сразу бросалось в глаза. В поисках засады Исана осматривал окрестности, будто чертил глазами вокруг вишни и лазутчицы витки расширяющейся спирали. Чертил в поисках снайпера, выстрелившего из рогатки в бойницу убежища. Но на неровной низине, уже довольно густо поросшей молодой травой, никого обнаружить не удалось. Исана перевел взгляд на развалины киностудии -- багряное вечернее солнце освещало ее сзади, чуть справа, поэтому обращенная к нему сторона строений была темной и обнаружить там чье-нибудь присутствие было невозможно.

Исана высунулся из бойницы и навел бинокль на девчонку, сидевшую на стуле, -- он увидел ее так отчетливо, словно сумел отсрочить заход солнца по крайней мере на полчаса. В окулярах бинокля лицо ее выражало еле сдерживаемые враждебность и страх, как у арестанта, сфотографированного помимо его воли. Нитка бисера пересекла лоб, поддерживая выкрашенные в светло-каштановый цвет завитые волосы, пылавшие вокруг ее овального личика. Все это можно было разглядеть и невооруженным глазом. Но бинокль позволил обнаружить удивительную привлекательность губ и глаз девчонки. Лицо худощавое, под кожей ни жиринки, и сама кожа гладкая и эластичная, будто ее сняли, продубили и вновь натянули на место. Чуть выдающиеся вперед губы, казалось, нарочно были созданы для того, чтобы соединить края трещины, образовавшейся на этой эластичной коже. Полные, в поперечных морщинках губы окружала мягкая припухлость. Они были чуть приоткрыты, так что виднелись два передних зуба.

И еще глаза. Края век и ресницы были, наверно, подведены тушью -- ресницы от этого выделялись резче, но глаз не затеняли. Лучи вечернего солнца падали на девчонку со спины, и казалось, сиреневатый свет отражался в ее глазах. И эти ее жгучие, чуть косящие глаза не моргая смотрели на вход в убежище. Снова наклонившись вперед, как конькобежец, берущий старт на ледяной дорожке, Исана сбежал вниз по винтовой лестнице. Однако вышел он из дому медленно и спокойно направился к вишне. Еще когда он открывал

дверь, девчонка вскочила со стула, но не убежала, а встала за спинкой стула. Она стояла в глубокой тени под черной густой кроной вишни, на которой теперь не было ни одной птицы. Исана ясно видел ее смуглую кожу и слегка косящие жгучие глаза.

--Чего? Ну, чего? -- смущаясь, жалобно произнесла девчонка едва слышно.

-- Я пришел за стулом моего сына. Ты на нем сейчас сидела, -- сказал Исана.

Он взял стул и попятился назад, точно от толчка, а девчонка что-то пробормотала хриплым голосом -- может быть, ругала себя за робость. Исана, правда, расслышал, что она сказала, но понять смысла ее слов не мог. Когда он, вскинув стул на плечо, повернулся и стал подниматься по косогору к незакрытой входной двери, девчонка громким, возбужденным голосом, произнесла имя известной актрисы времен процветания кино, снова окликнула его. Тогда-то ему стал понятен смысл тех слов, которые она пробормотала раньше.

-- Может, переспим в гримерной?

Слова девчонки с горящими мрачным пламенем, слегка раскосыми глазами были явно обращены к Исана: Дядечка, перспите со мной хоть разок! Склоненное вперед тело Исана -- на плече он держал по-прежнему стул -- мелко задрожало от смеха. Не успел он захлопнуть за собой дверь, как в нее ударил камень, но он, не обращая на это внимания, сел верхом на стул и, положив голову на спинку, продолжал хохотать. Рядом с ним стоял Дзин, обняв за поясницу трясущегося от смеха отца: от него пахло тертым сыром.

Глубокой ночью Исана проснулся от топота скачущих лошадей. Ему приснилось, будто его огромное, как гора, мертвое тело (возможно, оно разрослось уже после смерти) закопано совсем неглубоко и над ним проносятся табун лошадей. Во сне Исана беспокоился, что Дзина испугал топот и он вот-вот услышит плач мальчика. Это они топали по крыше. Исана ждал, что рано или поздно они придут, и сейчас, проснувшись, понял, что они нагло ворвались в его жизнь и бесцеремонно топают по крыше!

В бешенстве, весь дрожа от возмущения, он вскочил на ноги, но света зажигать не стал и замер между своей кроватью и кроватью Дзина. Хорошо бы изловчиться и напасть на скакавших у него над головой подростков, но он прекрасно понимал, что бессилён что-либо предпринять. Вскоре после того, как Исана поселился в своем убежище, ему приснился сон. Страшный сон, будто разразилась атомная война. На крыше убежища скопилась огромная толпа людей, жаждущих спастись от атомного нападения, угрожая и требуя впустить всех в бункер. Проснувшись в ужасе, проникшем в самую глубину его мозга, еще погруженного в сон, он хотел было броситься отбивать натиск толпы на крыше, но вдруг понял, что, в бессилии мечась по кровати, он просто видит

продолжение сна: бессилие и страх, сковавшие его тело, еще долго оставались раной в его душе.

И на этот раз Исана не стал впустую бегать по убежищу в поисках оружия. Он просто был охвачен всепоглощающей идеей сохранить свою жизнь ради того, чтобы уберечь Дзина. К тому же сейчас Дзин действительно был напуган топотом по крыше. И застонал, будто от боли. Исана и сам готов был стонать, как ребенок. Не застонал он только потому, что, боясь привлечь внимание мальчишек, топавших по крыше, даже света не зажигал и, крепко обняв сына, старался приободрить, поддержать его.

Топот на крыше неожиданно прекратился. Скорее всего, они спрыгнули на одну из площадок в косогоре за убежищем. Исана немного успокоился, решив, что топот на крыше был не враждебным действием, направленным против него и Дзина, а операцией, призванной донести до них некое послание. Но он был не в состоянии следовать за эхом, рожденным этим посланием. Потому что Дзин от пережитого страха превратился в кусок истерзанной плоти. Нужно было отдать все силы, чтобы вернуть его к жизни.

Исана решил все оставить как есть до тех пор, пока он на рассвете не заберется в бункер (впрочем, не раньше, чем Дзин оправится и его можно будет спокойно оставить одного), где восстановит в памяти все происшедшее и найдет нить к тому, как понять и обезвредить послание, полученное им от тех, кто топал ночью по крыше. Поручу-ка я это бесчисленным душам деревьев и душам китов, которые, наверно, внимательно следят за нашей с Дзином затворнической жизнью, подумал он. Дзин, свернувшись калачиком, застыл и стонал так жалобно, что любого привел бы в отчаяние. Исана, прижав к себе ребенка, протянул руку и включил магнитофон, другой рукой он все время растирал ему руки и ноги. Если бы начавший работать магнитофон вдруг испортился и в крохотное светлое оконце, приоткрывшееся в Дзине, полились бы раздражающие шумы, он бы опять ушел так далеко, что Исана никогда бы не смог до него добраться. Он взвился бы в неоглядную высь или утонул в бездонной глубине, как мертвая рыба. Ладони Исана, прикрывавшие застывшее тело ребенка и гладившие его покрытую пупырышками кожу, со страхом ждали такого момента.

Воображению Исана сознание Дзина рисовалось как нечто схожее с сердцевинкой яйца. В скорлупе заключена жидкая кровяная сыворотка, замутненная чем-то вроде белка. И в нем -- сознание: комочек желтка. Если Дзин, как это бывает каждый раз, когда он ест макароны, ощущает покой и уверенность в себе, его сознание все разрастается и разрастается до тех пор, пока не заполнит всю внутренность скорлупы. Но стоит поселиться в нем страху или обычной тревоге -- количество темной кровяной сыворотки

увеличивается и крохотное сознание Дзина тонет в ней, как жалкое зернышко. Стоило Исана подумать, что Дзин вдруг умрет с этим зернышком сознания, погруженного в страх, как его самого охватывал безграничный ужас...

Пять часов подряд Исана лежал в убежище, наполненном голосами птиц, и массировал безжизненное тельце ребенка.

В свете пробивающегося сквозь тучи утреннего солнца Исана увидел, как из закрытых глаз Дзина капали горячие слезы. Дзин ночью прикусил нижнюю губу, и в уголках рта запеклась кровь -- так бывало после анестезии, которую делал зубной врач. Посмотрев в темное зеркало сбоку от унитаза, Исана увидел, что и он прикусил нижнюю губу. Вдруг вспыхнула острая боль. Страшный привкус, который он ощущал всю эту долгую ночь, был вкусом его собственной крови. Но и в тот миг, когда Исана понял это, ему все равно казалось, будто он пять часов кряду ощущал вкус крови сына.

Исана задремал. Отступая в темное бессознание, он чувствовал, как его душа, устремившись за помощью в бункер, низвергается вниз и, коснувшись у основания металлической лестницы земли, покрытой последней в этом сезоне изморозью, слышит, как души деревьев и души китов говорят ему: пока с тобой все в порядке, спи. Спи до полудня. После полудня -- новый бой.

Глава 4

БРОСАЕТ ВЫЗОВ -- ПОЛУЧАЕТ ВЫЗОВ

После полудня, совершенно безоружный и одинокий, если не считать Дзина, служившего ему боевым подкреплением, Исана покинул свое укрытие и отправился на поле боя. Он вынес два стула, поставил их рядом у ствола вишни лицом к заболоченной низине и стал ждать появления атакующих сил подростков. Поскольку вчерашние слова девчонки были явно связаны с кинопроизводством, непосредственным объектом наблюдения Исана избрал, разумеется, полуразвалившуюся киностудию за низиной.

Дзин, как человек, перенесший тяжелую болезнь, смирно сидел на стуле. Птичьих голосов не было слышно, и в поле зрения Дзина не попадало ничего, достойного внимания.

Дзин задремал и тихо посапывал. Исана пошел в убежище за одеялом -- укрыть мальчика. Когда он сбегал обратно вниз по косоугору, то увидел, что на втором этаже павильона движется пятнышко света. Может быть, это отражается свет в линзах направленного на него бинокля? Исана укутал Дзина в одеяло, усадил поглубже на стуле, чтобы ему удобнее было спать, и стал внимательно изучать каждое из четырех окон под самой крышей павильона. Два окна слева закрыты. Два других открыты, но он не мог вспомнить, есть ли в них стекла.

Исана, закрыв глаза, пытался восстановить в памяти внешний вид павильона, который он рассматривал днем из бойницы. Перед его мысленным взором отчетливо всплыли закрытые окна. Он снова попытался разглядеть, что делается внутри павильона за открытыми окнами. Огонька больше не было видно -- там стояла кромешная тьма, как в речной пучине. Возможно, на окнах задернули занавески. Он вспомнил вдруг искушающий голос девчонки, и притом так ясно, будто он исходил из той тьмы: Может, переспим в гримерной?

Девчонка говорила про гримерную выдающейся кинозвезды, на рекламу которой тратилось процентов десять капитала всей японской кинопромышленности! Эти непристойные, но полные определенного смысла слова искушения или, используя ходячий образ кинорекламы, "соблазнительные слова", сказанные рядом с разваливающейся киностудией, взволновали Исана. Как-то, для подготовки контракта, Исана ходил к одной кинозвезде -- старый политик, больной сейчас раком горла, решил "угостить" ею своих зарубежных гостей -- и увидел, что в жилище актрисы, где детский нарциссизм сочетался с властным стремлением к богатству, даже не пахло эротикой. И тем не менее "соблазнительные слова" Может, переспим в гримерной? вызвали у него сладкие грезы.

Эти грезы о "символе секса на серебристом экране" благодаря гротескным преувеличениям предельно откровенно и в то же время интимно воплощают то, чего недостает в реальной жизни всем, к кому обращен такой призыв. Напоминают, что сцена, на которой оживала мечта, покрыта пылью и поломана, как и сама находящаяся в жалком запустении киностудия. В воображении возникает идущая по пятам девчонка с горящими глазами и ртом -- открытой раной, -- который произносит непристойные Слова, словно именно они необходимы и неизбежны. Слова эти лучше любых откровенных жестов и самых изощренных приемов, к которым прибегает девчонка, заставляют тех, к кому они обращены, забыть разумную осторожность, вселяют непокой и решимость. Исана смотрел в свой бинокль, испытывая удовольствие от одной лишь мысли, что и его ведут туда же...

Но вот реальное воплощение этой мечты -- причем в совершенно неожиданном виде -- появилось перед Исана. В окулярах бинокля -- Исана, погруженный в мечты, рассеянно глядел на появлявшиеся в поле его зрения предметы -- снова появилось окно павильона, и в нем -- вышедшая из темноты на свет совершенно обнаженная девушка, похожая на деревянную куклу. От ключиц и выше она была скрыта проемом (значит, она поставила у подоконника какой-то предмет и взобралась на него), поэтому у Исана не было оснований утверждать, что это та самая девчонка. Была лишь какая-то внутренняя уверенность. Тело ее было абсолютно лишено жира, но грудь сильно

выдавалась вперед. Она повернулась спиной и встала на четвереньки... Потом, не оборачиваясь, слезла с возвышения и исчезла во тьме, а вместо нее появился подросток и, высунувшись из окна, навел бинокль прямо на Исана.

Исана и раньше предполагал, что у них есть бинокль, в который они наблюдают за ним. Но после шоу, устроенного обнаженной девицей, это открытие привело его в смятение. Поддавшись наивной иллюзии, что если он перестанет смотреть в бинокль, то и подросток уберет свой, Исана то опускал бинокль, то снова подносил его к глазам.

-- Почему вы все время шпионите? -- слышался заглушаемый шуршанием листвы на ветру голос, исходивший, казалось, от души деревьев, воплотившейся в вишне.

Обернувшись, Исана увидел, что за его стулом и стулом Дзина, используя ствол вишни как прикрытие, стоит парень, с которым он уже встречался в парке. У входа в убежище застыл еще один; по обеим сторонам дороги, идущей вниз по косогору, стояло еще человек двадцать, наверное. Как и в тот раз, когда они устроили загон, подростки даже не смотрели в сторону Исана, но было ясно, что они следят за каждым его движением. -- Мы давно уже знаем, что вы наблюдаете за нами в бинокль через смотровую щель своего блиндажа, -- сказал парень мягко, увещающе, и в его узких глазах, точно прорезанных острым ножом, сверкнул желтый огонек негодования. -- Вы ведь и сами не станете отрицать, что подглядывали за нами в бинокль? Что вы увидели в окне?

Исана с досадой почувствовал, что краснеет. Он заметил, что мальчишки стараются

казаться равнодушными, но от удовольствия, которое не могут скрыть, даже поводят плечами. Правда, парень, разговаривавший с ним, сохранял на бледном худом лице полную бесстрастность и лишь отвел от Исана узко разрезанные глаза. Его выпуклый лоб мягко пересекала наискось прядь волос. Лицо, казалось, затаило готовую вырваться наружу ненависть, но профиль у него был мягкий и никак не вязался с представлением о насилии. Только когда он посмотрел наконец на Исана и, судорожно напрягши тонкие, четко очерченные губы, снова заговорил, Исана ясно увидел как мягкий профиль его исчез и в лице появилось что-то злое.

-- Может, повернете стул ко мне? Пока не выясним всего, мы вас не отпустим, как в прошлый раз. А в такой позе вы долго не высидите.

Исана послушно поднялся со стула. По тому, как быстро реагировали подростки у него за спиной на это незначительное движение, Исана понял, что они представляют собой хорошо обученную личную гвардию. Осторожно, чтобы не толкнуть стул Дзина, он повернул свой.

-- Подложите под ножки камни, а то еще опрокинетесь.

Исана, присев на корточки, стал укреплять ножки стула -- в листве вишни свистал порывистый ветер.

-- Если собираетесь запустить в меня камнем и убежать, откажитесь от этой идеи. Мои дружки все время следят за вами. Сразу поймают, -- снова раздался сквозь шум листвы голос парня, словно окатив Исана, зажавшего в руке камень, ушатом холодной воды, -- да вы .и не удерете, раз мальчишка останется здесь. Куда вам бежать?

Исана аккуратно подложил под ножки стула плоские камни и сел, заранее предвидя, что переговоры с парнем будут долгими.

-- Никуда я не собираюсь бежать. Мое место здесь, -- сказал Исана.

Он уже понял, что бежать невозможно, а если пытаться оказать сопротивление, ему все равно не справиться с парнем, за спиной которого стоит его верная гвардия; и никто ему не поможет -- поблизости ни души. Махнув на все рукой и ожидая, что его вот-вот начнут избивать, он и возражал для виду, уцепившись за расплывчатое слово "место".

-- Мои ребята, знаете, если уж за кем погонятся, не уймутся, пока не догонят и не отделают как следует, -- снова пригрозил парень.

-- Хотел бы я на это посмотреть, -- сказал Исана и увидел, что юноша, устыдясь своего хвастовства, густо покраснел. Чувствительный он, однако.

-- Можем показать, когда захотите. Постойте, а разве вы не видели, как мои ребята бегают? Бы ведь целыми днями только и подглядывают за ними.

-- Я действительно смотрю, что делается снаружи, но за вами никогда не подглядывал, -- сказал Исана. -- Если не считать того случая в парке, я вижу вас в первый раз.

-- Выходит, вы сегодня просто случайно рассматривали павильон киностудии? --

презрительно усмехнулся парень. -- Небось догадались, что там наш тайник? Исана стремился лишь к одному -- показать, что его на такую нехитрую уловку не поймать.

-- Девчонка из вашей компании приглашала меня переспать с ней в гримерной. Вот я и смотрел, есть ли там, в павильоне, гримерные киноактрис. Потому я кое-что и увидел. Но тому, что у вас есть какой-то тайник и он где-то рядом с павильоном, я и сейчас не очень верю.

-- Почему? -- спросил парень, переходя к обороне.

-- Если вы содержите дом свиданий, то вряд ли позволили бы себе открыто говорить, что там ваш тайник. И женщине, поскольку она занимается проституцией, тоже не разрешили бы никого туда приглашать. Иначе кто-нибудь из ее клиентов донесет в полицию -- и вашему убежищу крышка. Так что, если не убивать всех, кто попадется на ее приманку, вам надо всякий раз

менять тайник. Другого выхода нет, верно?

-- Мы не разрешаем приглашать всех без разбора, -- парировал парень, покраснев, и плотно сжал губы. -- Мы ведь не содержим дома свиданий. А в случае с вами мы решили, что вы не станете доносить на нас. Вы ведь ничего не рассказали полицейским, когда они пришли к вам. В вашем блиндаже нет телефона, а когда вы ездили на станцию за покупками, мы проследили: к полицейской будке вы и близко не подходили, по автомату не звонили. Один из наших ребят спросил у полицейского, который здесь поблизости ошивался, кто живет в этом блиндаже, и тот ответил: да какой-то безвредный псих, прячется от атомной бомбы. И после вчерашнего случая вы утром тоже не заявили в полицию. Почему? Вот и прикиньте.

-- Да заяви я, что кто-то топал ночью по моей крыше, разве полицейские поверят? В лучшем случае поинтересуются, пострадал ли я, и выяснится, что и заявлять-то не о чем.

Исана хотел скрыть, как пострадал от их топота Дзин, да и у него самого неприятный осадок от вчерашнего еще не испарился. Видимо, почувствовав это, парень торжествующе усмехнулся.

-- Я еще раз спрашиваю: зачем вы все-таки следите за нами? Глаз, который вы нарисовали на стене, -- это что, вызов, следил, мол, и буду следить за вами? Мы не знаем, что у вас на уме, и нам не по вкусу вечная ваша слежка. Говорите, что вы здесь делаете? Почему следите за нами? Чего вам надо?

Исана сразу же уловил, что парень начинает нервничать, и это придало ему смелости.

-- Вы, конечно, решили, что я инспектор по жилищному строительству, -- сказал он с издевкой. -- И тайно поселился здесь с сыном, чтобы как следует все измерить и рассчитать, а потом пригоню сюда строительных рабочих, и они все перероют бульдозерами? И ваш тайник снесут, да?..

Парень, подозрительно глядя на него, молчал, и Исана пришлось самому сделать вывод из своей болтовни:

-- Подобных дурных намерений у меня нет. Да и в этой заболоченной низине никакое

строительство невозможно. Кроме возведения искусственной жизненной сферы, подобной киностудии. А киностудию можно построить и в пустыне, для нее заболоченная низина вполне годится.

--А все-таки что вы здесь делаете? -- спросил парень, чтобы прервать болтовню Исана.

-- Нет, лучше скажите вы, что я здесь, по-вашему, делаю?

Вдруг из тени, отбрасываемой вишней, -- Исана даже не заметил, откуда именно, -- вынырнула та самая девчонка с огненно-рыжими волосами и,

совершенно игнорируя Исана, обратилась к парню:

-- Сказал, чтобы взял его? Бой весь горит, его рвет все время. Не говорит ни слова, только плачет.

Парень, не глядя ни на девушку, ни на Исана, уставился куда-то вдаль. Исана понемногу освоился, и страх перед насилием со стороны этих юнцов стал ослабевать.

-- Какое я вообще имею к вам отношение? -- спросил Исана, снова пытаясь увести разговор в сторону.

По-видимому, ведя спор, парень умел чутко реагировать на перемену обстановки. Не теряя времени, он, как человек практичный, показал, что готов отступить и открыть карты.

-- Раз уж вы, хоть и следите за нами в бинокль, не донесли на нас в полицию и не написали в газету, мы не сделаем вам ничего плохого -- высказали свое недовольство, и все. Если бы не это, никаких отношений у нас с вами не было бы. А теперь собираемся нала-

дить с вами отношения -- нам это необходимо. Мы хотим наладить отношения с человеком, не имеющим с нами ничего общего, именно потому, что никаких отношений с ним нет. Конечно, если вы такой, каким нам представляетесь. Чтобы узнать, так ли это, нам надо выяснить, что вы здесь делаете.

-- Кроме заботы о сыне запереться в этом доме заставила меня мысль о деревьях и китах.

-- Ученый?

-- Я считаю себя поверенным деревьев и китов. Не знаю, верите вы этому или нет.

-- Ума не приложу, как ответить, -- и верится и не верится, -- задумчиво сказал парень. -- Быть поверенным деревьев и китов -- значит считать важнее всего на свете деревья и китов, а всех прочих ни во что не ставить? Неужели вы до этого дошли?

-- Совершенно верно, -- сказал Исана.

-- Прекрасно. Вы лучший помощник, какого мы только можем желать, -- сказал парень с неожиданным воодушевлением. -- Я плавал на китобое, поэтому знаю и китов, и людей, которые на них охотятся, и если вы поверенный китов, то, значит, не из полиции. Сколько крови люди проливают, лишь бы добыть китов, будь то беременные самки или детеныши -- все равно. А мясо их продают по дешевке. Поверенный китов -- для него такие люди враги, и значит, он борется с полицией, верно? Ведь если где-нибудь на пустынном берегу вылезший на сушу кит и какой-нибудь подонки вступят в борьбу, полиция придет на помощь подонку. А вам, выходит, придется бороться с полицией.

-- Псих, свихнувшийся на какой-то чепухе, не станет доносить и не напишет в газету, это уж точно, -- вставила девчонка, задумчиво глядя на Исана. -- Нам кажется, вы такой...

-- Мы не считаем вас сумасшедшим, -- поправил юноша девчонку. -- Просто мы рассчитываем на вашу помощь, не боясь, что вы донесете на нас в полицию.

-- Я еще не сказал, что готов помогать вам, -- отчеканивая каждое слово, заявил Исана, переводя взгляд с парня на девчонку.

-- Будете помогать. Ведь вам не захочется, чтобы с маленьким сыном, который сейчас так спокойно спит, случилось что-нибудь нехорошее, например то, что люди делают с детенышами китов? -- открыто пригрозил он. И посмотрел на Исана с нелепой, но в то же время откровенной враждебностью, будто ему волей-неволей придется пойти на такую жестокость и не кто иной, как сам Исана, вынуждает его к этому.

-- Ну что же, если так, ничего не поделаешь; я, правда, не знаю, в чем состоит ваша просьба, но у меня нет другого выхода, как подчиниться, хотя это и не будет добровольной помощью, -- сказал Исана, покраснев от негодования.

Девушка оставалась совершенно спокойной, а юноша, не обращая внимания на негодование Исана, сказал:

-- Мы пришли просить о помощи, потому что заболел наш товарищ, у него жар, вы уж приютите его ненадолго в своем доме и вот ее тоже, чтобы ухаживать за ним.

Обращаясь к душе деревьев, воплотившейся в вишне, Исана воззвал к ней: Как проста подстроенная ими ловушка, проста до глупости. Даже если их товарищ в самом деле болен, они, несомненно, использовали его болезнь как предлог. Он это чувствовал интуитивно. Иначе зачем бы им прибегать к столь сложной процедуре? И все это ради того, чтобы попросить его приютить на время какого-то больного, который может доставить много хлопот, если о нем донесут в полицию? Причем, когда им пришлось вынуждать его к этому, они не остановились ни перед чем, прибегли даже к прямой угрозе. Обдумав все это, Исана пришел к заключению, что у него лишь один выход -- подчиниться, чтобы угроза не была приведена в исполнение.

-- Хорошо, я все понял и возьму вашего больного, -- сказал Исана.

Юноша, считая, видимо, что последнее слово должно остаться за ним, помолчал. Потом, точно преодолев нерешительность, громко сказал:

-- Мы привезем больного, как только стемнеет.

Он прошел мимо Исана и упругой походкой баскетболиста начал спускаться в заболоченную низину, где ковер молодой травы еще не превратился в буйные заросли.

Подросток, стоявший у входа в убежище, и его дружки, выстроившиеся по

обеим сторонам дороги, огибавшей возвышенность и взбиравшейся вверх по косогору, исчезли. Вслед за предводителем отправились в свой тайник. И лишь девчонка осталась у вишни, опершись

рукой о ее черный, израненный ствол. Не заговаривая с ней, Исана направился в дом, но почувствовал, что девушка пошла за ним вслед, и слышал удары по земле какого-то твердого предмета. Обернувшись, он увидел, что она с серьезным видом шагает за ним, неся в каждой руке по стулу и прижимая их локтями к бокам. Девушка бодро поднималась по косогору, твердо ступая босыми ногами с широко разведенными в стороны носками, всем своим видом являя то ли безразличие, то ли отчаяние. У входа в дом Исана остановился, дожидаясь ее. Теперь, в быстро сгущающихся сумерках, ее невысокая переносица казалась совсем впалой, но крылья носа и губы, напоминающие кожицу апельсина, стали еще резче очерченными. В горящих глазах ее, казалось, собрались крупинки янтаря, сверкающие в закатном небе. Только подойдя вплотную к Исана, она наконец пристально, не мигая, посмотрела на него. Он тоже посмотрел в ее влажные, точно залитые густым сиропом глаза.

-- Пить хочу, -- медленно шевельнулись губы девушки.

-- Зайди в дом, там кран и чашка, -- ответил Исана.

Однако девушка, поставив принесенные стулья в прихожей, открыла кран на трубе, выведенной из стены у самой земли, спустила ржавую, застоявшуюся воду и, сложив ладони корытцем, попила. Потом стала мыть ноги, потирая одну о другую. Ее обнаженные бедра, даже в неустойчивом положении сохранявшие силу, показались Исана налитыми упругой мощью. В глубоком разрезе темно-коричневой джинсовой куртки он увидел тоже оставляющую ощущение силы грудь с двумя удлиненными круглыми цилиндриками. Обернувшись и встретившись взглядом с Исана, девушка не смутилась и на цыпочках первой вошла в прихожую. Уложив Дзина на диван, Исана увидел, что девушка села рядом прямо на пол и стала пристально разглядывать лицо ребенка.

Исана решил, что они с Дзином устроятся спать на первом этаже, а спальню на третьем освободят. Комната на втором этаже, которая служила кладовой и одновременно библиотекой, заглушит, наверно, шум от чужих людей, которые поселятся на третьем. Исана поднялся на верхний этаж и начал перетаскивать вниз кровать Дзина, магнитофон и коробку с магнитофонными лентами, словари, книги. В узкой, вытянутой по дуге комнате, теперь безобразно пустой, с единственной оставшейся кроватью, темнели окна-бойницы. Из них открывался вид на утонувшую в сумерках черную низину, и на всем протяжении от полуразвалившейся киностудии до его убежища не было заметно никакого движения.

Когда Исана перенес все вниз и с одеялами в руках вошел в комнату, девушка, сидевшая рядом с Дзином, по-прежнему не отрывала глаз от спящего ребенка. Сидела неподвижно, не изменив позы, не обратив никакого внимания на вошедшего Исана. Глаза девушки -- в темноте трудно было даже различить белки -- казались спокойными, как тихая вода; обводящая верхнюю губу линия чуть поблескивала,

как белая нитка, -- она выглядела совершенным ребенком, и тут замершему с одеялами в руках Исана открылся весь ужас откровенно циничных слов, которыми вчера эта девушка пыталась завлечь его. Было похоже, что девушка уловила, какое впечатление произвела она на Исана, и обернулась к нему, вернув силу своим горящим глазам. И не только глазам -- каждый мускул ее тела напрягся, как у готового к прыжку зверя.

-- Ты почему света не зажигаешь? -- спросил Исана, словно отбиваясь от набросившегося на него противника.

-- Нет, сперва вы скажите, почему грохочете, а света не зажигаете? -- парировала девушка.

-- Тебе приказали не спускать глаз с моего сына, чтобы я не передумал? Он у вас вроде заложника? -- спросил Исана.

-- Да никто мне этого не говорил. Красивый мальчик, вот я и смотрю на него, -- сказала девушка.

Она снова уставилась на Дзина, и Исана захотелось поскорее прекратить это. Захотелось потому, что за последние несколько лет, просыпаясь, Дзин не видел перед собой никакого другого лица, кроме лица Исана, а судя по тому, что укутанный в одеяло ребенок начал шевелиться, он должен вот-вот проснуться. Но Дзин открыл глаза сразу, едва заговорил Исана. И теперь беззвучно смеялся, будто еще во сне видел эту девушку и улыбался ей.

-- Как он хорошо смеется, -- сказала девушка. -- Хорошо, и совсем не похож на слабоумного. Слабоумный -- смеется или злится, все равно -- всегда хмурится, точно у него горе какое...

-- Ты, я вижу, многое знаешь о слабоумных, -- сказал Исана. -- Заладила: слабоумный, слабоумный, тебе что, приходится общаться с ними?

-- У меня брат был дефективный, -- спокойно ответила девушка.

Снаружи донесся резкий свист. Через некоторое время он повторился снова, неожиданно перейдя в трель. Для Дзина это был голос птицы.

-- Это дрозд, -- прошептал он. Девушка с простодушным удивлением повернулась к Исана.

-- Он что-то сказал. И голос какой приятный, -- глаза ее от удивления сделались круглыми. -- Что он сказал?

-- Он назвал птицу, которой сейчас подражали, -- объяснил Исана.

-- Правда? Птица так свистит? -- Тут девушка впервые вспомнила о своей миссии. -- Это мои товарищи привезли больного, -- продолжала она. -- Куда его можно поместить?

-- Я освободил третий этаж. Подниметесь по винтовой лестнице.

Девушка еще раз взглянула на смеющееся лицо Дзина и направилась в прихожую, а оттуда, как была, босиком, вышла во тьму.

-- Ты угадал, дрозд, -- сказал Исана, подходя к сыну.

Уже примерно неделю по вечерам Дзин иногда сообщал: это дрозд. Именно в это время

года поют дрозды, думал Исана и не обращал внимания на слова сына. Но оказалось, вокруг убежища вертелись мальчишки, свистом и трелями подавая друг другу сигналы. Возможно, Дзин и не путал пение птицы с условными знаками, а хотел предупредить отца о присутствии тех, чье скопище было для него стаей фальшивых дроздов, и, точно успокаивая его, говорил своим приятным, как сказала девица, голосом: это дрозд...

Девушка вернулась одна и вызывающим тоном спросила:

-- Он не хочет, чтобы его видел кто-нибудь, кроме нас; скажите, в какой комнате мы можем поселиться и где брать воду для питья?

Исана объяснил расположение комнат на третьем этаже, показал, где кухня, уборная, какие лекарства есть в аптечке, и, глядя в горящие глаза девушки, захлопнул у нее перед носом дверь.

Было слышно, как за дверью подростки осторожно тащили что-то вверх по лестнице. Потом в прихожей появились, видимо, и другие.

-- Может, спереть еще пару подушек с сидений? Я заметил на стоянке много заграничных машин, -- сказал некто как о чем-то само собой разумеющемся.

-- Хватит. Здесь одеял сколько хочешь, -- властно ответила девушка.

Исана долго не мог заснуть. Он все думал, какую ему избрать тактику, чтобы решительно изменить взаимоотношения с подростками.

Потом его мысли, как некогда грезы о смерти, раскрутила невидимая сила тьмы. Он лежал во тьме и вопрошал души деревьев и души китов, удастся ли ему, изо всех сил прижимая к себе Дзина, уйти от преследования мальчишек, несомненно, подстерегающих его снаружи, и добежать до полицейской будки у вокзала в городе, на холме. Если вспомнить, как они гнались за тем агентом, находившимся при исполнении служебных обязанностей, придется признать, что это невозможно. Подумать только, как намучается сын, когда я, держа его на руках, буду мчаться во тьме, какой ужас охватит его, если меня настигнут, избьют и я буду валяться в заболоченной низине. Но предположим, он осуществит это тяжелое предприятие, физически почти невыполнимое, о чем он заявит полицейским? О том, что, практически не прибегая к конкретной

угрозе насилия, его попросили о такой мелочи, как приютить на время больного и сиделку; согласившись и освободив им комнату, он стал как бы их пособником. Единственно, чем можно убедить полицейских, -- донести, что за ним гонятся дружки девицы, которая недавно соблазняла их пожилого сослуживца, но пока он вместе с полицейскими вернется в убежище, ее и след простынет. Он и в самом деле не знал, как построить убедительную для полицейских версию случившегося. Кто поверит, например, его рассказу о девушке в окне павильона? А потом, когда после бесплодного доноса он будет возвращаться в убежище, его до полусмерти изобьют юнцы, поджидающие во тьме

у подножия холма. Даже девчонка, и та будет возмущена: а еще говорит, что поверенный китов и деревьев, -- спрятался за спину властей и продал нас, хорош. Они будут пристрастно и с тем же усердием, с которым топали по крыше, допрашивать меня, в самом ли деле я поверенный китов и деревьев. Если даже мне удастся убедить их в этом, что я должен буду для них сделать, чтобы мне простили неудавшийся донос? Одними лишь пылкими призывами к душам деревьев и душам китов и самому себе, не говоря уж о других, не докажешь, что ты воистину их поверенный, -- жалобно говорил Исана, обращаясь все к тем же душам деревьев и душам китов. Есть более простой способ, чем бежать с сыном на руках, -- подняться по винтовой лестнице, запереть в комнате девчонку и "больного" и, как следует забаррикадировав вход в убежище, -- в общем, сделав все, чтобы подростки, почуяв неладное, не смогли ворваться внутрь, -- подать сигнал бедствия выстрелом из ракетницы, которая находится в бункере как принадлежность атомного убежища. Но есть ли у меня право просить чужих людей о помощи? Могу ли я во всеуслышанье взывать из своего убежища? Я, человек, порвавший связи со всем светом и запершийся с сыном в атомном убежище, бросив всех на произвол ударной волны и радиации ядерного взрыва? Если помощь и будет оказана, то сюда ворвутся не только те, к кому я взываю, но и все на свете чужие люди, говорил он, обращаясь к душам деревьев и душам китов. Жалобно взывая к ним, отдавшись во тьме мечтам, он вдруг ужаснулся от страшной мысли. В непроглядной тьме тело его одеревенело, и он утратил способность взывать к душам деревьев и душам китов. А девушка и больной мальчишка, притаившиеся на третьем этаже, точно умерли, они-то, возможно, и есть посланцы душ деревьев и душ китов. А если так, то, желая быть поверенным деревьев и китов, Исана убивает призывы этих самых деревьев и китов, беспрерывно обращаясь к душам деревьев и душам китов. И выполнение этого плана убийств... Исана заснул, и ему приснилось, будто его привели на суд душ деревьев и душ китов. Там его ждали свидетели обвинения: девчонка с

пламенеющими янтарными глазами и "больной", весь перебинтованный так, что нельзя было узнать, кто он такой..

Глава 5

КИТОВОЕ ДЕРЕВО

Прежде чем проснуться, Исана снова увидел сон: вокруг него толпятся сонмы душ деревьев и душ китов. Деревьев-душ множество, как в девственном лесу. Китов-душ множество, как до начала эпохи китобойного промысла. Этот странный сон был последовательно диалектичен -- Исана понимал, что поскольку это души, то, хотя их неисчислимое множество, им хватит места, чтобы выстроиться вдоль стен комнаты, в которой спят они с Дзином. Когда Исана лежал еще на диване, укрывшись одеялом, но уже готов был проснуться, души деревьев и души китов устроили ему безмолвный перекрестный допрос, построенный на методе психоанализа. Исана разрешили остаться лежать на диване. Зачем меня спрашивают, собираюсь ли я причинить зло тем, кто находится на третьем этаже? Ведь пострадавший -- я, -- взывал он к душам деревьев и душам китов еле слышным голосом, потому ли, что на него был надет собачий намордник, или сам он сомневался в своих словах, но, во всяком случае, голос был еле слышен...

Он проснулся оттого, что у него пересохло в горле. И хотя ему это приснилось, он про-

снулся оттого, что в горле и впрямь пересохло. Сон поначалу был несколько нереален, но в мелочах, в том, как общались между собой люди, оставался вполне достоверным. Оттого и переход проснувшегося Исана к реальной жизни осуществился удивительно естественно. Такие сны он уже видел не раз. Но сегодня в его видения впервые вторглись посторонние люди, их судьбы. Все еще лежа на диване, в предрассветных сумерках, Исана обнаружил, что дверь в кухню приоткрыта. А ведь он точно помнил, что закрывал ее. Вглядевшись в темноту за дверью, Исана рассмотрел человека. Теперь, окончательно проснувшись, Исана быстро поднялся и сел. Девушка, только того и ждавшая, окликнула его хриплым голосом:

-- Больной проголодался, дайте ему чего-нибудь поесть.

-- Ешьте все, что найдете в холодильнике, -- сказал он, испытывая неловкость от звука собственного голоса.

Однако вместо того, чтобы сразу направиться к холодильнику, девушка, забившись в угол, провожала его взглядом. На лице у нее не было и следа косметики, но все равно ее глаза сверкали, губы были очерчены резче прежнего, а смуглая кожа приобрела еще более сочный оттенок -- потому только, что она

не была покрашена. Это была совсем не та перемена, к каким привык Исана у девушек, спавших с ним когда-то. Он вынул из холодильника хлеб, ветчину и латук и положил на кухонный столик у мойки. Только тогда девушка нерешительно приблизилась к нему.

Исана включил тостер и пододвинул к ней. Все это время глаза его были прикованы к ее телу. А девушка смотрела на его оголившийся круглый животик, вздувающий вельветовые брюки. Исана стало не по себе. Девушку точно подменили: весь вид ее говорил, что она не считает больше его посторонним, ее сдержанность, граничившая с робостью, просто изумляла его. Сверху горохом посыпалось жалобно:

-- Инаго! Инаго!

-- Он сказал "инаго" -- саранча?

-- Да нет, просто зовет меня. Это мое прозвище -- Инаго. Прилипло еще с детства, -- ответила девушка неохотно, и Исана прекратил свои расспросы, но придумал для ее имени другие иероглифы, ничего общего с саранчой не имеющие.

Он придвинул к девушке, готовившей бутерброды, коробку с чаем и чайник. Но вдруг забеспокоился, что она не умеет как следует обращаться с газом, и сам поставил чайник на плиту. Потом стал готовить еду для себя и Дзина. Это общение с девушкой в крохотной кухне, когда они то и дело касались друг друга, не могло не создать атмосферы близости, граничащей с чувственностью. Попроси она поделиться приготовленной им едой с больным, Исана бы не отказался. Более того, желая как следует накормить больного, он, не дожидаясь ее просьбы, налил полную кастрюлю воды и опустил в нее замороженную курицу. Она стала медленно оттаивать, чуть замутняя воду, так бывает, когда тает снег. Потом он добавил в кастрюлю промытый рис и крупно нарезанный лук. Он хотел приготовить рис по-китайски. Девушка, накладывая бутерброды на тарелку и заваривая чай, внимательно следила за его стряпней, затем молча поставила еду на поднос, подхватила его и вышла за дверь к винтовой лестнице.

Пока в кастрюле закипала вода, Исана приготовил себе и Дзину чай и намазал хлеб маслом. Уменьшив огонь, он вернулся в комнату. Дзин тихо лежал с открытыми глазами. Было в нем какое-то беспокойство, потому, наверное, что они спали не в своей комнате, а здесь внизу. Покуда варилась каша, отец с сыном принялись за свой немудреный завтрак. За стенами убежища слышался свист.

-- Это дрозд, -- сказал Дзин.

Но чтобы привлечь внимание девушки, свиста оказалось недостаточно, и в стену бросили небольшим камнем. Кто-то спустился по лестнице и вышел в прихожую. Вскоре девушка -- это была она -- вернулась в дом, вошла в комнату

и, ведя себя так, будто Исана было известно имя их предводителя, сказала:

-- Такаки хочет встретиться с вами, говорит, ему нужно, чтобы вы кое-куда съездили на велосипеде.

Исана выглянул в бойницу. Парень по имени Такаки -- к нему, решил Исана, очень подошли бы иероглифы, обозначающие "высокое дерево", -- стоял, прислонясь к вишне и опустив голову. Трудно было понять, о чем он думает, гадает небось, как Исана отнесется к его просьбе.

-- За ребенком я присмотрю, -- сказала; девушка. Вздвогнув, точно пронзенный вдруг острой болью, Исана обернулся. Если вдуматься, сказать такое -- все равно что предложить отрезать ему руку или ногу. И сказано все было так, будто это -- дело решенное. Дзин, разложив на полу ботанический атлас, внимательно рассматривал яркие изображения листьев, веток с плодами и целых деревьев -- тис, мискант, подокарп. Девушка, устроившись сзади него, смотрела на ребенка чуть ли не с благоговением. Что означает этот новый зигзаг в ее поведении, -- подумал Исана, разглядывая девушку. Оставив Дзина, Исана направился к выходу из убежища, с легким сердцем отказавшись от ритуала, обычно сопровождавшего его уход.

-- Как он смотрит на меня. Больному непременно нужна радость, -- сказала девушка. Сверкавший нездоровым блеском взгляд девушки заставил Исана поежиться. Бессильная мольба в ее глазах вызвала сострадание и была как-то связана со сном о душах деревьев и душах китов. Ведь пострадавший -- я, -- мысленно возразил Исана, но взгляд девушки сразу заставил его отбросить эту мысль.

-- Дзин будет спокойно рассматривать деревья. Дзин будет рассматривать деревья, -- сказал Исана сыну.

-- Да, Дзин будет рассматривать деревья, -- подтвердил Дзин, не отрывая глаз от ботанического атласа. Исана вывел из прихожей велосипед и стал спускаться по косоугору. Двинувшийся ему навстречу парень, не отводя взгляд от никелированного руля велосипеда, заговорил, чуть шевеля тонкими губами:

-- Рана нашего больного нагноилась, может, вы купите каких-нибудь антибиотиков? В последнее время без рецепта врача в аптеках перестали продавать антибиотики. Вдобавок он боится столбняка и потерял сон, надо бы купить и снотворного. А его продают, только установив место жительства и фамилию.

-- Не знаю, снотворного я обещать не могу, -- ответил Исана.

Пока он, толкая сзади вилывший из стороны в сторону велосипед, выводил его на дорогу, Такаки достал из огромного кармана американского военного френча пакет, завернутый в большой платок.

-- Здесь одна мелочь. В аптеке, может, удивятся...

-- Это собрали твои товарищи?

-- Нет, очистили пару междугородных телефонов-автоматов, -- сказал парень.

Исана собрался было сесть на велосипед, но парень ухватился рукой за седло. Сначала он молча шел рядом, мрачно понурясь. Потом повернулся к Исана, явно желая что-то сказать, но никак не мог решиться и, однако, заговорил, всем своим видом показывая, что, если Исана встретит его слова холодно, он оборвет разговор:

-- Вы так уверены, что являетесь поверенным деревьев и китов, что и мне почему-то хочется в это поверить. Но я решил спросить:

вы не слышали такое название "Китовое дерево"? Оно так и называется. Где бы я ни бывал, всюду было свое Китовое дерево. Только название это никогда не произносят вслух -- так было у меня на родине, и поэтому местные жители никогда его не слышали. Или, может, по какой другой причине? Во всяком случае, в наших местах знают о Китовом дереве. А что, если оно есть и тут, но только называется по-другому, и не объяснишь, какое оно из себя...

-- Китовое дерево! -- выдохнул потрясенный Исана, и ему стало не по себе оттого, что он не услышал голоса Дзина: Это Китовое дерево.

Перед глазами Исана возникла совсем иная картина, нежели та, что открылась сейчас перед ним -- бескрайняя даль. Так широко и безбрежно, насколько хватает глаз, простирается степь или море; поселившись в городе, Исана забыл, как выглядит бескрайняя даль, и вот сейчас перед ним снова, как призрачное видение, появился бескрайний лес до самого горизонта, произрастающий из одного корня, -- это было Китовое дерево. Могучие, неколебимые стволы венчала густая крона волнующейся листвы -- всем своим видом дерево напоминало резвящегося в море полосатика. И из гущи листвы, образующей голову с беззаботной улыбкой, на него смотрели умные черные глаза. Как прекрасно это Китовое дерево!

-- Велосипед упадет, -- сказал юноша. -- Все мои товарищи приехали в Токио по набору, они не любят откровенничать, где и когда родились. А я вот родился в лесной местности, и у нас там растет Китовое дерево. Ну а у вас на родине росло Китовое дерево?

Исана подумал, что юноша не раз уже спрашивал незнакомых людей о Китовом дереве и всякий раз ответ был отрицательный. И услышав, что Исана назначил себя поверенным китов и деревьев, он захотел заставить его поверить нехитрой своей выдумке. Конечно, он рассчитывал, что Исана, услышав всего два слова "Китовое дерево", конечно же, сам захочет поверить в его существование...

-- Деревня, где я жил в детстве, тоже окружена лесами, правда, такого названия у нас нет, -- сказал Исана осторожно. -- Но сейчас, узнав от тебя о

Китовом дереве, я сразу представил себе огромное древо, похожее очертаниями на кита и колышущееся на ветру, как кит на волнах. И мне стало приятно и радостно.

-- Приятно? -- спросил Такаки, стараясь понять, что за смысл вкладывает Исана в это слово. -- Как вы его себе представляете? Я ведь только слышал название "Китовое дерево ", а сам его ни разу не видел... Я был тогда совсем маленьким. Как услышу, бывало, о Китовом дереве, целый год потом мечтаю о нем. В детских журналах всегда печатают картинки-головоломки, где спрятаны разные животные. Я представляю его деревом, в котором сплелись десятки китов. Однажды я даже нарисовал это дерево.

Перед глазами Исана теперь появилось целое стадо китов. Он подтянул к себе велосипед.

-- Значит, ты тоже не видел Китового дерева?

-- Нет, но в наших местах оно и вправду растет, под ним в деревне даже как-то вершили суд, -- перебил юноша, чтобы Исана не задал новый вопрос, который перечеркнул бы все сказанное раньше. -- И те, кого судила деревня, в ту же ночь исчезали. Точно, Китовое дерево существует.

- Даже если эта история про Китовое дерево и казалась Исана невероятной, он и не думал в ней усомниться. Ему было досадно, что они подошли к дороге, ведущей вверх, к городу на холме. Досадно потому, что юноша сейчас повернет обратно.

-- Ты потом доскажешь мне все о Китовом дереве, ладно? -- грустно спросил Исана.

-- Я всегда верил, что найду наконец человека, который всерьез отнесется к Китовому дереву, -- сказал Такаки, снимая руку с седла.

Исана чувствовал себя похожим на послушную обезьянку, ведь она, покрутившись на крохотном пятачке, опять забирается на колени к человеку, держащему ее на коротком поводке... У него голова шла кругом от удивительного и, в общем-то, бессмысленного рассказа незнакомого человека, и он вдруг отметил, что даже не может сосредоточиться на мысли о Дзине, оставшемся в руках у этих чужих людей. Китовое дерево! На отвесной стене, окаймлявшей глубоко прорезанную в холме дорогу, обнажились корни живых деревьев. Каждый раз, проходя здесь, Исана, убежденный, что смотреть на одни лишь корни невежливо по отношению к деревьям, мерил взглядом весь ствол до самой макушки, но теперь, изо всех сил толкая велосипед, он даже не поднимал головы, как бы извиняясь перед душами деревьев, которыми пренебрег. Мне сейчас был послан сигнал, сигнал Китового дерева, и я должен бежать, хоть у меня и перехватило дыхание. Добравшись до вершины холма, Исана, не отдышавшись, вскочил на велосипед и помчался к аптеке у станции. Он

полагал, что получить снотворное будет нелегко. Но немолодая аптекарша, записав его адрес и имя, нисколько даже не удивившись, какое оно странное -- Ооки Исана, сразу дала ему коробочку со снотворным. Назначение же антибиотика вызвало у нее массу вопросов:

-- Для ребенка? Если собираетесь принимать его сами, почему бы вам не посоветоваться с врачом? Да и с чего взрослому мужчине, холостяку стыдиться болезни, которой он может вдруг захворать? -- Хотя слова аптекарши выставляли Исана на всеобщее посмешище, он, стремившийся жить как человек-невидимка, ничем не связанный с обитателями города на холме, решил претерпеть этот позор, но зато воспользоваться ошибкой аптекарши.

-- Скажите, -- спросил Исана, опустив глаза, -- ведь никаких побочных явлений, никакого вредного воздействия оно не окажет?

-- Да уж сколько ни предупреждай, что в больших дозах антибиотики принимать нельзя, каждый, кто занимается самолечением, все равно принимает их больше, чем положено. Вот и вы решили, будто очень уж сложно сходить в клинику, раз у вас дома больной ребенок, хотя выписать рецепт -- минутное дело. Не понимаю, чего вы стыдитесь?

Хотя и по ошибке, но все устраивалось самым лучшим образом; Исана молча ждал, пока ему выдадут лекарство. Он понимал, что, стой он вот так, без слов, не только аптекарше, заподозрившей у него неприличную болезнь, но и всем посторонним будет казаться "застенчивым типом", "человеком, осознающим свой позор". Когда он в конце концов получил лекарства и снова сел на велосипед, то невольно уже по-другому глядел на людей, делавших покупки на торговой улице, и обычных прохожих. Нет, я не случайный приезжий здесь, на привокзальной торговой улице; все видят во мне хозяина странного дома под горой. Теперь я должен обращать внимание на всех, кто меня окружает, -- обратился он к душам платанов, задыхавшихся в клубах выхлопных газов. Как только появились подростки -- абсолютно чужие люди, заставившие Исана иметь с ними дело, -- для него сразу же стало реальностью и существование других посторонних людей, живущих в городе вроде совсем не так, как эти парни. Другими словами, вместо того существования, которое они вели с Дзином в убежище, разорвав все связи с людьми, он стал жить под чужими пристальными взглядами, на виду у окружающих. Они подступают к нему и требуют определить, с кем он, к какому лагерю примкнет. Разум его бьет тревогу, но не беда,

ведь он под защитой могучих Китовых деревьев. С этими мыслями он крутил педали велосипеда, и ему казалось, будто тело его возносится ввысь. Чем дольше крутил он педали, тем зримее, реальней становилось Китовое дерево, реальнейшей реальностью, овладевая всем его мозгом, пуская корни в

его теле, проникая к нему в кровь. Сознание Исана утонуло в купающейся в желтых лучах листве. Он крутил и крутил педали, взрастив в своих мыслях и плоти Китовое дерево, сам превратившись в него. Спускаясь по склону, он не слез с велосипеда, а лишь все время притормаживал. Но когда он, не замедлив хода, повернул и понесся еще быстрее, переднее колесо вдруг соскользнуло с обочины. Все еще сидя в седле, он взлетел вместе с велосипедом в воздух, потом, инстинктивно собравшись, как спортсмен, рухнул вниз. Его выбросило на грядки, где увяла уже никем не собранная китайская капуста. Он безостановочно катился вниз, не в силах совладать со своим телом, -- так бывает, когда тебя подхватит набегающая на берег волна, -- со страхом думая, что вот-вот взорвется боль где-нибудь в мышцах или костях. Не удержавшись на капустных грядках, Исана врезался плечом и головой в земляную насыпь и, перемахнув через нее, несомненно вывихнул бы себе ключицу или свернул шею. Но тут, собрав все силы, он преодолел инерцию и, вжавшись в насыпь, остановился, чуть ли не вверх ногами... Если бы он сразу вскочил на ноги, то, конечно, не удержал бы равновесия и тотчас бы снова упал. Некоторое время он лежал неподвижно, как пловец, отдавшийся волне. Беспокоило только, что из носа течет кровь. Он разбил его о руль, когда взлетел в воздух вместе с велосипедом. Земля же, на которую он упал -- и трава, и листья, и сама почва, именно их он целыми днями разглядывал в свой бинокль, -- не причинила ему никакого вреда. Возможно, ему покровительствовали души деревьев и души китов. Исана выплюнул сгусток крови, которая затекала в горло, вытер окровавленные губы рукавом джемпера и прижал его ненадолго к носу и губам. Лежа на спине, он увидел колышущиеся круг, крест и глаз, нарисованные на стене убежища. Глаз ли? -- издевался он над своим рисунком, и слова были горше крови, заливавшей рот. Этим он старался успокоить свое тело -- внутренности, кости, мышцы, потрясенные страшным падением. Потеряв способность к ориентации, он не мог понять, откуда к нему с криками сбегаются, вприпрыжку, как кузнечики, какие-то люди. Потом он узнал знакомых юнцов; громко смеясь, они нагло пялились на Исана. Конечно, смеющиеся подростки и не думали ожечь Исана своим смехом. Смех не был для них и средством снять охватившее их напряжение. Он напоминал скорее нетерпеливый лай собак, ожидающих, когда можно будет полакомиться попавшим в капкан зверем. Испытывая жгучий стыд, вконец растерянный, Исана встал. Покачнувшись, он услышал новый взрыв хохота; смеявшиеся мальчишки не собирались даже расступиться и дать ему дорогу.

-- Смотрите-ка, встал! Пошел! -- завопил кто-то. Как человек, стоящий на доске, наклонно уходящей в воду, Исана, повинаясь инстинкту равновесия, покачивался то вправо, то влево. Медленно, шаг за шагом он приближался к

убежищу, время от времени падал, и тогда сознание его фиксировало выкрики гогочущих подростков: смотрите-ка, а он все еще идет! Их смех и крики словно сжались в ком злобы, подкативший к горлу. И злоба эта росла и росла с каждым шагом, вызывавшим хохот мальчишек; так на празднике толпа глумится над чучелом черта. Превозмогая боль, хромая, он добрел наконец до убежища.

Схватив стоявшую у стены косу, он, размахивая ею, бросился на орущих подростков. Если бы они всерьез пошли в контратаку, то жалкий, размахивающий косой Исана, к тому же еще вынужденный то и дело вытирать рукавом нос, был бы вскоре повержен наземь. Но для мальчишек его отчаянное нападение стало новой игрой, и они отбегали ровно на столько, чтобы коса не могла их достать. Злоба, вдруг вспыхнувшая в Исана, так же неожиданно угасла и сменилась опустошенностью.

Отбросив косу и вытирая рукавом кровь, он открыл входную дверь -- за ней, как будто наготове, стояли Инаго и низкорослый мальчишка. Исана чуть не столкнулся с ними.

-- Ха-ха-ха. Вы и вправду весельчак! Ха-ха-ха... -- гримасничая, смеялась Инаго.

Стоявший рядом с ней мальчишка -- на лоснящемся темном лице его, будто вымазанном сажей, выступали капельки пота -- тоже смотрел на Исана как на диковинного зверя. Подрагивая заострившимся подбородком, он еле слышно засмеялся:

-- Ха-ха-ха, ну и комик же вы! Когда нам приходит в голову над кем-нибудь посмеяться, мы придумываем всякие штуки, но вас никому не переплюнуть. Ха-ха-ха.

-- Такаки здесь? -- спросил Исана, почувствовав боль в плече.

-- Только что был. В щель наблюдал. Но после ваших номеров он, чтобы не расхохотаться, решил поговорить с вами попозже. Вылез на крышу и спрыгнул на косогор за домом. Ха-ха-ха, нет, вы и вправду комик!

-- Возьми, это антибиотик, доза и все прочее указано на пакетике. А как принимать снотворное, ты небось и сама знаешь.

-- Спасибо, -- с трудом выдавила из себя Инаго и снова сморщилась, -- ха-ха-ха. Мальчишка, стоявший рядом с ней, тоже смеялся. Глаза Исана привыкли к полумраку, царившему в доме, и он увидел, что свою правую руку мальчишка поддерживал левой. Она была обмотана тряпкой и дурно пахла. Джинсы висели на нем мешком, и кое-где проглядывало тело -- темное, покрытое гусиной кожей. Исана посмотрел на его вспотевшее лицо, всклокоченные волосы паренька стояли торчком, у него явно был сильный жар. Придерживая раненую руку, он, выпучив и без того круглые глаза, верещал жалобным голосом: хи-хи-хи.

-- Вы сошли сюда, чтобы уйти из дома? -- спросил Исана.

-- Значит, выгоняете больного человека? -- сказала Инаго, широко раскрыв горящие глаза и притворно надув пухлые губы.

-- Я подумал так, потому что вы спустились в прихожую.

-- Да нет, просто Бой захотел посмотреть на вас вблизи после того, как вы свалились с велосипеда, -- сказала Инаго и снова засмеялась: -- Ха-ха-ха.

Выглянув в открытую дверь, Исана увидел, что мальчишки с криками и смехом тащат его велосипед. Один из них, нахлобучив на голову кувшин для воды, нес мешочек с мелочью -- Исана не стал расплачиваться ею в аптеке. Инаго прошла мимо него и строго прикрикнула на них с порога:

-- Too much! (Хватит!) Исана некогда было раздумывать, что в данном случае могли означать эти английские слова. Подросток шагнул вперед, но тут же навалился всей тяжестью на перила и, потеряв равновесие, стал сползать на пол, всем своим видом давая понять, чтобы ему подали руку. Но руку, которую протянул ему Исана -- другая была по-прежнему прижата к носу, -- мальчишка, только что смеявшийся над ним, решительно оттолкнул. Между бровями у него пролегла глубокая складка, а глаза, затуманенные от жара, были полны ненависти и злобы. Он что-то прорычал по-волчьи и недобро сверкнул глазами. Дверь в комнату была закрыта, в прихожей было темнее обычного, и сверкавшие у ног Исана глаза мальчишки казались еще злее. Инаго, обняв мальчишку, помогла ему встать на ноги. Поднимаясь с ним по винтовой лестнице, она сказала:

-- Раньше ребята остерегались вас, а теперь, после вашего полета с велосипедом, они стали относиться к вам совсем по-другому.

-- Но уважать, как видно, не начали, -- горько усмехнулся Исана.

Дзин уже проснулся, причем такого пробуждения Исана не наблюдал еще ни разу за всю их затворническую жизнь. В комнате, где и днем -- бойницы не очень-то щедро пропускали свет -- царил полумрак, на диване лежал Дзин, уставясь в потолок. Магнитофон у него на коленях, поблескивая светло-коричневой лентой, издавал тихое шипение. Если же на самом деле магнитофон не включен, подумал Исана, значит, он при падении повредил слух. Казалось, что Дзин, прислушиваясь к шипению, погрузился в мир безмолвия. Но потом Исана понял: для Дзина существует и настоящий звук. Конец тянувшегося из магнитофона тонкого шнура достигал его уха. Дзин слушал магнитофон через наушник, а чтобы посторонние шумы ему не мешали, другое ухо прикрыл ладонью...

-- Послушай, Дзин! -- позвал Исана, но Дзин лишь чуть приподнял голову и больше никак не реагировал на возглас отца.

Исана, конечно, знал о существовании мешочка с принадлежностями к

магнитофону и запасными сопротивлениями. Но ему и в голову не приходило, что записи птичьих голосов можно слушать через наушник. Когда Дзин хотел послушать голоса птиц, Исана тоже погружался в их переливы, заполнявшие убежище, -- так изо дня в день текла их жизнь, и потому наушник им был ни к чему. Но, наверно, вторгшаяся в их жизнь девчонка да мечущийся на третьем этаже в жару мальчишка терпеть не могут птичьих голосов. И самое удивительное, что Дзин, не привыкший общаться ни с кем, кроме Исана, безропотно подчинился настояниям девчонки и вот с увлечением отдается новой забаве, прижав руку к уху с такой силой, что побелели пальцы, и при этом игнорирует кого? Самого Исана...

Исана прислонился к стене, он дышал открытым ртом, нос все еще кровоточил, он прижимал к нему рукав джемпера, и вид у него был довольно глупый. Он так и не пришел в себя после падения, да к тому же лишился сочувствия сына и казался себе всеми забытым и одиноким, покинутым на дрейфующей льдине, когда тело его и разум окружены бушующим океаном насилия. У него оставался единственный выход -- воззвать к душам китов, плавающих в этом безбрежном океане. Их дурацкий способ развлекаться просто смешон. Таких ребят, готовых находить развлечение в чем угодно, я видел только среди сверстников, когда был еще ребенком. Но ведь им-то по восемнадцать-девятнадцать лет. Свалившись с велосипеда, я устроил для них великолепный спектакль. Да, все их поведение говорило о безграничной жестокости. Но почему же они так нагло смеялись? Бесчувственно и беззастенчиво?

Воззвав к душам китов, Исана удалось глазами бесчувственно и беззастенчиво смеющихся подростков взглянуть на свое падение. Происшедшее хотя и комично, но это еще терпимая неудача. Кроме того, они научили Дзина пользоваться наушником, что для самого Дзина отнюдь не бесполезно. Дзин наконец вынул наушник и, продолжая зажимать одной рукой ухо, в котором все еще слышалось муравьиное шуршание, опустил другую на живот. Желудок Исана стал резонировать в такт сигналам, которые подавал пустой желудок сына. Дзин послал Исана улыбку -- так от центра все дальше и дальше к краям распускаются цветы в поле.

-- Вот я и пришел, Дзин, -- сказал Исана, ощущая, как лицо его подернулось рябью улыбки. Он приветствовал сына, который вернулся к нему, избавясь от влияния девчонки. -- Да, ты пришел, -- сказал Дзин.

-- Я упал с велосипеда, но все обошлось, к счастью. Это хорошо, правда? -- Да, это хорошо.

-- Я тебе когда-нибудь объясню, как нужно падать, если уж угодил в беду. Давай-ка поедим кашу с курицей. Дзин будет есть кашу с курицей.

-- Будет есть кашу с курицей, -- повторил Дзин и пошел за Исана на кухню. Тут Исана вдруг вспомнил, что оставил на огне кастрюлю, в которой вместе с кашей варилась курица. Он знал, что каша не подгорит, ведь он налил в кастрюлю много воды. Но курица в кастрюле за полчаса станет как резиновая. Вместе с Дзином он нырнул в пар, наполнявший кухню, и услышал тихое бульканье -- каша спокойно варилась. Облако пара, вырвавшись в открытую дверь комнаты, стало таять. И, словно возникнув из пара, на тарелке, поблескивая капельками жира, появилась половинка курицы.

-- Эта девчонка вынула курицу, -- сказал Исана с естественной радостью голодного человека, собравшегося поесть. -- Курица спасена.

-- Да, курица спасена, -- сказал Дзин с неподдельным удовольствием.

Срезав мясо с ножек, крылышек, ребрышек, Исана положил его на кашу в кастрюле, посолил и стал нарезать лук. Потом разложил по тарелкам, сдоблив кунжутным маслом и соей, и приготовил овощной гарнир. Пока Дзин ждал, чтобы каша остыла, Исана решил отнести еду своим жильцам с третьего этажа: он взял в одну руку поднос, поставив на него мисочки с гарниром, миски и палочки для еды, а в другую -- кастрюлю с кашей, и стал подниматься по винтовой лестнице. На третьем этаже, открыв дверь плечом, он увидел такое, чего никак не ожидал. Не выразив удивления, не проронив ни слова, он опустил кастрюлю на старый журнал, валявшийся у самой двери, рядом поставил поднос и сразу спустился вниз...

Исана увидел лежащего на спине подростка, его темная без кровинки кожа от жара покрылась потом; он не обратил никакого внимания на внезапное появление Исана. Обмотанную тряпкой правую руку он, точно оберегая ее как нечто самое дорогое, прижал к груди. На его обнаженном животе, темном и впалом,

лежала голова Инаго.левой рукой, без жиринки, но в то же время гладкой и мягкой, она обнимала подростка за худое бедро... Повернувшись на миг, девушка сразу же увидела Исана. Но ни смущения, ни волнения в ее взгляде он не заметил. Исана вернулся в комнату, где Дзин пробовал кашу нижней губой, и они оба с аппетитом поели, излучая друг на друга нежное тепло насыщающихся людей.

Глава 6

СНОВА О КИТОВОМ ДЕРЕВЕ

Поев каши и поспав, Дзин, испытывая потребность в движении, быстро заходил взад-вперед по комнате. Исана, закончив свои ежедневные размышления в бункере, внимательно наблюдал за действиями сына; но тут

сверху спустилась Инаго, спокойно и непринужденно, нисколько не смущенная тем, при каких обстоятельствах Исана видел ее несколько часов назад, и сказала:

-- Такаки передал, что хочет продолжить свой рассказ и ждет вас в машине. А за мальчиком я присмотрю. Больной принял снотворное и все равно спит.

-- Это дрозд, -- бодро заявил Дзин, продолжая ходить из угла в угол по комнате.

-- Услышал свист, которым твои приятели сигналият друг другу. У Дзина прекрасный слух, -- объяснил Исана.

-- А я вот не слышу, -- сказала девушка, с неподдельным уважением глядя на расхаживающего по комнате ребенка.

В поведении Инаго было нечто, позволившее Исана с легким сердцем оставить на нее Дзина. Между Дзином и Инаго -- она, сменяя Исана, вошла в комнату, села на диван и с интересом следила за мальчиком -- точно протянулась невидимая нить, и роль отца сразу же свелась на нет. Вокруг вишни забавлялись подростки -- сжавшись в комок, падали на землю; увидев Исана, выходящего из убежища, они встретили его с напускным безразличием.

-- Ха-ха-ха, что же вы не смеетесь? -- тихо спросил Исана и засмеялся сам -- что ему еще оставалось?

Слева внизу разворачивался темно-голубой "фольксваген". Потом машина на большой скорости помчалась вверх по узкой дороге. Исана узнал в водителе Такаки, но тот был в темных очках и при этом еще старался не смотреть на Исана, так что разглядеть выражение его лица было невозможно. Такаки открыл дверцу, не поднимая глаз на Исана. Как только Исана сел в машину, Такаки рванул ее с места, не обращая внимания на приближающихся подростков; можно было подумать, что он чем-то озабочен, на самом же деле серьезность его была напускной. Не напрягай он все время губы и щеки, давно бы небось рассмеялся: ха-ха-ха. Сухое, с туго натянутой кожей лицо парня в профиль вообще не казалось грустным, напротив, оно было полно молодого, может быть чуть наивного, веселья. Нет, он ничем не отличается от остальных ребят, подумал Исана, что, впрочем, вполне естественно... Исана без всякой задней мысли протянул руку к карте, лежавшей на приборной доске вместе с большим блокнотом. Однако Такаки, который вел машину, вроде бы не замечая Исана, грубо, словно пинком остановил его: -- Не трогайте! Машина ведь краденая. И блокнот чужой!

Значит, этот парень действительно украл машину и приехал на ней? -- обратился Исана к душам деревьев, росших слева на небольшом холме, и отдернул руку.

-- Видите там, вдали, деревья? -- спросил Такаки, в голосе его не осталось и

следа былой резкости. -- Что это, в общем-то, за деревья?

-- Вон те, самые высокие, -- красная сосна и дзельква, -- сказал Исана.

-- А эти огромные деревья -- с мелкими ветками без листьев, похожими на метелки? -- снова спросил Такаки.

-- Это и есть дзельква.

-- Дзельква? Какие красивые деревища; их здесь, в окрестностях, очень много, -- сказал Такаки. -- А в наших местах мало.

Дзельквы, очерчивающие вместе с красными соснами контуры холма и на первый взгляд разбросавшие как попало свои не то коричневые, не то темно-фиолетовые стволы, соединялись на фоне бледного серовато-голубого неба в четкую конструкцию. Рассматривая дзельквы, вперившие в облачное небо свои тонкие, но сильные ветви, и называя их так же, как только что назвал юноша -- деревищами, Исана почувствовал, насколько они желаннее всех самых желанных деревьев. Мне кажется, их бесчисленные ветви подают тайный знак людям, и в первую очередь мне, но как прочесть его, как сделать понятным? -- спрашивал Исана у душ деревьев.

-- Я помню почти все деревища в Токио. Они, вместо дорожных знаков, помогают мне удержать в памяти карту города. Если мне

надо куда-нибудь, я еду, заранее представляя себе, где какие растут деревища. И, угоняя машину, я всегда держу их в памяти -- это здорово помогает. Если за мной гонятся, следуя бездушным дорожным знакам, они никогда меня не поймают.

-- Но на улицах, рядом с многоэтажными домами, огромные дзельквы существовать все-таки не могут. Они росли в старые времена в приусадебных лесах. Там, где раньше были крупные помещичьи усадьбы или остались большие незастроенные участки, дзельквы еще сохранились, но в центре города ни одной не осталось.

-- А вы пойдите в центр города, заберитесь на крышу многоэтажного здания и посмотрите вокруг. Сразу же убедитесь, что я говорю правду, -- уверенно сказал Такаки. -- Нет, дзельквы еще кое-где сохранились -- они высятся там и сям, как кактусы посреди пустыни в ковбойском фильме. Если долго смотреть на них, наоборот, многоэтажные здания исчезнут из виду и в уме возникнет карта местности.

-- Пожалуй, ты прав, -- сказал Исана, слова парня его убедили. -- Да, тебе не откажешь в наблюдательности, когда речь идет о деревьях.

-- Впервые попав в Токио, я подумал, что раз здесь живет такое огромное скопище людей, то и Китовые деревья тоже должны расти, и стоит подняться на высокое открытое место, сразу увидишь Китовое дерево, принадлежащее незнакомым людям. И вот каждое воскресенье, углядев с крыши универмага

огромное дерево, я засекаю направление и иду посмотреть на него.

-- Значит, по-твоему, Китовое дерево относится к дзельквам? -- спросил Исана, находя в переплетении тонких красновато-коричневых ветвей стоящей на фоне облачного неба дзельквы много общего с китом.

-- Мне кажется, что Китовое дерево -- это чаще всего деревище. Просто, собравшись однажды вокруг него, люди решили: давайте считать эту прекрасную старую дзелькву Китовым деревом.

Такаки умолк, он сосредоточенно вел машину. Они подъехали к широкой реке, перерезающей равнину, обогнули огромную дамбу, на которой мог бы приземлиться легкий самолет, поднырнули под двухъярусный стальной мост для поездов и автомашин и недавно построенную скоростную автостраду -- железобетонное сооружение в виде корабельного днища и, наконец, пробрались через вереницу автомашин, скопившихся в ожидании переправы по стальному мосту. Китовое дерево, размышлял Исана, обращаясь к душе Китового дерева, растущего неведомо где. Китовое дерево -- Исана никогда не видел его, но, возможно, это дерево важнее всего, что ему предстоит увидеть в жизни. Где-то в непроходимых лесах, в самой чаще есть поляна, расчищенная от подлеска и травы, чтобы создать наилучшие условия этому особому дереву. И в центре поляны высится громадное, могучее дерево, олицетворяющее табу, существующие в той местности, дерево, которому поклоняются все. И есть на свете подросток, душой которого завладело Китовое дерево.: Этот подросток задумался: а вдруг Китовое: дерево -- это деревище, то есть огромная дзельква? Ведь именно дзелькву называли когда-то могучим древом. Но подросток покинул родные места, так и не увидев Китового дерева. И вот он попадает в огромный город, который смело можно сравнить с лесными дебрями, и устремляется на поиски могучей дзельквы. Устремляется лишь для того, чтобы, отыскав место, где растет Китовое дерево, принадлежащее незнакомым ему людям, установить наконец, какое дерево называли Китовым в тех краях, откуда он родом...

Машина, благополучно миновав забитую автомобилями дорогу, снова спустилась под гору и медленно двигалась, лавируя между домами, стоящими на осушенной низине. Потом сунулась в глухой закоулок -- отсюда, подумал Исана, не выбраться, -- и они и впрямь уткнулись в толстую металлическую цепь, лежавшую поперек дороги. Здесь начинался крутой склон, поросший прошлогодней сухой травой и редкими кустиками новой; он переходил затем в небольшую возвышенность, где росли вечнозеленые деревья, покрытые шапками запыленной листвы. Машина, вместо того чтобы остановиться у подножия, задрала нос и резко пошла вверх. С ревом забралась она на самую вершину, откуда справа и слева спускались рельсы американских гор и

обезьяньего поезда. Из самого парка пейзаж казался каким-то ненастоящим, будто на сцене среди густых зарослей задника декорации возвышался далекий холм, сплошь поросший деревьями,

-- А как спустишь отсюда машину? спросил Исана.

Потянув на себя ручной тормоз до упора, съехав на сиденье назад и утонув в нем, Такаки стал осматривать парк, красные сосны и дзельквы. Наконец он, казалось, уловил смысл, вопроса Исана. И, вздохнув, сказал:

-- Машину оставим здесь. Трава разрастется, и ее долго никто не сможет найти. Как привольно живут здесь птицы. Они питаются тем, что разбрасывают в парке эти отвратительные животные. Самая благодать здесь птицам и крысам. Надо бы разок привести сюда Дзина, птицы его позабавят.

Зная, что Инаго докладывает своему предводителю обо всем, Исана рассчитывал на объективность ее информации.

-- Нет, Дзин действительно интересуется птицами, но его привлекает только их пение. Как следует разглядеть летящую птицу он не в состоянии. Услышав пение множества самых разных птиц, да еще сопровождаемое грохотом американских гор, он, скорее всего,

просто испугается.

-- Необычный ребенок.

-- Да, хорошо ли, плохо ли, но необычный, -- сдерживая готовую прорваться гордость, сказал Исана.

Такаки снова завел разговор о Китовом дереве:

-- Я говорил, что сам не видел Китового дерева в наших местах, но это как раз и подтверждает его существование. Мне, как могли,

мешали увидеть его -- вот в чем дело. А раз мне в детстве запрещали видеть его, оно и не шло у меня из головы. Заболев, я без конца видел во сне огромное черное дерево, шелестящее на ветру, и в густых ветвях, в листве этого дерева, как на слайдах, возникала одна картина за другой. Изображения со слайдов, на которых были засняты действительные события, тоже появлялись на Китовом дереве. Сейчас мне даже кажется, будто однажды глубокой ночью я, весь в жару, ходил в лесную чащу и своими глазами видел, как на Китовом дереве мелькали изображения слайдов. И хотя у меня тогда был жар, это не выдумка. Ведь кое-что во сне -- правда. Я думаю, нельзя утверждать, что именно жар был всему причиной, нет, но потом голова прояснилась от дурманящего жара, и разные смутные обрывки построились в систему. Взрослые, конечно, избегали разговоров о Китовом дереве, но разрозненные факты, которыми была забита моя детская голова, впервые сложились в нечто осмысленное. Сон показал их мне, а экраном служило Китовое дерево. Моя голова, близкая к безумию из-за сильного жара, только благодаря ему, наверно, и смогла вобрать в себя все, что

по крупицам узнают дети в наших местах. Мне кажется, я видел сон, воплотивший все сны всех детей наших мест. Я видел сон и так дрожал, что и врач, и родители боялись, как бы я не сошел с ума или не умер. Вы мне верите? -- Разумеется, верю, -- сказал Исана. -- Вот что я увидел на экране из листьев Китового дерева. -- Такаки проглотил слюну, преодолев возникшие было сомнения. -- Началось все с того, что взрослые нашей деревни -- и старики, и женщины, и даже тяжелобольные, все, кроме детей, -- глубокой ночью собрались под Китовым деревом. Вернее сказать, не собрались глубокой ночью, а оставались там много часов подряд: с захода солнца, всю безлунную ночь до рассвета. Пока эта долгая сходка не кончилась, уйти из лесу не разрешалось никому. Собравшиеся стояли молча, потупившись. Ночь была безлунной, но все вокруг освещали неяркие отсветы мелькавших в небе зарниц. Ведь даже в полной темноте, если закинуть голову назад, линия носа будет поблескивать. И глаза тоже, верно? Но в ту ночь все стояли не шевелясь и опустив голову. Еще до той ночи, когда у меня был жар, мы много раз обсуждали с ребятами, что нам делать, если взрослые все без исключения уйдут из деревни и оставят нас одних. Вот я и увидел во сне такую ночь. Может, это покажется странным, но именно потому, что такая ночь действительно была в прошлом, я знал, что ребята, плавая в реке, протекавшей в долине, или ставя силки, в которые никто не попадал, спорили, что нам делать, если все взрослые уйдут из деревни и в ней останутся только дети, козы и собаки. пылая жаром, я смотрел на экран и со страхом ждал, что вот-вот должно что-то случиться. Медсестра, не из наших мест, потом еще долго смеялась надо мной, потому что во сне я все время вытягивал руки, как будто пытаюсь остановить что-то надвигавшееся на меня, и вопил: снова начнется, снова начнется! Но я, наверно, хотел сказать: скоро начнется, а не снова начнется. И тут как раз началось то, что я пытался остановить. На экране Китового дерева, шелестевшего черной листвой, появилось само Китовое дерево, и собравшиеся под ним жители деревни -- эта черная толпа людей -- окружили приведенную сюда семью в мешковатой одежде из белой поблескивавшей в темноте бумаги. И одежда, и лица людей, облаченных в нее, виделись как в тумане. Так обычно бывает во сне, когда мы видим нечто волнующее нас в том обличье, в каком оно нам представляется. Отчетливо можно было разобрать, что люди эти в мешковатой одежде из белой бумаги и что это одна семья. Черной стеной окружавшие их люди -- не только женщины, но даже дряхлые старики -- все, как один, молча швыряли в них камнями. Это продолжалось бесконечно долго, наконец все члены семьи, избиваемой камнями, попадали на землю, и их бросили в специально вырытую яму, а на экране Китового дерева снова возникли черные склоненные головы безмолвной толпы. Потом появилась еще одна семья в мешковатой одежде из

белой бумаги и тоже упала под градом камней. Так повторялось пять раз. И черная толпа избивающих, и избиваемые в мешковатой одежде из белой бумаги не вымолвили ни слова, и всю ночь шелестело лишь Китовое дерево -- такой это был сон, и то, что в нем случилось, повторялось пять раз... И мешковатая одежда из белой бумаги, и пятикратное повторение, должно быть, имели для взрослых из нашей деревни какой-то особый смысл. Выздоровев, я спрашивал потом у домашних, но они мне ничего не отвечали. Меня стали считать ненормальным, подзатыльники -- вот и все, чего я добился. А врач из соседнего городка, которого позвали ко мне, уверенный, что я все равно умру, совсем меня не лечил и убеждал родителей: если он и выживет, то останется навсегда тихим идиотом, а может, и буйно помешанным -- радости в этом мало! Из-за того, что у меня долго не проходил жар, я стал похож на красную креветку и, мечась по постели, то сгибался, то разгибался, тоже как креветка. Очнулся я дня через два-три, когда жар спал. Я весь был изранен, а на шее появилась багровая полоса, точно мне сдавливали горло веревкой.

Такаки внезапно умолк. Его худое лицо вдруг побагровело и вспухло, а в широко раскрытых глазах проступила кроваво-красная сетка.

-- Пошли! -- Исана понимал, что о Китовом дереве Такаки рассказал все, что знал, и хотел, чтобы он, по возможности лаконично, выбирая самую суть, снова рассказал свой жуткий сон -- суд под Китовым деревом.

Такаки -- лицо его стало прежним -- повел глазами и молча кивнул. Они вылезли из машины, и "фольксваген", вместо того чтобы остаться неподвижным, начал вдруг раскачиваться, как зверь, потерявший равновесие, и пополз вниз.

Такаки не обратил никакого внимания на падение машины и, шагая вперед под темной крышей вечнозеленых деревьев, сказал:

-- Такому человеку, как вы, который хотел услышать о Китовом дереве, а услышав, не стал приставать с дурацкими объяснениями, вот такому человеку я и хотел все рассказать.

Исана в искреннем тоне юноши уловил задушевность и ответил словами, не имевшими, казалось бы, непосредственного отношения к его рассказу,

-- В такие тихие вечера я как бы ощущаю поддержку окружающих меня деревьев и, мне кажется, могу действовать наилучшим образом. Вот почему я думаю, что мне помогают души деревьев...

Теперь Такаки стоял на самой низкой части насыпи и, собираясь прыгнуть на открытое место за каруселью, внимательно осматривал землю. Он беспокоился не о себе, а об Исана, который сегодня утром упал с велосипеда.

-- В такие минуты, даже размышляя о смерти, я думаю: это еще одна радость для человека, -- продолжал Исана.

Они очутились в парке и, обойдя карусель, двинулись к выходу, где была автобусная остановка; юноша, чуть задержавшись, поравнялся с Исана.

-- Неужели вы решитесь умереть, бросив Дзина на произвол судьбы?

-- Ты прав, конечно. Потому-то я и не думаю о смерти как о конкретной программе действий. Нет, это не более чем приятные мечты о том времени, когда придет смерть, о том, чтобы быть к ней готовым. Когда смотришь на могучие стволы и тоненькие веточки огромных деревьев -- дзельквы, вяза, которые ты называешь деревищами, -- подобные мысли особенно часто приходят в голову. Эти могучие деревья делают бессмысленной границу между жизнью и смертью, тем более зимой, когда кажутся сухими и мертвыми... Я люблю, когда зимой в деревьях замирает всякая жизнь.

-- Вы считаете, что деревья впадают в зимнюю спячку? Животные могут погружаться в зимнюю спячку, я знаю даже одного человека, который путем упражнений приучил себя к этому, -- сказал Такаки. В интонации, с какой он произнес "человека", явно чувствовалось шутливое желание поместить этого чудака в один из разделов биологического атласа. Исана рассмеялся вместе с юношей, но допытываться, какие упражнения нужны, чтобы научиться впадать в зимнюю спячку, не стал. Перебравшись через запертые ворота и подойдя к остановке автобуса, Такаки, точно вдруг вспомнив о чем-то, предложил:

-- Может, сходим еще в наш тайник?

-- Нет, я должен вернуться к Дзину. Нельзя надолго оставлять его с чужим человеком, -- сказал Исана.

-- В ближайшие дни я вас туда отведу, -- сказал Такаки и, направившись к оживленному перекрестку, исчез. В одиночестве ожидая автобуса, Исана внезапно подумал: не обидел ли я его своим отказом?

На следующий день Исана с нетерпением ждал, когда придет Такаки. Но от него не было никаких вестей дней пять. Пока Такаки не показывался, подростки, которыми он предводительствовал, слонявшиеся прежде вокруг убежища и вишни, тоже куда-то исчезли. Больной, затаившись на третьем этаже, усиленно лечился, и в жизнь Исана и Дзина вторгалась одна лишь Инаго. Таким образом, явные перемены, происшедшие в жизни Исана и Дзина, и начало новых перемен -- все совершалось под влиянием притягательной силы пылающих янтарным блеском глаз девчонки, смеющихся даже в самые серьезные минуты, и ее смуглой кожи. Совсем не стремясь к этому, она завладела сердцем Дзина. Исана всегда думал, будто сознание его ребенка подобно закупоренной консервной банке. Прodelав в ней крохотное отверстие, Исана научился как бы с помощью тоненькой трубочки добираться до его сознания. И когда самого Исана не было рядом с Дзином, он оставлял у конца трубочки магнитофон, на ленту которого были записаны птичьи голоса. Исана

был убежден, что возможны лишь два этих способа общения с сознанием Дзина. Но сейчас в консервной банке, заключающей сознание ребенка, появилось еще одно отверстие, и туда стало интенсивно вливаться нечто иное...

Сначала Исана считал, что подобная роль девчонке не под силу, но оказалось, что Инаго обладает прирожденным талантом педагога.

Она не только без всякого труда нашла путь к сердцу Дзина, но и безбоязненно пошла на сближение с Исана. Выразив желание спуститься в бункер, она с интересом разглядывала его устройство -- это ли был не лучший способ завладеть сердцем Исана. Когда она залезла в бункер, а Исана позволил ей это, сам оставаясь у открытого люка, Инаго почтительно, но голосом, от которого голова шла кругом, задавала ему вопросы. Заглядывая в бункер, чтобы ответить ей, он встретился с горящими в темноте глазами девушки. И испытал стыд, будто залучил в ловушку маленького зверька, и вспыхнувшее огнем желание. Хотя сидевшая в бункере девчонка была наполовину поглощена тьмой, в глубоком вырезе куртки из джинсового материала виднелись не только плечи, но и маленькая грудь, и цилиндрики сосков. Правда, Инаго не придавала этому никакого значения. Все ее внимание было приковано к четырехугольному отверстию в бетонном полу, где была настоящая земля.

-- Раньше я думала: как ужасно, если в этом бункере уцелеем лишь мы одни, даже когда сбросят атомную или водородную бомбу и весь Токио будет разрушен. Но оказывается, это такое место, где можно держать ноги в земле, пока снаружи по той же самой земле мечутся люди. Выходит как бы наоборот -- мы не останемся в одиночестве. Я не могу как следует выразить это, но...

Прошла неделя, и Такаки сообщил через Инаго, что он хочет встретиться с Исана у лодочной станции, рядом с парком. Такаки, наверное, потому сам не пришел к убежищу, что больной с третьего этажа был против того, чтобы показывать постороннему человеку тайник. Теперь уже без всякого страха поручив Дзина заботам девушки, Исана отправился в условленное место. Широкая река лежала под облачным, пасмурным небом -- глядя с лодочной станции на ее сверкающую гладь, изрезанную островками, невозможно было определить, в какую сторону она течет. Такаки сидел спиной к реке, опершись на локти с видом скучающего чудака, явившегося на лодочную станцию после конца сезона, и ждал Исана. На дне воронкообразной впадины, куда они спустились, какой-то подросток, войдя в воду, вытащил из зарослей тростника белую металлическую лодку. Место было удивительное. Заросший тростником островок прямо перед ними и другие островки, расположенные рядом, не позволяли людям, стоявшим на дамбе, увидеть, как Исана и Такаки, грохоча, залезали в лодку, которую удерживал подросток.

Так и не произнеся ни слова, не подняв головы, он оттолкнул лодку, а сам

остался стоять в мутной мелкой воде. Бросив последний взгляд на него и на тростник, покрывающий остров, Исана повернулся к Такаки, взявшемуся за весла. Хотя он еще не начал грести, лодка плыла вниз по течению, получив ускорение от толчка.

-- Разве ваш больной товарищ не возражал против того, чтобы ты приводил меня в тайник? Удалось его уговорить? -- спросил Исана.

-- Бой, что ли? Да я думал, он вчера умрет, Вот и решил: пусть возражает, если ему от этого легче, -- как ни в чем не бывало, сказал Такаки. Исана так покраснел, что лицо его, обдуваемое легким речным ветерком, казалось, вспыхнуло. Он даже начал заикаться:

-- Думал, вчера умрет? Значит, вы решили подбросить нам с сыном в убежище труп?

-- Совершенно верно, -- спокойно согласился Такаки. -- Нам было бы трудно избавиться от трупа Боя. Даже если бы он умер от столбняка, его раны любому врачу показались бы подозрительными. И он из любопытства или профессионального долга, но обязательно постарался бы заинтересовать этим полицию.

-- В общем, собирались повесить на нас с Дзином покойника? -- зло бросил возмущенный Исана, прервав беспечную болтовню Такаки, который словно нарочно пытался еще больше разозлить его. -- Но почему? Почему вы решили оставить труп именно у меня? Почему? Вы хоть подумали о том, что делаете?

-- Не кипятитесь! Надеюсь, вы не наброситесь сейчас на меня? Мы ведь в лодке, не забывайте, -- сказал Такаки, отпустив весла и вытянув перед собой руки, точно готовясь отразить нападение.

Исана увидел, что глаза юноши, которые тот все время отводил в сторону, налились кровью, лицо посерело, пошло пятнами, и на нем появилось злое и в то же время странно заискивающее выражение.

-- Видите ли, мы, Союз свободных мореплавателей, выбрали именно вас, -- сказал Такаки, не меняя позы.

Некоторое время, пока он не греб, лодка плыла, набирая скорость, между островками. -- Мы выбрали именно вас, -- продолжал Такаки, -- потому что, долгое время наблюдая за вами, убедились, что вы отличаетесь от остальных жителей этих мест. Мы сразу поняли, что вы человек странный, но в чем состоит ваша странность, не представляли себе, пока я не услышал ваш рассказ о китах и деревьях. Тогда я и подумал, что если вы и стоите между нами и всеми остальными людьми на свете, то все-таки вы ближе к нам. Вот я и решил установить с вами контакт. И получилось так, что, когда Бой оказался при смерти, мы сделали ваше убежище приютом для умирающего. Но Бой, как известно, не умер, и никаких осложнений, из-за того чтоб отделаться от его

трупа, не возникло. Теперь его можно даже спокойно забрать из вашего убежища, и все-таки я решил показать вам тайник Союза свободных мореплавателей. Отныне вам будет ясно, что мы всерьез хотим наладить с вами контакт. Во всяком случае, ни с кем другим завязывать отношений не собираемся. -- Это-то я понимаю, но... Лодка доплыла до конца протоки, им пришлось вылезти из нее и пробираться под аркой водостока. Миновав арку, они оказались в самом центре огромной свалки. Чего только здесь не было, ни дать ни взять -- выставка негодных выброшенных предметов, связанных с жизнью человека. Лучшим доказательством того, что мусор сваливают сюда уже не первый год, были прорезавшие его слои сухой травы. В этой горе мусора был вырыт проход в ширину плеч человека. Следуя за Такаки, Исана шел по проходу, стараясь не касаться грозящих обвалом мусорных стен, потом свернул за угол -- поворот, видимо, был сделан для того, чтобы проход не просматривался насквозь, -- и оказался у киносъемочного павильона.

Глава 7

БОЙ ПРОТИВИТСЯ

Когда дверь павильона открылась, перед глазами Исана возник громадный бульдозер, раскрашенный желтыми и черными полосами. Поскольку бульдозер не работал, огромный нож его, естественно, должен был лежать на земле, но он был поднят выше кабины водителя. Между двумя штангами, держащими его, были видны не только дизельный мотор и кабина водителя, но и еще одна, расположенная над ней кабина, повернутая в противоположную сторону. По бокам желто-черного полосатого корпуса сильно выпирали широченные гусеницы.

-- Прекрасное пугало для незваных гостей.

-- Не только пугало. Это же настоящий танк, -- сказал Такаки. -- Будь мы незваными гостями и двинься он на нас, нам пришлось бы отступать по этому узкому проходу, и тогда он обрушил бы на нас целую гору сваленной здесь рухляди. А потом нас, погребенных под мусором, смял бы нож и утрамбовали гусеницы. Конечно, не наши ребята притащили его сюда. Бульдозер был тут и раньше, он сносил постройки киностудии и расчищал участок. Мы нанялись в компанию, которая занимается расчисткой участков, и работали на нем. Здесь хотели сделать площадку для игры в шары. Но из-за протеста местных жителей от этого плана пришлось отказаться. Ребята лишились работы, а бульдозер так и остался. Вот мы и придумали, как использовать его. Перво-наперво сгребли в одну кучу обломки разрушенного павильона, что стоял между этой постройкой и строениями напротив, устроили свалку, по которой мы сейчас шли, и укрыли

за ней наш павильон. Теперь никому и в голову не придет перебираться через гору мусора. Перед окончанием работы мы загнали бульдозер в павильон, а колею засыпали мусором, чтобы его нельзя было отыскать. Компания получила страховку. И не стала поднимать шума из-за какого-то бульдозера.

Обойдя бульдозер, Такаки вошел внутрь павильона, Исана последовал за ним. И тут, в лучах проникавшего через застекленную крышу света, он увидел двухмачтовую шхуну, шхуну, готовую к отплытию -- стоило лишь поставить снасти и поднять паруса. Исана буквально оторопел. Ого! -- воскликнул он, и Такаки, обернувшись, пристально посмотрел на него. Стоя позади Такаки и разглядывая вместе с ним шхуну, Исана пришел в неопишуемый восторг -- создавалось полное впечатление, что шхуна мчится на них, меняя галсы, хотя паруса у нее были спущены и она застыла на месте. На шхуне было две мачты, бушприт выдавался далеко вперед, казалось, вот-вот загорятся бортовые огни. Но палуба шхуны лежала на полу павильона. Фальшборт, возвышавшийся над полом, лишь обрисовывал контуры корабля -- он ничем не отличался от обычных стен помещения. И все же это была настоящая шхуна. : Внутренность павильона -- обычная, как на любой киностудии; высоко под потолком, над мачтами шхуны, было укреплено множество колосников и проложены бесчисленные рельсы, на которых висела осветительная аппаратура. А внизу стояла шхуна; благодаря тому, что вокруг нее были использовавшиеся на студии при съемках фильмов декорации с нарисованным пейзажем, казалось, будто она плывет по морю, уйдя в воду по самую палубу. Пейзажи на декорациях справа и слева от корабля были разные. Даже небо отличалось, с одной стороны -- яркое и чистое, с другой -- предгрозовое. За кормой судна на декорациях тянулся пенистый след, создававший эффект стремительного движения. Обойдя фальшборт, сделанный из цемента прямо на полу, и остановясь в глубине павильона, у самой кормы шхуны, Исана увидел, что на полотне изображено катание на водных лыжах.

-- Неужели все это декорации для съемок?-- спросил Исана, опираясь руками высокий, достигающий ему до груди фальшборт и глядя на штурвал, рубку и торчавшие за ними мачты.

-- Задник -- да. Его сделали, наверно, для съемки морских фильмов, -- сказал Такаки. Он снял туфли, перешагнул через фальшборт и забрался на палубу. -- Но сама шхуна не киноподделка. Вы, наверно, сразу догадались? Это часть настоящей шхуны, плававшей по морям. Пятьдесят футов в длину. Мы учимся ставить и убирать паруса, изучаем снасти. Воображаем, будто меняется ветер, и: берем рифы на парусах. В общем, плаваем на -шхуне в открытом море павильона. Чтобы мачты не качались, когда мы забираемся на самый верх ставить снасти, мы укрепили их не только снизу, но и сверху. Из того, что

осталось на студии, только эта шхуна еще на что-то годится. Я всегда считал кинопроизводство удивительным миром, ведь в нем нет ни одной настоящей вещи.

-- Не знаю даже, как лучше назвать ее -- "шхуной" или "шхуной от палубы и выше". Скажи, а эту свою "настоящую вещь" вы построили сами?

-- Разве я не сказал, что она плавала по морям? Неспециалистам такой не построить. Мы притащили ее всю прямо с моря. Разобрали на части и привезли на мощном грузовике, -- сказал Такаки с наивной гордостью. -- Шхуна принадлежала какому-то иностранцу, он на лето приезжал в Японию. А зимой она стояла на якоре в одной из бухт Идзу, и нашего парня наняли за ней присматривать. В общем, наняли на свою голову. Летом он должен был помогать иностранцу плавать на ней, а зимой -- охранять. Следить, чтобы ее не унесло тайфуном. Вот мы и решили обучать на ней Свободных мореплавателей. В море-то нас сразу бы засекли. И мы отвели ее в маленький заливчик, разобрали и сняли палубу и все, что на ней. А здесь снова собрали. Разобрать палубу и мачты было не так уж трудно, зато на сборку ушло целых полгода. Мачты пришлось подпилить немного. Павильон оказался прекрасным помещением: он высокий, сколько угодно блоков, веревок, работать было легко. Но все равно на это ушло целых полгода.

-- Да, нелегкая работа, если на нее ушло полгода, -- сказал Исана, заряжаясь весельем. -- Есть же люди, которые так продуманно и целеустремленно занимаются большой игрой...

Танаки, которого слово "игра", видимо, задело, начал изо всех сил крутить штурвал, потом открыл дверь в рубку и показал Исана койку и компас. Пространство над кроватью было очень низким -- раньше, когда шхуна плавала по морю, пол рубки находился на несколько десятков сантиметров ниже палубы.

-- Все, что было на палубе, вы разобрали и унесли, ну а сам корпус так и плавает по морю?

-- Плавать-то, может, плавает. Только из машинного отделения мы забрали двигатель, рацию тоже притащили сюда, все сняли -- даже койки из кубрика и штурманский стол. Так что сама шхуна, по существу, именно здесь. По морю же плавает лишь корпус ее с камбузом, гальюном, кладовой и балластными цистернами. В подвале мы в точности воспроизвели кубрик. Там мы живем, а здесь проводим учения -- в общем, чем не корабельная жизнь?

Такаки перелез через фальшборт, надел туфли и, толкнув металлическую дверь, скрытую декорацией, пригласил Исана следовать за ним. Света он не зажег: за дверью начиналась совершенно темная лестница. Они стали спускаться во тьму; воздух, казалось, был насыщен мириадами спор плесени.

Такаки открыл еще одну металлическую дверь. Тусклая лампочка посреди комнаты освещала корабельные койки, расположенные в два яруса. Лампочка, затененная черным колпаком, свисавшим на длинном шнуре с высокого потолка, сразу напомнила Исана светомаскировку военных лет. Он увидел, как с нижней койки приподнялся на локте тщедушный человечек. Тут же в поле его зрения попали еще две фигуры, двигавшиеся в неосвещенном пространстве. Когда маленький человечек на койке приподнялся, свет упал на его лицо и какой-то предмет, который он прижимал к груди. Но Исана еще раньше понял, что это Бой с охотничьим ружьем в руках. Двое других, стоявшие за освещенным кругом, похоже, не были вооружены. Один из них, с широкими не по росту плечами, сразу заинтересовал Исана. Человек этот, по прозвищу Коротыш, как потом узнал Исана, был самой колоритной личностью среди Свободных мореплавателей.

-- Засада? Ты, Бой, человек дикий и, как только начал принимать антибиотик, сразу поправился, -- сказал Такаки, обращаясь к подростку. -- Но неужели ты настолько окреп, что смог добраться сюда сам, без посторонней помощи?

-- Это я его привез. У меня, Такаки, тоже к тебе вопрос: почему ты привел сюда постороннего, не посоветовавшись с нами? -- сказал кто-то из темноты. По некоторым характерным чертам Исана сразу же запомнил и этого парня по имени Тамакити. -- Садись-ка на свою капитанскую койку и помни, ружье у Боя заряжено. Мы с Коротышом пока еще держим нейтралитет, но если ты думаешь отделаться шуточками, знай: Бой на твою удочку не попадетсся.

-- Тамакити у нас всегда подыгрывает Бою, -- поддел его Такаки.

-- У меня хранится все остальное оружие и ружья, кроме того, что у Боя, Он еще слаб, и без оружия с тобой, Такаки, на равных ему не договориться. Ну что ж, начнем разговор, -- сказал Тамакити, не поддаваясь на провокацию. Подойдя прямо к однойрусной койке, стоявшей за выстроившимися по бортам двухъярусными, Такаки поднял руку и включил еще одну лампу. Следовавший за ним Исана сел на нижнюю койку и увидел, что на бетонном полу между двумя койками -- его и Тамакити -- белой краской нарисована какая-то геометрическая фигура. Отсюда, с койки, он видел лишь ближнюю ее часть, но охватить взглядом всю фигуру не мог. Ему пришлось мысленно представить, какой она должна быть целиком, и он понял, что это планиметрическое изображение внутреннего оборудования пятидесятифутовой шхуны в натуральную величину, -- об этом как раз и говорил ему только что Такаки. Двухъярусные койки расположились в соответствии с тем, как они были изображены планиметрически; в машинном отделении, отгороженном веревкой, стоял настоящий мотор в полной исправности. Только галюн был лишь символически очерчен на плане, а пользовались уборной, существовавшей в

павильоне еще раньше, и находилась она, разумеется, вне корабля, но все остальные жизненные центры, вплоть до камбуза, были размещены в границах пятидесятифутовой шхуны.

-- Тамакити, я не в обиде на тебя за то, что ты завел Боя да еще дал ему ружье, а остальное оружие куда-то припрятал, -- сказал Тааки. -- Ты ведь ответственный за оружие Союза свободных мореплавателей. Да и зачем мне оружие? Я же не собираюсь стрелять в Боя.

-- Пожалуйста, обижайся на меня, это дело личное, верно ведь? Нас объединяет общее дело, хоть мы и не имеем устава, -- холодно ответил Тамакити. -- А был бы у нас устав, первым его нарушителем оказался б ты: разве не ты, ни с кем не договорившись, привел в тайник Свободных мореплавателей постороннего! Теперь-то я вижу: раньше, чем мы объединились вокруг тебя, нам надо было написать устав. Да, живи мы по уставу, никто не посмел бы, опасаясь лишних хлопот, отправлять Боя из нашего укрытия, хоть он и был при смерти. Пока меня не было, Боя куда-то увезли и бросили одного только потому, что ему стало хуже. Меня это просто взорвало.

-- Да, это было нехорошо, Тааки, -- поддакнул Коротыш. Голос его словно раздваивался, звуча то как у взрослого мужчины, то как у кастрата -- высокие и низкие тона сочетались ненатурально, как бывает, когда пластинка крутится быстрее положенного.

-- Оставить Боя здесь было невозможно. Неужели вы этого не понимаете? Как бы мы достали лекарство? И потом, разве мы бросили Боя? И разве он не поправился в конце концов? Вы дожидались меня здесь, в подвале, чтоб поплакаться на его горестную судьбу, и для этого даже вооружили Боя, очень уж хотелось поплакать, да? -- парировал Тааки. -- Другой цели у вас, разумеется, не было?

-- Я сейчас пришью этого психа! Мы дожидались тебя, Тааки, чтобы убить его! -- впервые подал голос Бой, и по его голосу было ясно, что он еще не совсем выздоровел.

-- Что это с ним стряслось? Еще вчера ныл, умираю, мол, а сегодня смотри как заговорил! -- спокойно сказал Тааки, но в худом лице его не было ни кровинки, и оно конвульсивно подергивалось. Исана понял, что над ним нависла страшная опасность, а Тааки, который должен был бы его защитить, бессилен и сам с горечью и гневом сознает свое бессилие.

-- Ружье заряжено дробью. Иди сюда, Тааки, а его я сейчас пришью, и пикнуть не успеет! -- сказал Бой, наводя ружье на Исана.

-- Пикнуть? Нет, ни пищать, ни плакать не собираюсь. Плакать будешь ты, щенок! -- сказал Исана.

Сейчас, именно сейчас моя бедная, ни в чем не повинная голова будет

снесена ружейным зарядом. Ведь с такого расстояния дробь даже не рассеется и сохранит убойную силу, -- обратился Исана к душам деревьев и душам китов.

-- Зачем вы еще больше заводите этого щенка? -- перебил его Такаки, взорвавшись, как боб на сковороде. -- Почему не скажете Бою, чтобы он не стрелял?

-- Почему, говоришь? -- спросил Исана тихо, почти не открывая рта. Под языком застыл свинцовый комок. Ему неожиданно открылась ясная и простая истина, и он хотел как следует осмыслить ее. Вместо того, чтобы обратиться к душам деревьев и душам китов, он заговорил с Такаки: -- Да я не собираюсь искать способ как-то продлить свою жизнь, мне на нее наплевать, а Дзин, я думаю, и без меня не пропадет в этом мире. Во всяком случае, он, по-моему, научился быть независимым от меня. Только благодаря Инаго. А раз Дзин может без меня обойтись, руки у меня развязаны -- я свободен. И я с радостью готов умереть. Я ведь уже говорил тебе об этом.

-- А как же быть с обязанностями поверенного деревьев и китов на земле? Если поверенного деревьев и китов вдруг не станет, плохо им придется, а? Или все, что вы говорили, шутка? -- горячо взмолился Такаки, выдавая тем самым, что он гораздо больше Исана убежден в его близкой смерти и боится ее.

-- До сих пор я не мог надеяться, что кто-либо, кому я об этом рассказывал, признает меня, не думал, что в это вообще можно поверить, как ив души деревьев и души китов, -- сказал Исана. -- Но ты, кажется, поверил, впрочем, если даже души деревьев и души китов признают меня своим поверенным, то моя смерть для них не страшна -- деревья и киты сразу выберут себе нового поверенного. Я только сейчас осознал, что в этом мире немало людей, ведущих такую же затворническую жизнь, как я, и вполне способных стать поверенными деревьев и китов. Поэтому я, живущий в убежище и одержимый идеей, все же могу беспристрастно взглянуть на себя и спокойно отнестись к возможности быть убитым -- как ни странна причина моей смерти да и само это место. Правда, вам придется поломать голову над тем, куда деть мой труп... Но, если я и в самом деле тот человек, каким сам себя считаю, вы все равно найдете себе еще такого же. Сам-то ты что думаешь?.. Когда вы нарисовали, на моем убежище свои знаки и потом пошли на сближение со мной, я сразу понял, что мне предстоят новые испытания. Вот они и начались.

Исана умолк. Он разрывался надвое -- напряженно ожидая выстрела и в то же время мысленно погружаясь в водоворот своего внутреннего мира. Острее других реагировал на слова Исана Коротыш, стоявший за койкой Боя. Когда он заговорил тонким голосом, точно пережевывая слова своей черной пастью, треснувшее молчание рассыпалось бесчисленными фиолетовыми искрами.

-- Поверенный деревьев и китов? Это еще что такое? -- воскликнул он

поспешно, точно боясь, что Бой вот-вот выстрелит,

-- Разве я не рассказывал? Может, ты меня просто не слушал? -- возмутился Такаки.

-- Твой рассказ -- он о сумасшедшем, мы думали, это розыгрыш. Что все это значит? Какой-то чокнутый только потому, что киты, обреченные на истребление, с грехом пополам спасаются в Северном Ледовитом океане или еще где-то там, решил говорить от имени всех китов. Разве это не сумасшествие?

-- Да никакой он не сумасшедший! И именно потому Бой хочет убить его -- из страха, что он донесет про тайник Свободных мореплавателей, а вы оба помогаете ему, -- зло бросил Такаки. Исана понял, что по крайней мере сначала его сочли сумасшедшим, уединенно живущим со своим умственно отсталым сыном.

-- Хорошо, согласен, он не сумасшедший. Но кое-какие неясности все же остаются, верно? -- обратился Коротыш уже непосредственно к Исана. -- О деревьях не будем говорить, а что вы станете делать как поверенный китов, когда последнего из них уничтожат? Они же обречены на истребление, как вы сами говорите. Перейдете в ответное наступление на человечество? Своруете водородную бомбу? А в противном случае какой вам смысл укрываться в убежище? Может, вы и сейчас ведете кампанию в защиту китов с помощью писем или еще как?

-- Он псих! Какие планы могут быть у психа! -- завопил Бой. -- Сумасшедший, Такаки, может и шпионом быть, и доносчиком, чтобы спасти самого себя, сумасшедшего. Они хитрые. Захочется, скажем, понравиться полиции, и все. Такие сумасшедшие тоже бывают! Которые боятся полиции!

-- Подумай как следует, раньше чем стрелять, представляешь, что потом будет? -- закричал, повернувшись к Бою, Такаки, до этого стоявший лицом к Исана. -- Чего ты боишься; истеричная баба?

-- Постой, Бой, не стреляй. Еще не время. Я хочу услышать ответ на свой вопрос! -- тонким голосом воскликнул Коротыш. -- Ну так что же все-таки произойдет, когда последний кит будет уничтожен? Вы собираетесь в этот день обрушить возмездие на весь род человеческий, да? А если не собираетесь...

-- Киты -- самые крупные, самые прекрасные из всех млекопитающих, -- заговорил Исана, следуя чувству долга поверенного. -- Люди, безжалостно охотясь на китов, поставили их перед угрозой полного истребления, но я все равно убежден, что в конце концов именно киты окажутся сильнее всех млекопитающих. Особенно в случае ядерной войны условия существования китов, способных сколько угодно находиться под водой, окажутся несравненно лучше, чем у сухопутных млекопитающих. В глубине души я уверен, что день,

когда погибнет последний кит, окажется также и днем гибели последнего млекопитающего, именуемого человеком. И у меня не будет нужды обрушивать возмездие.

-- Верно, я тоже так думаю! -- горячо воскликнул Коротыш. -- Человечество на самом деле погибнет раньше китов. Это факт! Но для чего тогда нужен поверенный китов? Он что, создаст Союз млекопитающих, который выступит с призывом охранять китов, чтобы не допустить всеобщей гибели людей и китов? Если вы это собираетесь делать, то наверняка способны и шпионить, и сотрудничать с полицией, и доносить на нас. Вы же подглядывали за нами в бинокль? Верно?

-- Точно, у него есть огромный бинокль, -- сказал Бой, почувствовав поддержку. -- Да у нас нет другого выхода, надо его убить, и поскорее!

-- Тебя не спрашивают, -- сказал Коротыш. -- Я к вам обращаюсь: какой смысл быть поверенным только китов, а не служить всем млекопитающим?

-- Я думаю о том дне, когда погибнут все млекопитающие земного шара, обитающие на суше и в море, включая людей и китов, когда и деревья засохнут и на земле появятся пришельцы, -- сказал Исана с подъемом -- нашелся-таки человек, слушавший его с неподдельным интересом. -- Я считаю своей обязанностью рассказать пришельцам, что царствовал на земле не человек, а киты и деревья. Я хочу сообщить им, что в существовании деревьев и китов было нечто столь непостижимое, что понять это оказалось человеку не под силу. Разумеется, пришельцы будут значительно превосходить человека, и, возможно, объясняться с ними с помощью слов не будет необходимости. Гибель человека и будет его посланием пришельцам. Пришельцами я называю тех, кто придет сюда из миров, лежащих вне Солнечной системы, то есть тех, кто останется на Земле после нас. Есть среди ученых популяризаторы, утверждающие, что после гибели млекопитающих землю заселят тараканы, но я не хотел бы поведать о величии деревьев и китов каким-то тараканам.

-- Но все это одни предположения! -- чуть ли не закричал Коротыш, выходя из темноты. -- По-вашему, даже если большая часть млекопитающих, включая и людей, погибнет, то останутся киты -- самые могучие, как вы говорите, млекопитающие. И пришельцев встретят лишь киты и вы -- их поверенный на Земле. Деревья, благодаря телепатии пришельцев, тоже заговорят, и вы будете присутствовать на этом обряде -- страшно даже подумать!

-- Мечты мои так далеко не простираются. Я хоть и поверенный китов, но не облечен особыми полномочиями, -- сказал Исана, услышав в своем голосе явные нотки печали, резко контрастировавшие с горячностью Коротыша. -- Я даже мечтать не могу о такой блистательной перспективе. Единственное, чего я хотел бы, это ограничиться в жизни ролью поверенного деревьев и китов. И не

иметь никаких отношений с посторонними людьми. Могу ли я внести какой-либо вклад в настоящее и будущее человечества, растя умственно отсталого ребенка? Так я и живу, спокойно ожидая дня гибели деревьев, китов, людей. Человек же, живущий ожиданиями и фактически не делающий ничего, что присуще человеку, как мне кажется, сразу же обратит на себя внимание пришельцев, и к ним дойдет его послание. Только потому, что мне безумно хочется умереть, я и спрятался в убежище, чтобы заставить себя дожить до того дня, когда придут пришельцы. Если жить, не делая ничего, что присуще человеку, и только ждать, то естественнее всего жить, учась у деревьев; вот я и живу, пытаюсь слиться с ними. Жизнь в слиянии с деревьями более всего в духе человека, продлевающего ее во имя встречи с пришельцами...

-- Нет, поглядите на него! Он хочет пережить всех нас. Такой тип способен на все, он будет и шпионить, и доносить, и продавать!

-- Заткнись, дубина! Тебя никто не спрашивает! -- тонким голосом заглушил вопль Боя Коротыш. -- Но если вас послушать, выходит, что вы на этом свете ни на что не претендуете лично для себя и живете одним ожиданием? Ради чего все-таки вы отказались от всех прав, которыми обладает человек, и стали жить ожиданием? Неужели вы так уж любите деревья и китов? Может, это религия какая? А деревья и киты -- боги? Но вряд ли. Из ваших слов я понял, что если пришельцы и могли бы сойти за богов, то погибшие деревья и киты -- не боги. Правильно? Так что нет никаких оснований называть их богами!

-- Разумеется, и деревья, и киты -- не боги. Киты -- самые крупные, самые прекрасные из всех млекопитающих -- так называть их вполне уместно, но не более. А вот деревья, видимо, ближе к богам, чем киты. Ближе потому, что даже если все млекопитающие погибнут, деревья смогут возродиться и с ними подружатся пришельцы. Я видел изуродованные листья, потерявшие свою обычную форму в результате атомной радиации, но и в Хиросиме, и в Нагасаки именно деревья возродились первыми. Мне кажется, деревья переживут любые стихийные бедствия, и не исключено, что они будут существовать и в век пришельцев.

-- Я думаю о деревьях то же самое. Особенно ясно ощущаешь это, фотографируя, как взрываются после зимнего сна почки, -- сказал Коротыш.

-- Тем не менее и деревья -- не боги. В конце концов и они погибают, -- сказал Исана.

-- Совершенно верно, даже когда это Китовые деревья, -- сказал Тааки.

-- Психи, психи! Да вы все спятили! -- завопил Бой.

Бой, державший на коленях наведенное на Исана ружье, кричал на своих дружков, но ненависть его обращена была к нему, и можно было ждать, что он в любую минуту нажмет на спусковой крючок. Коротыш, сохраняя

самообладание, кружным путем двинулся на своих кривых ногах -- непропорциональность его тела теперь резко бросалась в глаза -- и остановился у двухъярусной койки в вершине правильного треугольника, два других угла его составляли койки, где стояли Исана и Такаки. Он спокойно взобрался наверх, включил над головой голую лампочку и удобно уселся на койке -- всем своим видом игнорируя бешенство Боя. Это явно было рассчитано на то, чтобы утихомирить Боя, державшего в руках ружье. Теперь за спиной Боя остался один Тамакити, который пока не проронил ни слова.

-- Коротыш уже отступился от Боя, он вернулся на свою койку. Что же думаешь ты, Тамакити, ты теперь у Боя единственный союзник. Вам придется сражаться одним, -- съязвил Такаки, хотя положение все еще оставалось напряженным.

-- Правильно. Зачем убивать его, пусть лучше присоединяется к нам, -- сказал Коротыш.

-- Почему мы должны ему верить? Почему даже ты, Коротыш, поверил ему? Откуда мы знаем, что он не донесет на Свободных мореплавателей? -- набросился Бой на перекинувшегося во вражеский лагерь Коротыша. -- Мы все время считали, что он сделает для нас все что угодно, лишь бы мы не похитили его дефективного сыночка. Разве не ты, Такаки, всегда говорил нам это? А теперь он уверен, что сын проживет и без него. А? Пригрози мы ему теперь похищением сына -- ему плевать, пойдет и донесет на нас. Что же нам делать? Запереть его здесь и никуда не выпускать?

-- Нет, запереть его ни к чему. Ты просто идиот. Нам же лучше, если он присоединится к нам. Лишь бы он согласился, -- сказал Коротыш. -- Ведь он, единственный из всех людей, ждет конца света! Он не чета тебе, только и знаешь, что скулить.

-- Замолчи! Что из того, что он ведет странную жизнь, увидите, он откажется от нее. Бросит все на полпути! Раньше-то он жил среди людей, этот тип. Значит, когда-нибудь снова вернется к ним. Ты ведь, Такаки, нам всегда это говорил или, может, не говорил? Человек, если его не изгнали из общества, а он сам порвал с ним, рано или поздно все бросит на полпути и сам в него вернется, говорил же ты это!

-- Такаки говорил совсем наоборот! Человек, по своей воле покинувший общество, не вернется в него добровольно, -- вот что он говорил. Ты просто неправильно понял!

-- А ты? Ты ведь пришел к нам потому, что кости у тебя стали сжиматься и расти вширь, верно? Разве ты хотел этого? Инвалидами и психами становятся тоже не по своей воле.

-- Я не инвалид и не псих. Или ты сомневаешься? -- сказал Коротыш все тем

же тонким, но с хрипотцой голосом.

Затем перед глазами Исана с неимоверной стремительностью разыгралась драма насилия. Стремительность эта была такова, что сколько раз ни пытался потом Исана мысленно проследить ее от начала до конца, даже сама мысль о ней значительно отставала от ее развития в действительности. Необычной была не только стремительность. Скорее само впечатление необычной стремительности связывало в единое целое разрозненные действия и реакции. Исана наблюдал за происходящим, находясь справа и чуть позади Коротыша, и сползший с койки на пол Коротыш казался ему чуть ли не карликом. Ноги его были такими короткими, словно он шел на коленях, а руки, которые он, согнув, выставил перед грудью, -- тоже такими короткими, будто обрывались у локтей. По сравнению с ними туловище было непомерно длинным, плечи -- слишком широкими, грудь -- могучей, оттопыренный зад -- колоссальным. Наклонив вперед огромную голову, вросшую в мощные плечи, мужчина удивительно плавно, что никак не вязалось с его переваливающейся походкой, прошел мимо штурманского стола и с потрясающим равнодушием, не обращая внимания на направленное в его грудь ружье, развернулся и ударил Боя по лицу. Сброшенный с кровати Бой быстро вскочил, не выпуская из рук ружья, и приставил его прямо к кончику носа Коротыша. Тот, даже не думая отводить дуло в сторону, вцепился в него зубами, как черепаха, хватаящая добычу, и стиснул так крепко, что мышцы на его короткой шее вздулись; в тот же миг Коротыш изо всех сил стукнул Боя по затылку чем-то, зажатым в его толстенной, как бревн но, руке. Это были тали от паруса, лежавшие у койки Боя. С талей, зажатых в руке Коротыша, и из рассеченной головы Боя брызнула кровь.

-- Коротышка, не надо, не убивай Боя! -- закричал Такаки, и Бой при этих словах с воплем бросился в проход за койками.

Коротыш разжал зубы, и ружье упало на пол, но ствол, должно быть, оцарапал ему горло, и, хarkнув не менее громко, чем вопил Бой, он сплюнул на валявшееся на полу ружье.

Еще раз сплюнув, Коротыш закричал:

-- Не убегай!

-- Но Бой и не думал бежать из подвала, забившись на корточках в дальний угол.

-- Так Бой никогда не залечит своих ран, -- сказал, повернувшись к Исана, Такаки, и глаза его снова налились кровью, резко выделяясь на бледном лице.

-- Побудем здесь, пока он не кончит выть. Ничего другого нам не остается, -- сказал, теперь уже мирно, тонким голосом Коротыш, возвращаясь к своей койке.

Все умолкли, и некоторое время в подвале раздавался лишь плач Боя. Это был печальный плач, в нем слышались и гнев, и мольба о примирении, обращенные к своим бесчувственным товарищам.

Тамакити, до этого молча наблюдавший за происходящим, вышел в проход между койками и, подобрав с пола ружье, стал тряпкой стирать с него плевки Коротыша. Если даже это была профессиональная аккуратность оружейника, все равно он делал свое дело со скрупулезностью, явно выходявшей за рамки обычной любви к оружию. Его лицо врезалось в память Исана -- всем обликом и гладкой темной кожей теперь, на ярком свете, Тамакити был так похож на Боя, что их можно было принять за братьев.

-- Ружье стояло на предохранителе, -- сказал он, ни к кому не обращаясь, -- но если бы Бой это заметил и попросил научить снять его с предохранителя, я бы научил -- другого выхода у меня не было...

Глава 8

КОРОТЫШ

Бой, которого Тамакити дотащил до койки и уложил, погасив горевшую над ней лампочку, то стонал, то засыпал ненадолго или прислушивался к происходящему, стараясь подавить стоны. Исана и все остальные задержались в подвале не для того, чтобы ухаживать за ним; они хотели, дождавшись темноты, перетащить Боя, снова получившего ранения, в убежище. Выйти вчетвером из тайника поесть они тоже не могли. Их удерживали стоны Боя, больше всего боявшегося, что его бросят одного. У самого же Исана не было ни малейшей охоты расстаться с Такаки и его товарищами и в одиночку вернуться в убежище. Он прекрасно представлял себе, что сложный водный путь, каким они прибыли сюда, проделать без провожатого, да еще в темноте, ему не под силу. Он тогда еще думал, что выбраться из тайника Свободных мореплавателей можно лишь на лодке. И тем не менее остался он не только по этой, так сказать, негативной причине. Исана и Коротыш, возбужденные насилием, хоть сперва и молчали, но потом, заговорив, стали болтать без умолку.

Другое дело Такаки -- в отличие от настороженно молчавшего Тамакити, он легко

окунался в атмосферу болтовни, но, вспоминая позже эту беседу, Исана обратил внимание, что Такаки лишь поддакивал либо вставлял какое-нибудь насмешливое словцо. Безысходность и ужас этой беседы, восстановленной Исана в памяти, странным образом органически сочетались с подтруниванием и насмешками Такаки, стонами Боя и настороженным молчанием Тамакити.

Исана сидел на бую, поставленном вместо стула у штурманского стола,

спиной к Бою и лицом к койкам, на одной из которых лежал на спине Такаки, на другой, двухъярусной, внизу сидел Коротыш, а наверху лежал Таг макити. Примкнув Исана к Союзу свободных мореплавателей, ему бы тоже выделили койку, но он предпочел не садиться на койку, так как стеснялся избитого Боя. К Такаки, лежавшему на койке, Исана испытывал некое чувство близости, помня историю Китового дерева и то, как он защищал его, Исана, от Боя. И иронические восклицания Такаки, и его тихие смешки совсем не раздражали Исана. Однако ему так и не удалось растопить настороженность двух человек, не возражавших поначалу против задуманного Боем убийства: по-прежнему молчавшего Тамакити и Коротыша -- он хоть и начал теперь рассказывать свою историю, но оставался физически и психологически отгороженным какой-то непостижимой стеной. Исана считал Такаки старым своим приятелем, и беспокоили его лишь Тамакити, который, лежа на койке, старательно начищал ружье, и Коротыш, с головой окунувшийся в свой рассказ. Исана и Коротыш беседовали, сидя вполоборота друг к другу, и если бы вдруг раздался выстрел сигнальной пушки, возвещающей нечто чрезвычайно важное, не исключено, что они пробежали бы один мимо другого в противоположные стороны. Но второй выстрел сигнальной пушки, подобный вспышке электрического разряда, взорвавшегося в нервных клетках мозга где-то в глубине черепной коробки, несомненно, заставил бы их повернуть назад и, побледнев от злобы и страха, с ненавистью уставиться друг на друга. В напряжении, рождавшем подобное предчувствие, Исана и Коротыш, сидя вполоборота, вели беседу, на которой тихо посмеивавшийся Такаки и молчавший Тамакити как бы только присутствовали. В этом подвале -- кубрике корабля, мчащего свою команду по призрачному морю, Исана подверг себя долгой, самой долгой за всю свою жизнь, исповеди, предназначая ее, разумеется, душам деревьев и душам к и т о в, а также ушам Дзина. Уже поселившись в убежище и вынужденный время от времени выходить наружу, Исана нередко пил водку, чтобы стряхнуть с себя усталость, и потом, вернувшись в убежище, распаленный злобой и алкоголем, писал обличительные письма своим прежним знакомым и приятелям. Писал как человек, ушедший от мира, уверенный, что обращается ко всем людям вообще, ибо не существовало человека, который не был бы достоин осуждения. Наутро ему самому бывало противно опускать эти письма в ящик -- он прекрасно сознавал, что совершает непоправимую глупость, которую

не объяснишь даже опьянением, но именно это сознание заставляло его мчаться по раскаленной дороге к почтовому ящику. В тот вечер, зная заранее, что уже через час его охватит омерзительное раскаяние, как после самого отвратительного в жизни опьянения, Исана исповедовался до полного саморазоблачения. ..

Но его исповеди предшествовал красочный рассказ Коротыша, собственно, и вызвавший к жизни эту ответную долгую исповедь. В рассказе Коротыша было скрыто нечто, послужившее толчком для исповеди Исана. Коротыш имел одному лишь ему присущие физические особенности, но возраст его -- а он был значительно старше Такаки -- не бросался в глаза. Ему, хоть выглядел он и моложе, исполнилось сорок, следовательно, он был даже старше Исана. Фактор возраста весьма важен для понимания того, что, собственно, представлял собой Коротыш. И он сам придавал этому большое значение.

...Случилось это поздней ночью, когда он отмечал свое тридцатипятилетие, рассказывал Коротыш о начале своих горестей, -- он стал как-то сжиматься и воспринял это как сигнал расставания с молодостью. Судя по его словам, он следующим образом осознал, что сжимается. Тридцатипятилетний профессиональный фоторепортер в день своего рождения напился. Проснувшись ночью и выпив еще немного, он вдруг почувствовал, что по желобу спины вдоль позвоночника перекатывается гладкий теплый шарик. Ему стало не по себе. Высунув язык, как собака, он стал метаться, не зажигая света, по своей затихшей во сне трехкомнатной квартире. Потом разделся догола и встал на весы. Весь съежился от неприятного холода весов. Посветив карманным фонариком на шкалу, он увидел, что похудел на два килограмма. Но как это связано с тем, что по его спине катался шарик? Он прислонился спиной к тонкому столбу в проходе между кухней и столовой, сдвинул пятки, приложил голову к столбу и провел ногтем линию. Ноготь издал скрипящий звук, словно жук-дровосек. Чувствуя, что в его жизни начинаются удивительные перемены, он вернулся в воспоминаниях к далекому прошлому, дотронувшись рукой до углубления на темени: в детстве он поражал своих приятелей тем, что наливал в это углубление целую пригоршню воды, и собирал этим богатую дань. Он был тогда убежден, что углубление на темени, отличающее его от всех остальных людей, -- доказательство необычности его судьбы. От страха у него перехватило дыхание: углубление, этот знак, который должен был осчастливить его, наоборот, принес несчастье. Ноги его точно приросли к полу. Уже тогда он предвидел роковые перемены, которые претерпят его тело и душа, -- с непостижимой быстротой они становились все явственнее. Бесконечные измерения столба от основания до блестящих отметок ногтем, похожих на след, который оставляет на дереве слизняк, давали вещественные доказательства его предвидению; та постоянная, неизменная с тех пор, как в девятнадцать лет он перестал расти, цифра теперь должна была исчезнуть из его паспорта и анкет. Его рост уменьшился на пять сантиметров! Он сжимался. И был убежден, что будет непрерывно сжиматься и дальше. Самым ужасным было полное совпадение внутренних ощущений с показаниями сантиметра. Стоило ему

представить себе, что тело его будет и дальше стремительно сжиматься, а внутренние органы уменьшаться до размера обезьяньих, и он в конце концов, бессильно вскрикнув, умрет, как слезы начали течь неудержимым потоком. Но зато ему удалось освободиться от сложных взаимосвязей тела с душой, которые он в течение нескольких лет был не в состоянии распутать. То, что ему пришлось сделать, было очень печально, но зато принесло чувство освобождения его исстрадавшемуся сердцу, и он снова с поразительной отчетливостью понял, что весь смысл, вся цель его последующей жизни будут неразрывно связаны со сжатием. Слезы смыли раздражение от того, что вдоль позвоночника катался теплый шарик.

С таким чувством, будто алкоголь лишь обжег внутренности, но действует на кого-то другого, а не на него, он вернулся в свою спальню, служившую также и темной комнатой для работы, и, постояв в раздумье у стола, подложил под ножки стула сантиметра на три старых журналов. Он вычислил, что из пяти сантиметров, на которые сократился его рост, на ноги приходится два. Едва он сел на стул, к нему вернулось ощущение удобства -- стол подходил ему по высоте. Но общее состояние от этого не улучшилось.

-- Возможно, такие случаи уже бывали, я даже смутно догадывался о них. Однажды, когда я ездил в Соединенные Штаты на летний семинар личных секретарей политических деятелей, я встретил там человека, с которым произошло нечто подобное, -- подтвердил Исана, обращаясь к своим воспоминаниям.

-- Это был мужчина или женщина? -- живо спросил Коротыш.

-- Мужчина, канадский писатель, пишущий по-английски. У него из года в год укорачивалась нога.

-- Это точно мой случай, -- заявил Коротыш. -- Как приятно побеседовать, наконец, с человеком, который может тебя понять. Вы не находите? Разумеется, это трагедия, с женой у меня все пошло плохо. До того, как я стал сжиматься, жена была одного роста со мной, в общем, женщина крупная. И к тому же полная. Близость между нами стала какой-то странной. Особенно в моем представлении. Я стал терять ощущение, что обладаю ею. Я не мог не думать в такие минуты, что будет, если тело мое сожмется еще больше. Тогда я решил искать утешения у других, новых и новых женщин. Вначале я не мог без отвращения вспоминать о каждой, с которой бывал близок. Эта близость казалась мне криком о помощи. Я чувствовал, что у меня нет никакого права на близость с женщиной. Ведь я превратился в человека с отвратительно жалким, смешным телом. Вылитый Квазимодо! Но разве не это мечта женщины?..

Если бы моя жизнь продолжалась так, как она шла раньше, то я, думаю, не только бы сжался, но и в конце концов стал высохшим трупом. Да, было бы

именно так. И я жаждал этого! Неприглядная история. Но вот однажды я после десятилетней разлуки встретился с женщиной, которая была влюблена в меня еще до моей женитьбы. И все переменялось! Вы читали "Идиота" Достоевского? Читали, разумеется? Его читали все. Правда, эти Свободные мореплаватели, в том числе и Такаки, не читали, ха-ха! Там есть такая женщина, Настасья Филипповна. Я не хочу сказать, что женщина, с которой я снова встретился, была Настасьей Филипповной. Понимаете?

-- Понимаю! -- съязвил Такаки, передразнивая тонкий голос Коротыша. Исана показалось, что Такаки, безусловно, читал "Идиота".

-- Я просто хочу провести аналогию между отношением Рогожина и князя Мышкина к Настасье Филипповне и моим отношением к этой приятельнице. Десять лет назад я был для нее князем Мышкиным. А при новой встрече стал Рогожиным. В глазах моей приятельницы сидевшие во мне князь Мышкин и Рогожин сгорели, точно фотокарточки, и, может быть, именно поэтому она, как и Настасья Филипповна, в конце концов приобрела настоящего возлюбленного, которого раньше не могла получить.

-- Приобрела не кого-нибудь другого, а Коротыша, -- сказал Такаки. -- Двое русских слились в одно целое, сконденсировались -- представляете, какое сокровище она приобрела!

-- В памяти приятельницы я был человеком, который любил ее и которого любила она, но который так и не решился на физическую близость с ней. Эта женщина не чувствовала себя со мной свободно. Поэтому наши отношения тогда и не сложились. Но теперь этого мужчину обуяло стремление к наслаждениям, и единственное, что интересовало его в их отношениях, -- это физическая близость. Она смогла соединить вместе духовную радость и физическое утешение. Я говорю "утешение", но какое на самом деле это было колоссальное наслаждение! Она преподавала в частном университете, жила одна, купив на деньги, оставленные в наследство родителями, роскошную квартиру, и я, нагрузившись обычно всем необходимым для ужина, направлялся к ней на свидание. Пока она готовила еду, пока мы ели, сидя друг против друга, я, превратившись в князя Мышкина десятилетней давности, вел с ней беседу. Чуть опьянев, она погружалась в мои рассказы. Кровать, стоявшая у ее рабочего стола, была для нас слишком узкой, поэтому, поужинав, мы устраивали другую постель на полу. Я до сих пор вспоминаю наивное, детское выражение лица у этой немолодой женщины, когда она старательно стелила нашу постель. Я готов без конца петь дифирамбы телу и душе этой чудесной женщины. Я опустошал себя ради нее. Может быть, это следует назвать погружением в любовь? Мы изнемогали от любви.

-- Развратник, грязный развратник! -- слабым голосом возмутился Бой.

-- Когда я лежал рядом с возлюбленной, отдав ей все свои физические и духовные силы, мне казалось, что я все еще погружен в любовь. Вам понятно, в каком смысле я употребляю слово "погружен"? Глядя ее тело, я говорил ей: теперь ты лежишь тихая, точно умершая Настасья Филипповна, и у меня такое чувство, будто я делаю то же самое, что делали князь Мышкин и Рогожин, всю ночь лежавшие возле нее! Она вздрагивала, и я думал, что она дрожит от желания...

-- Она просто боялась тебя! Развратник. Ты убил ее и отделался от нее, -- вмешался Бой, но Коротыш не обратил на его слова никакого внимания.

-- Однажды в порыве безумия я действительно чуть не убил ее... Она резко оттолкнула меня и тут же позвонила жене. Он хочет меня убить, говорила она, а убив, лечь рядом со мной, как это сделали князь Мышкин и Рогожин. Моя жена и эта женщина вместе учились в университете и были похожи во всем, даже в своих заблуждениях, поэтому они сразу же поняли друг друга. Общими усилиями жена и любовница в конце концов уперли меня в психиатрическую лечебницу. Я убежал оттуда, после чего порвал и с семьей, и с любовницей...

-- Ты убил всю свою семью и любовницу и бежал, вот что ты сделал!

--Никого я не убивал, -- отчеканивая каждое слово, произнес Коротыш, обращаясь к Бою. -- А любовница тогда так грубо оттолкнула меня только потому, что мое тело в тот день сжималось настолько стремительно, что даже она ощутила это. С того дня я стал для нее чудовищем. А ведь прежде, чем я превратился в чудовище, прикосновение ко мне возбуждало у нее желание. Но под конец я внушал ей лишь страх...

Когда Коротыш замолчал, Такаки, напускным участием прикрыв обычную свою издевку, сказал:

-- Коротышка, по-моему, в последнее время ты не особенно-то погружаешься в любовь? Мне даже кажется, что ты потерял интерес к женщинам.

-- Просто для любой женщины я стал слишком коротким, -- неожиданно мрачно сказал Коротыш. -- Мое психологическое сжатие идет еще стремительнее -- теперь естественная высота, на которой находятся мои глаза, лежит в сфере детей и собак; фотографируя, я делаю лишь снимки детей и собак, попадающих в поле моего зрения. А объекты, не равные по росту детям и собакам, например взрослые женщины, вне пределов моих интересов. И я все еще продолжаю сжиматься...

-- Он даже нам не хочет показывать своих фотографий, хотя сам профессиональный фоторепортер, -- сказал Такаки.

Бой, обессиленный от ран, с трудом стал подниматься. Сначала он приподнял голову -- лицо его пылало, -- потом встал. Все неотрывно следили за его движениями. Наконец Коротыш удивленно пропищал:

-- Что с ним? Пьяный он, что ли?

-- Зачем ты привел постороннего к Свободным мореплавателям? Да еще старого! -- вложив в свой слабый голос неукротимую ненависть, сказал Бой.

-- А как же Коротышка, он разве не старый?-- увещевал его Тааки.

-- С Коротышкой все в порядке. Ему от нас никуда не уйти. Будет и дальше сжиматься здесь, у нас.

-- Видите, хоть Коротыш и избил Боя, Бой все равно его не возненавидел, -- тихо сказал Тамакити.

-- Зачем привел постороннего к Свободным мореплавателям? Какая в этом нужда? -- сказал Бой голосом, каким закричало бы насекомое, если б могло кричать.

-- Значит, есть нужда, -- ответил Тааки. -- Я хочу, чтобы он вступил в Союз свободных мореплавателей. Он человек, способный облечь нашу деятельность в слова. До сих пор Свободные мореплаватели все вместе делали разные вещи, но во имя чего -- на этот вопрос ответить мы б не смогли, никто из нас не мог бы. Мы не умеем пользоваться словами. Коротышка говорит складно, но это -- речь безумца, не так ли? Я уже давно ищу человека, который бы выразил словами то, что мы собираемся делать, и вот наконец нашел. Он убедил нас своим рассказом о том, как назначил себя поверенным деревьев и китов, -- разве одним лишь этим он не доказал, как прекрасно владеет словом? Нам нужен, пойми, человек, способный то же самое сделать для нас.

-- А на черта нам нужны слова? -- не сдавался Бой.

-- Ты никогда не думал о том, что нас может схватить полиция? Разве тебя самого не схватили недавно? -- спросил Тааки ледяным тоном, отбросив прежнюю свою насмешливость. -- Что мы будем говорить в полиции?

-- Лучше всего молчать. Хранить тайну -- наше право.

-- Совершенно верно. Но я хочу, чтобы были слова, столь же весомые, как и наше молчание. Я думаю о том, чтобы у нас были такие слова.

-- Бой прав, -- включился в разговор Коротыш. -- Когда группа экстремистов негритянского движения оказалась в безвыходном положении и была вынуждена сражаться с оружием в руках, руководители, сопротивлявшиеся этому, были перебиты. А тем, кто хотел сдаться, говорили -- я сам читал в газете, это получило огромный резонанс в Америке: не пишите самопокаяний. Не пишите даже писем родным. Храните тайну. Ваша самая выгодная позиция -- суровость, замкнутая в молчании. Так взывали они с плачем к своим товарищам.

-- Это касается революционного движения, -- сказал Тааки. -- Оно уже больше ста лет прибегает к одним и тем же словам, поэтому здесь молчание уместно. Но если мы будем молчать, нас никто не поймет.

еще хуже, если полиция сама придумает за нас слова и опубликует их в газетах. Захоти мы даже передать на волю наши настоящие слова, мы не сможем сделать этого, не имея их вовсе...

-- Да не схватят нас. А если поймают -- лучше всего умереть. Хотел же я отрезать себе руку, лишь бы убежать...

-- Совершенно верно. Ты, Бой, человек мужественный, -- сказал Такаки. -- Ну, а такая, например, вещь? Нас никто не схватит -- прекрасно, но все равно разве отсутствие слов не ставит нас в трудное положение? Разве знаем мы, Бой, о себе, о том, что делаем, так же хорошо, как Коротыш? Не думаю. Собственно говоря, кто мы? Чем, я спрашиваю, занят наш Союз свободных мореплавателей?

Бой, раскачиваясь все сильнее, молчал. С трудом удерживаясь, чтобы не упасть, он судорожно подыскивал нужные слова.

-- Я прекрасно знаю, что мы за люди, -- перешел он в контратаку. -- И прекрасно знаю, что мы делаем. Лучше не выражать это словами, а чувствовать, разве не так? Разве это не лучше, чем обманывать с помощью слов?

-- Мы впервые узнаем о чем-то, когда выражаем это словами.

-- Словами-то все и всегда можно выразить, но не всегда хочется говорить. У меня нет никакого желания при этом шпионе рассказывать, чем мы занимаемся.

-- Ты опять за свое? -- удивленно спросил Коротыш.

Продолжая раскачиваться, Бой страдальчески сморщил свое багровое, вспухшее лицо. И сказал чуть ли не со слезной мольбой в голосе:

-- Я думаю обо всех! Каждый, кто по своей воле пришел в наш тайник, может в любое время, если ему захочется, уйти из него. Разве можно сравнивать нас с тем, кто стал затворником от стыда или страха...

Бой слишком резко откинулся назад и, скатившись с койки, грохнулся головой об пол. Он не застонал, но остался лежать на полу, не в силах снова взобраться на койку. Такаки с товарищами решили сначала его не трогать, но потом, испугавшись, как бы ему не стало хуже, снова уложили на койку. Все это неожиданно подвигнуло Исана на исповедь. Пока он говорил, Бой, казалось, не прислушивался. На самом же деле он до того обессилел, что не мог возразить Исана. Он засыпал ненадолго, храпел, но тут же просыпался и лежал с широко открытыми глазами. Интервалы между пробуждениями становились все длиннее -- Бой от жара покрылся потом и, казалось, весь отдался сну, как дорывается до воды разгоряченная лошадь. Проснувшись на секунду, он сказал слабым голосом:

-- Я репетировал сейчас свою смерть. На короткое мгновение я умер. И увидел что-то похожее на ад, Такаки. Такой огромный участок, где ведутся дорожные работы; там стоят и бродят люди и черти. Каждый раз, вырыв яму в

рост человека, черти закапывают его туда, потом покрывают это место асфальтом и утрамбовывают тяжелыми катками. Жарища -- просто ужас. А в сторонке -- огромные бидоны, в таких развозят школьные завтраки, и в бидонах жидкая смола... Тут Бой заснул и на этот раз долго не просыпался. Но было несомненно, что измученный жаром, спящий Бой оказался медиумом, продолжающим исповедь Исана.

Глава 9

ИСПОВЕДЬ ООКИ ИСАНА

-- Жизнь в убежище я избрал не по собственной воле. Если я и откажусь от нее, все равно не смогу вернуться в общество, хотя Бой утверждает обратное. Думаю, я и умру в своем убежище, -- так начал свой рассказ Исана.

-- Из-за ребенка? -- спросил Такаки.

-- Не только из-за него, но это, разумеется, связано и с ним. Когда вскоре после рождения сына я узнал, что с головой у него не все в порядке, я сразу подумал: наверно, это из-за того. Ребенок тогда, правда по-своему, по-детски, не раз пытался покончить с собой. И я не мог не увидеть здесь кару, возмездие зато. Но я до конца рассказа не раскрою, что значит "из-за того" и "зато". Задумывались вы когда-нибудь, что значит пытаться покончить с собой? Мой приятель, врач, говорил, что существует два типа самоубийства. Каждый из них можно определить буквально в двух словах. Тип помогите мне и тип я отвратителен. "Самоубийство" по оплошности, неважно -- сознательной или бессознательной, так и оставшееся лишь попыткой самоубийства, означает мольбу о помощи: помогите мне, обращенную ко всем без разбора людям. Другой тип самоубийства никогда не может окончиться неудачей, он, отвергает всех: я отвратителен, заявляет он без разбора -- всем остающимся в живых. Он призван выразить ненависть, оскорбить, унижить. Мой сын отказывался от пищи, все время падал, даже не пытаясь себя защитить. Глядя на него, невольно создавалось впечатление, будто он хочет покончить с собой. Если бы ребенок пытался убить себя, отвергая всех нас: я отвратителен, может быть, ему следовало бы это позволить. Пожалуй, другого выхода не было бы: меня отвергают, и я бессилен что-либо сделать. Но как поступить, если ребенок, вместо того чтобы сказать помогите мне, снова и снова повторяет попытки самоубийства? Примитивные и потому еще более ужасные попытки с безгласным воплем: помогите мне, помогите мне. Я даже представить себе не мог, чем ему помочь. Вот тогда-то я и начал верить, что поведение ребенка является карой зато. Жена стала даже опасаться, не захочу ли я искупить свой грех, ощущая со всей определенностью, что это и в самом деле кара. Она

страдала вдвойне. Дело в том, что в моем грехе был замешан ее отец. Тогда она стала думать, как прекратить эти попытки ребенка, избавив и меня от искупления греха. Я помогал ей, потому что и сам хотел найти такой путь. Кончилось тем, что я прекратил все действия, которые прежде связывали меня с реальным миром, и заперся в атомном убежище. Средства, необходимые на строительство моего укрытия и на затворническую жизнь, жена взяла у отца. Я, разумеется, не знал, перестанет ли ребенок издавать свой безгласный вопль: помогите мне, помогите мне -- только потому, что запрется со мной в убежище. Это была рискованная игра. Но мы ее выиграли. Не зря, еще составляя план затворнической жизни, мы с женой надеялись на выигрыш. Но поскольку я укрылся в убежище, не искупив греха, то был обречен вечно жить с этим неискупленным грехом, неся на своих плечах всю его тяжесть. Если кто-то действительно хотел покарать меня, то почему бы ему и впрямь не поместить меня, полуживого, в убежище? Если бы он именно так хотел продлить мою обремененную грехом жизнь, это было бы дарованной мне крохотной милостью, думал я. Наша рискованная игра пахла плутовством -- даже выиграв ее, я не получал никакой выгоды. Я был втянут в эту жульническую игру, мне помогли ее выиграть, но настоящий куш сорвали те, кто ее затеял.

-- Какая-то туманная история, -- сказал Такаки,

-- Возможно. Но без этого вступления я бы не смог перебросить мостик к нынешней моей жизни, о которой я и хочу рассказать. Кстати, интересно, как там Инаго справляется с Дзином, -- просто не представляю! Может, бросила его, а сама подалась развлекаться?

-- Инаго всячески заботится о ребенке, -- заверил его Тамакити.

-- Всячески? -- спросил Коротыш.

-- Именно всячески -- как только может. Если этот тип надумает удрать, нам понадобится заложник, верно? Вот Инаго и взяла на себя заботу о заложнике.

-- Значит, и девчонка с вами заодно? С ума можно сойти, -- сказал Исана. -- Но что бы вы делали с Дзином, убив меня?

-- За ним бы ухаживала Инаго, -- сказал Бой, который лежал, нахмурившись, плотно закрыв глаза, так что казалось, будто он спал. -- Тебя бы я убил, но ребенку никакой подлости делать не собирался.

Сказав это, Бой страдальчески передернулся и вскоре снова захрапел.

-- Бой и Инаго -- совсем еще дети. Поэтому они даже представить себе не могут, что значит -- убить человека, -- объяснил Такаки.

-- Может быть, -- сказал Исана. Он почувствовал, что слова исповеди застряли у него в горле, будто туда, встопорщив чешую, заползла змея. Как легко исповедоваться перед людьми, не имеющими ни малейшего представления о том, что значит убить человека. Но из слов Такаки было ясно,

уж он-то явно знает, что такое убийство. И Исана подумал, какой ничтожной кажется суть его исповеди, которую он собирался продолжить, когда на нее падает отблеск этого знания. То, упрятанное в глубь молчания, казалось уже прирученным, ушедшим в далекое прошлое, но едва он попытался облечь его в слова, оно живо воспрянуло -- ему показалось даже, будто он совершает то снова... Однако внутренняя энергия исповеди, которую держал на привязи сам Исана, пока исповедовался Коротыш, не давала ему остановиться на полпути. И Коротыш, и Тааки, и даже Тамакити ждали слов Исана. Но больше всех явно ждал Тааки, который хотел почувствовать силу слов человека, выбранного им, чтобы облечь в слова деятельность Союза.

-- Мы связаны с тестем одним общим выпавшим на нашу долю испытанием, -- вынужден был продолжать Исана. -- От тестя я получил свое убежище, он обеспечивает нас необходимыми для жизни средствами, правда, их приходится выклянчивать у него, хотя все, что он потратил на нас, в сравнении с теми огромными суммами, которые проходят через его руки, -- почти нуль; именно такие барыши загребает этот политик. Он заболел раком горла и сейчас при смерти. Я не называю его имени просто из деликатности -- все-таки человек умирает. А прибыли к нему стекались со всей Юго-Восточной Азии.

-- Я, кажется, знал его любовницу. Наверняка знал, -- встрял Коротыш, чтобы подбодрить Исана, который никак не решался выложить все начистоту.

-- Коротыш, давай лучше послушаем, -- укоризненно сказал Тааки.

-- Весьма вероятно, что тот человек, о котором вы говорите, действительно мой тесть. Наша проблема как раз и возникла из-за его извращенности, -- сказал Исана. -- Тестя все звали Кэ -- дьявол, и я сейчас тоже буду так называть его. Это прозвище, выйдя за рамки узкого круга близких ему людей, получило такое широкое хождение, что даже иностранные политики и дипломаты звали его мистер Кэ. Я был женихом дочери Кэ и в то же время слепо преданным ему личным секретарем, у которого и в мыслях не было предать его или, используя его положение, извлечь для себя какую-то выгоду. Таким был я, когда вместе с Кэ находился в столице одной страны. Я не буду называть ее, скажу лишь, что это была столица одного европейского государства. Бывало, он прежде, да и потом, занимался тем же, но дело никогда не доходило до преступления.

-- Что ты хотел нам рассказать? -- подал голос проснувшийся Бой. -- Ты же так ничего толком и не сказал.

-- Разве Исана не говорил, что совершил преступление в столице одного европейского государства? -- спросил Тааки.

-- Почему бы ему просто не рассказать об этом преступлении?

-- Потому что о преступлении так просто не расскажешь, -- ответил Тааки, но в его словах звучало приглашение, обращенное к Исана. -- Почему же, и о

преступлении можно рассказать просто, -- сказал Исана, сознавая, что ему удалось преодолеть себя. -- В общем, произошло то, что я и предчувствовал. Я низвергся в пропасть, еще более глубокую, чем предполагал, -- я стал соучастником

убийства...

Услыхав это. Бой встал с кровати. Потом, угрожающе вытянув в сторону Исана левую руку, медленно двинулся на него; слабый голос Боя срывался на крик:

-- Вранье! Все -- вранье! Ты подкуплен полицией. Нам ты говоришь, будто убил человека, а полиции -- что желаешь стать шпиком. -- Бой продвигался вперед едва заметно,

и поэтому на приближение его Исана не обратил никакого внимания. Голос Боя был похож на жалобный и недовольный голос ребенка. Когда же Исана заметил в правой руке Боя -- он прикрывал ее угрожающе выставленной вперед левой -- длинную острую отвертку, ему осталось лишь, рухнув на койку, перекатиться через нее и отступить. Понимая свою слабость, Бой сжал тогда отвертку обеими руками и, оттолкнувшись от цементного пола, прыгнул вперед, направив отвертку прямо в лицо Исана. Тот с трудом ухватил Боя за горячее, точно пылающее огнем, запястье. Рванув его за запястье, Исана бросился на противника и повалил на пол, но, не удержавшись, сам рухнул на него. Боль от неловкого падения заставила Исана на мгновение выпустить руку Боя, и тот снова замахнулся отверткой, целясь ему в глаз. Тогда Исана обхватил его горячее тело, прижал к полу и, наконец, скрутил так, что тот не мог шевельнуться. Бой взвыл, как пойманный зверек, и стал вырываться, колотя коленями по ногам Исана, пытаясь боднуть его в лицо своей забинтованной головой. Чтобы не дать Бою пустить в ход отвертку, Исана навалился на него, стараясь прижать мальчишку к полу подбородком и грудью.

-- Не бей его больше, Коротыш. Не то он умрет от потери крови, -- удержал Коротыша Такаки.

-- Он же совсем спятил! Если его не избить до беспамятства, все равно сам разбередит свои раны и умрет от потери крови, -- ответил Коротыш. Исана слышал все это, но молчал, занятый лишь тем, чтобы удержать вырывавшегося Боя. Потом, будто во сне, он почувствовал, как его напряженное тело приподнимают, и заметил, что отвертка по-прежнему нацелена ему в глаз.

-- Хватит, -- сказал Такаки. -- Вставайте, я подержу Боя.

Исана, все еще лежа на полу, видел, как Тамакити укладывает затихшего Боя на койку. Во всех движениях его чувствовалась трогательная забота о товарище.

-- Он шпион, Тамакити, он продаст нас, -- еле переводя дух, горько шепнул Бой.

-- Спи. Хоть одну ночь поспи, -- ласково прошептал в ответ Тамакити.

-- Труднее всего не убить, а рассказать потом об убийстве, разве не правда? А он так бойко болтает потому, что все врет, а на самом деле его заслали к нам шпионить. Самый страшный человек, Тамакити, -- это тот, кто врет, что совершил зверское убийство. Его нельзя принимать к нам.

-- В твоих словах есть доля истины, -- ответил Тамакити, точно предостерегая Такаки и Коротыша. -- Но сейчас спи! Когда раненый не спит, у него в голове все может перемешаться. Спи, Бой.

-- Если его так уж надо принять к нам, пусть он при всех совершит убийство, тогда ему хода назад не будет, -- пробормотал Бой точно во сне, но пока Тамакити колебался с ответом, он уснул по-настоящему.

Бой спал как убитый. В его исхудавшем лице не было ни кровинки. Кожа покрылась жирным черным налетом.

-- Может, привязать его к койке? А то проснется и снова начнет буяннить, -- сказал Коротыш.

-- Разве можно привязывать спящего ребенка, да еще в таком состоянии? -- сердито ответил Тамакити.

-- Мне нужно возвращаться в убежище, -- сказал Исана. -- Я ведь не знаю, удалось ли Инаго уложить Дзина в постель...

-- Не спешите в свое убежище -- вряд ли этой ночью разразится атомная война. Или, может быть, от деревьев и китов поступило специальное сообщение? -- усмехнулся Коротыш. -- Закончите лучше ваш рассказ.

-- Мне бы тоже этого хотелось, -- сказал Такаки, серьезно глянув прямо в лицо Исана. -- Вы ведь рассказывали не только для Боя?

Преодолев закипавшее в нем внутреннее сопротивление и чувство неловкости, Исана продолжил свою исповедь. Теперь, когда Бой заснул мертвецким сном и можно было говорить спокойно, не опасаясь его выходов, а Тамакити с показным безразличием сидел рядом с Боем, охраняя его покой, Исана осознал свою жалкую участь -- два дотошных следователя, Такаки и Коротыш, принуждают его к исповеди...

-- В столице того государства я уже отыскал для него восемнадцатилетнего юношу. Кэ, правда, любил мальчиков помоложе, но для начала завлечь жертву и такого возраста было неплохо. В любой стране юноша этих лет находится во власти неустойчивых эмоциональных побуждений. Достаточно показать ему транзисторный приемник -- и он у вас в руках... Дешевенький транзисторный приемник, служивший компенсацией за развлечения Кэ.

Приняв ванну, Кэ приказал мне поужинать вместе с ним. Во время ужина, помню, он спокойно болтал со мной, пользуясь тем, что никто из окружающих не понимает нас... Вернувшись из ресторана к себе, мы вдруг увидели за окном

номера Кэ стоявшего снаружи мальчугана. Никогда в жизни, ни до этого, ни после, я не видал такого очаровательного ребенка. С тех пор каждый раз, когда я вижу светловолосого, голубоглазого мальчика, я внимательно разглядываю его, с ужасом думая, уж не он ли явился снова передо мной, -- поэтому я и могу с уверенностью утверждать, что такого красивого ребенка больше никогда не встречал...

-- За окном? -- спросил внимательно слушавший Такаки.

-- Совершенно верно; Кэ, зайдя в свой номер, тут же вышел и позвал меня. Войдя вслед за ним в номер, в свете, падавшем из окна, я увидел малыша -- он стоял, прижавшись к стеклу, точно вынырнув из мрака еще не освещенного города. Высоко над окном, сквозь разрывы в рассеянных ветром тучах, светила луна. Я не забуду сверкавшие густой синевой и золотом края мрачных туч. Мы медленно приближались к мальчику, осторожно, точно пытаюсь поймать воробья, залетевшего в комнату. Приближались, заботясь о том, чтобы, распахнув рывком окно изнутри, не испугнуть ребенка, стоявшего на узком балкончике. Наши номера находились на десятом этаже... Двустворчатое окно открывалось наружу. Мы решили показать ему, чтобы он посторонился к одной из створок окна, и открыть другую; но, едва стали делать ему знаки, он повернулся к нам, обнажил розовые десны и белые зубы, округлил свои красивые губы и произнес что-то. Он сказал: "радио". Кэ злорадно ухмыльнулся. Да, я никогда не смогу забыть светившегося надеждой лица ребенка. Осторожно, чтобы не спугнуть мальчишку, я открыл окно и схватил его за руку -- в Японии он бы учился в третьем или четвертом классе. Втащив его в комнату, я выглянул в окно, чтобы узнать, откуда он попал сюда, а в это время Кэ подвел мальчика к чемодану и разрешил ему выбрать транзисторный приемник. Я обязан был заботиться о безопасности хозяина и поэтому, высунувшись из окна, стал внимательно ко всему приглядываться. Меня прямо валил с ног сильный, порывистый ветер, и я подумал, как опасен был путь сюда этого мальчика, решившегося на такой невероятный риск, чтобы получить радиоприемник. Номер Кэ находился в северном крыле здания, и окно, за которым стоял мальчик, было первым от угла. От него до пожарной лестницы шел узенький балкончик, на котором мог с трудом уместиться лишь ребенок. На уровне груди взрослого человека тянулся декоративный карниз, и поэтому стоять на балкончике не мог никто, кроме ребенка. Мне почудилось, что на одной из площадок пожарной лестницы несколькими пролетами ниже в темноте притаился какой-то человек -- скорее всего, это был юноша, который побывал у Кэ сегодня, но тогда я не придавал этому особого значения. Кэ ведь не нужно было выпускать потом мальчика через окно. Он прекрасно мог спуститься с ним вниз и вывести из гостиницы через холл, поэтому, кто бы там

ни находился, ему ни к чему было, будто бродячему дрессировщику обезьяны, демонстрирующему разные фокусы, следить за ребенком и ждать его возвращения. Я вышел из комнаты, даже не взглянув в сторону спальни, где скрылся Кэ с мальчиком. Но не прошло и десяти минут, как Кэ, вместо того чтобы вызвать меня по телефону, сам вошел ко мне в комнату в плаще, надетом прямо на голое тело, и в ботинках на босу ногу. Он сохранял свою обычную невозмутимость и даже высокомерие, но я сразу понял, что случилось нечто ужасное. Вслед за ним я вошел в его номер и увидел это "нечто" на кафельном полу слишком просторной ванной комнаты. Узкая ниточка крови протянулась к полу от уголка рта лежавшего навзничь голого ребенка. Я посмотрел на Кэ, и он стал объяснять случившееся: либо у ребенка было больное сердце, либо он страдал эпилепсией. "С умершим нужно что-то сделать", -- сказал он брезгливо. Он старался не смотреть вниз, на лицо мальчика...

-- И вы выполнили его приказ? -- спросил Тамакити с неприкрытым отвращением.

-- Да. Я был личным секретарем политика и думал, что если скандал не удастся скрыть, то и кабинет падет, и отношения между этим государством и Японией будут нанесен непоправимый ущерб. Однако больше всего меня занимала и не оставляла мысль... возможно, дурацкая. Мысль о том, что хоть я и зять Кэ, и личный его секретарь, но все равно между нами непреодолимая стена. И чтобы получить от Кэ поддержку, в которой я нуждался, необходимо, думал я, преодолеть разделяющую нас стену. Я испытывал невероятное волнение от одной мысли, что сейчас мы с Кэ находимся в одинаковом положении. Прежде всего я одел ребенка. Одевая его, я чувствовал, что вижу самое прекрасное и в то же время самое ужасное, что можно увидеть на свете... Я объяснил Кэ, как решил отделаться от трупа. Ясно, что мальчика подослал тот самый юноша, показав ему транзисторный приемник, и придумал, как перебраться на балкончик с пожарной лестницы. Но даже если юноша будет молчать, не исключено, что найдется человек, видевший, как ребенок взбирался по пожарной лестнице. Перебираясь с лестницы на балкончик, да еще при сильном ветре, мальчик мог сорваться и упасть вниз. Такое часто бывает. Существуют, разумеется, и другие, более сложные, способы отделаться от трупа, но я не думал, что мы, иностранцы, могли бы в чужой стране прибегнуть к ним. Кэ согласился. После того как он лег в постель, я погасил свет и выждал примерно час. Потом, положив ребенка ничком на подоконник, стал понемногу выталкивать его ногами вперед на еще больше усилившийся ветер. Я держал ребенка за запястья, и тело его повисло над пропастью. Конечно, мне было бы легче, если б меня кто-нибудь поддерживал сзади; однако же Кэ не только не встал с кровати, но даже заложил изнутри подушками дверь в спальню. С

трудом сохраняя равновесие, весь мокрый, в холодном поту от ужаса или от напряжения, я стал раскачивать маятником отяжелевшее тело ребенка. Я должен был отпустить его руки с таким расчетом, чтобы тело его отлетело к пожарной лестнице и падало вдоль перил. Оно полетит с десятого этажа, и вероятность подозрения, что тело выброшено из нашего окна, минимальна, считал я... Да, но мои запястья судорожно царапали ногти. Ногти ребенка, который, по нашим расчетам, был мертв. Я разжал ладони и услышал жалобный, слабый, как вздох, крик, а потом -- это тянулось немыслимо долго -- звук, будто лопнул туго набитый мешок с песком. Я продолжал стоять, высунув голову из окна, и поэтому слышал, как мне кажется, топот сбегающих по пожарной лестнице ног... Когда через три дня мы улетали из той столицы и я в самолете проходил мимо кресла Кэ -- передать стюардессе заказ на вино перед обедом, он спросил таким тоном, будто речь шла о наименовании спиртного: ты не слышал крика? Это были единственные слова, сказанные Кэ после случившегося. Нет, ответил я, отходя, и заказал нам шампанское...

Исана умолк. Ни Такаки, ни Коротыш, ни Тамакити не проронили ни слова. Забывшийся тяжелым сном Бой начал вдруг выть, как больная собака, но никто не обратил на него внимания. В напряженной тишине Бой, с трудом оторвав свое тело от постели, приподнялся и, глядя перед собой широко открытыми, ничего не видящими глазами (глазами человека без век), прохрипел:

-- Сделал, сделал, я сделал это! -- Потом он упал на спину и заснул, тихо посапывая. На страдальческом прежде лице его теперь блуждала спокойная, детская улыбка.

-- Что такое, в чем дело? Не пугай нас! -- сказал Коротыш. -- Я уж думал, не умер ли он от шока.

-- Бой видел сон о своей смерти, -- сказал Тамакити.

-- Он, наверно, думает, что своей смертью он свяжет вас с нами навсегда, поэтому и издал победный клич, -- сказал Такаки. -- Хотя нужды в этом нет...

-- Правильно. Вы ведь не пойдете доносить на нас, -- сказал Коротыш и повернулся к Тамакити. -- Мы с Тамакити присмотрим за Боем. А ты, Такаки, проводи его в убежище. Переносить туда Боя нет смысла. Лучше принесешь сюда лекарство и еду. Да и Бой вряд ли захочет видеть его, когда проснется и поймет, что не умер...

Следуя за Такаки, Исана спустился по винтовой лестнице в люк и, ощупью пробираясь вперед, добрался до другой винтовой лестницы, по которой стал подниматься наверх. Такаки открыл бетонную крышку люка, и перед глазами Исана возникла полуразвалившаяся киностудия. Они оказались на первом этаже того здания, где Инаго устроила шоу перед обращенным на нее биноклем, а вдали за огороженными веревкой опытными участками, на которых росла

пшеница, перерезая густо заросшую травой заболоченную низину, из бойницы убежища в темноту лился свет. Исана нырнул в потайной ход, известный лишь Свободным мореплавателям.

Глава 10

ВЗАИМНОЕ ОБУЧЕНИЕ

Подростки, принявшие Исана в Союз свободных мореплавателей как специалиста по словам, готовясь к плаванью в далеких морях и океанах, предложили ему, не теряя времени, начать заниматься с ними английским языком. Такаки не было нужды снова знакомить их: всякая неловкость между ними и Исана исчезла после его падения с велосипеда. Прежде всего ему необходимо было подготовить тексты. У него в убежище были лишь две английские книги, которые он читал во время своей затворнической жизни: "Моби Дик" и Достоевский в английском переводе. Он выбрал проповедь старца Зосимы и написал ее за неимением доски на большом листе бумаги. Он выбрал из Достоевского именно эту главу, желая пробудить у подростков уважение к китам, как к animal. Кроме того, чтобы заранее отвратить их от насилия, которое они могли совершить над Дзином, он попытался воззвать к ним с помощью следующего отрывка. Это была часть текста, заранее отчеркнутая им красным карандашом:

...Man, do not pride yourself on superiority to the animals: they are without sin; and you, with your greatness, defile the earth by your appearance on it, and leave the traces of your foulness after you -- alas, it is true of almost every one of us! Love children especially, for they too are sinless, like the angels; they live to soften our hearts and as it were, to guide us. Woe to him who offends a child!..

...Человек, не возносись над животными: они безгрешны, а ты со своим величием гноишь землю своим появлением на ней и след свой гнойный оставляешь после себя -- увы, почти всяк из нас! Деток любите особенно, ибо они тоже безгрешны, яко ангелы, и живут для умиления нашего, для очищения сердец наших и как некое указание нам. Горе оскорбившему младенца...

Исана совершенно не был уверен в том, что выбранный им отрывок заинтересует подростков. Сначала он спросил, какой текст им желателен, но они не имели ни малейшего представления, что бы им хотелось читать. Когда он сказал, что посоветуется с Коротышом, человеком начитанным, они решительно воспротивились этому. Подростки не скрывали своего отвращения к нему. Коротыш? Да, он один из наших. Но он как урод в семье. Он нам противнее любого чужака; приходится терпеть его, ничего не поделаешь...

Исана выбрал текст из Достоевского, любимого писателя Коротыша, чтобы хоть этим выразить подросткам свой протест, но в тот день, когда он начал чтение и, на его основе, упражнения в устной речи, то, совершенно неожиданно для себя, понял, что глава из Достоевского будет встречена с огромным удовольствием.

Потому что поучение старца Зосимы начинается так:

Young man, be not forgetful of prayer. Every time you pray, if your prayer is sincere, there will be new feeling and new meaning in it, which will give you fresh courage, and you will understand that prayer is an education.

Юноша, не забывай молитвы. Каждый раз в молитве твоей, если она искренна, мелькнет новое чувство, а в нем новая мысль, которую ты прежде не знал и которая вновь ободрит тебя; и поймешь, что молитва есть воспитание.

Исана думал, что беседы Зосимы покажутся подросткам слишком уж нравоучительными, а prayer (молитва) вызовет у них решительный протест. Однако они не только проявили огромный интерес к тексту, но были буквально захвачены словом "prayer". И больше всех увлеклись им Бой и Тамакити! Вернувшись к себе в убежище после ночи, проведенной в подвале Свободных мореплавателей, Исана больше ни разу не появлялся на развалинах киностудии. И Боя не помещали уже на третьем этаже убежища. Обстоятельства сложились так, что Бою пришлось снова начать борьбу с болезнью на койке в подвале съемочного павильона. Инаго тоже ушла из убежища. Иногда она заходила повидаться с Дзином, но о состоянии здоровья Боя не говорила ни слова. Если бы, вступив в Союз свободных мореплавателей, Исана не добился примирения, хотя и внешнего, с самым упорным своим противником, ему бы плохо жилось в окружении подростков. И вдруг именно Бой через неделю после того отвратительного события -- Бой с незажившими еще кровоподтеками на лице от побоев Коротыша, но снова полный сил -- появился в убежище. Он всем своим видом давал понять, что просто сопровождает Тамакити как один из его гвардейцев. Тамакити и Бой появились перед Исана, который уже перебрался обратно на третий этаж и теперь вместе с сыном слушал магнитофонную запись фортепьянного концерта, и сами предложили примирение. Первым заговорил Бой:

-- Такаки сказал, чтобы я пошел к вам. Велел мне признать, что я был тогда неправ.

Затем Тамакити, полностью отказавшись от прежнего своего молчания, начал красноречивые объяснения:

-- Бас не убили в тот раз совсем не из-за предательства Коротыша и не потому, что тактика Боя оказалась никуда не годной. У Боя самого были причины отказаться от убийства. Ему явилось видение. Когда он после драки уснул, ему привиделось такое, что он отказался от мысли убить вас, решил не

выступать против вас. И сейчас он пришел мириться совсем не потому, что ему велел Такаки.

-- Видение?

-- Когда Бой проснулся и совсем уж решил убить вас -- то ли он еще досматривал сон, то ли не совсем проснулся, -- перед ним вдруг появились руки и остановили его. И неведомый голос произнес: не карай этого человека, отложи казнь. Поэтому Бой спокойно проспал до утра и дал вам уйти. Страх здесь ни при чем.

-- Вы называете видением сон? -- спросил Исана.

-- Я думаю, лучше употребить слово "видение" потому, что во время сна появились две руки и в мгновение ока открылся смысл увиденного. Мне тоже часто являются видения. Когда, например, я превышаю скорость на мотоцикле или дерусь с нашими врагами. Да не будь у меня дара ясновидения, как бы я знал, где ожидает меня на дороге крутой поворот, или угадывал, кто враг, кого нужно бить.

-- Какой же смысл открылся тогда Бою в его видении?

-- Разве я не сказал? Прости! Вот какое это было видение, -- снова вместо Боя ответил Тамакити: -- Прости и помирись!..

-- Я ведь тогда говорил о вещах, которые невозможно простить, -- сказал Исана. -- И вдруг -- прости, помирись?..

-- Если все, что вы рассказывали нам в ту ночь, правда, вам никто этого не простит и не помирится с вами. Нет хуже злодея, убившего ребенка, -- отрезал Тамакити. -- Но есть и другое -- вы спасли нашего товарища. Это открылось Бою в его видении, вот почему он и услышал голос: прости, помирись.

Видение. Если только и в самом деле видение заставило тяжело больного Боя вдруг отказаться от мысли о нападении на Исана, то разве исключено, что другое видение внушило мечущемуся в бреду подростку: убей его, убей во имя Союза свободных мореплавателей?

Что же привлекло к слову "prayer" группу Свободных мореплавателей, изучающих английский язык? Исана поразило, что, читая с ними отрывки из Достоевского, он не чувствовал необходимости объяснять слово, прибегая к банальному переводу. Подростки старались понять фразу конструктивно.

-- Если prayer sincere, то возникает new feeling. Потом... -- Так они уточняли правильность понимания прочитанного, задавали вопросы, в общем, постигали английский язык в целом, не переводя на японский отдельные английские слова, фразы или куски текста, и это удивляло Исана, поскольку для него, когда он изучал иностранные языки, важнее всего было сдать экзамен.

Замена "prayer" словом "молитва" оставляла их совершенно равнодушными, и они просто ждали следующих слов. Ждали с трепетом, приводившим Исана в

растерянность, его дилетантского толкования, сводившегося к тому, что "pray" -- значит "молиться", например синтоистским богам или Будде. Их не устраивало объяснение, что "pray" -- означает "молиться богам". И не из физиологической ненависти к таким словам, как "боги" или "Будда ". Просто их нисколько не интересовало, кому молиться. Им нужно было уяснить, что значит "pray" для их тела и души. У всех этих ребят, не получивших законченного среднего образования, чувствовал Исана, был удивительный инстинкт слова; и для них вопрос о том, к кому обращена praye, имел в данном случае второстепенное значение, сердцевину же его составляли именно сила страстность praye. Объясняя, что значит "pray", на ощупь определяя, что они действительно хотят услышать об этом, Исана и сам задумывался над актом praye как таковым. Он думал об этом, волнуясь, наслаждаясь преподаванием, приносящим плоды и себе, и другим.

-- Я рад, что текст вам нравится.

-- Вы не хотите узнать, как мы сосредоточиваемся сами на себе? -- спросил Тамакити. -- Не хотите посмотреть на нашу praye?

-- Хочу, разумеется, если это можно увидеть со стороны.

-- В таком случае мы сделаем вам ответный подарок за education, -- сказал Тамакити, быстро решив за всех. -- Поскольку вы нам показали такой прекрасный текст, мы должны тоже сделать education в качестве ответного подарка, верно?

Тамакити, Бой и еще несколько подростков, оставив товарищей, вышли из убежища, взяв с собой Исана. Они поехали на двух украденных ими машинах. У Тамакити, который сам вел машину, усадив рядом с собой Исана, был такой вид, будто он выискивает подходящий объект, чтобы на нем продемонстрировать самососредоточенность. Действительно, согласись Исана, он бросил бы вызов грузовой машине, которую они обгоняли на большой скорости, и продемонстрировал бы их стиль praye или выкинул еще какое-нибудь залихватское коленце. Спровоцировать водителя тяжелой грузовой машины и заставить его налететь на металлическое ограждение дороги -- дело нетрудное; стоит захотеть -- и сидящие в кабине погибнут...

-- Бывает даже, что цепь случайностей приводит к необходимости убийства, -- подмигнул Тамакити сидевшим в машине товарищам, давая понять Исана, что нечего, мол, устраивать цирковое представление и нос задираать, а особенно передо мной. -- Если вы и совершили убийство, вряд ли специально для этого тренировались.

Спектакль, разыгранный маленьким лидером, чувствовавшим себя вольготно в отсутствие Такаки, мог уничтожить атмосферу доверия, возникшую между Исана и молодежью. Дорожа ею, Исана смело принял вызов Тамакити и

ответил. Причем им тоже двигало стремление к education.

-- В годы моего детства наша страна была страной солдат. В начальной школе, которая тогда называлась народной, мы бегали с деревянными мечами и упражнялись в протыкании соломенных чучел. Думаю, во время этих упражнений детей заставляли глубоко, хотя и по-детски, задуматься над тем, что такое убийство. Упражнения, которыми руководил приехавший в деревню учитель, сами по себе на нас не действовали. Все знали: настоящее убийство совершается не так, и без всякой предосторожности били и пинали ногами друг друга. Я думаю, это понимал и сам учитель. Но мы, выросшие в деревне, лучше учителя знали, как нужно убивать человека. Во всяком случае, не среди бела дня, бегая и крича. Мы хоть и смутно, но понимали: в нашей деревне, когда по-настоящему убивают человека, серьезные, отвечающие за свои поступки люди собираются с оружием в руках и окружают свою жертву. Примерно так, как это было во сне Такаки о Китовом дереве. Невероятно, но совсем недавно я прочел в газете об аналогичном убийстве. В самолете, летевшем с какого-то местного аэродрома в Токио, сумасшедший пытался зарезать командира корабля. В конце концов все пассажиры навалились на него и утихомирили, а когда сумасшедший затих, оказалось, что он мертв -- нож, которым он размахивал, торчал у него в груди. Важно, что к убийству причастны были все пассажиры. Вот так убивают людей и жители далеких деревень, затерявшихся в густых лесах. Разумеется, это делается, когда деревне грозит гибель... Как еще поступить с сумасшедшим, в буйстве своем угрожающим всей деревне, летящей в самолете? Убийство человека по личным мотивам совершается иначе -- глубокой ночью человек молча, крадучись нападает на своего врага, избивает его до смерти или закалывает, а сам убегает в лес. Начнут за ним охотиться, а лес густой. Увидит он, что преследователи из деревни приближаются, и поднимается выше в горы -- он в более выгодном положении. Человек из горной деревни, если только он был полон решимости бежать в лес и жить там безвылазно, мог сделать все, что угодно. Он мог сражаться с вооруженными солдатами и даже с целым отрядом. Один деревенский парень, дезертировавший из армии сразу же после мобилизации, заколол командира отряда жандармов; прибывших для расследования, и бежал в лес. Привыкни он жить в одиночестве и знай наперед, что война кончится поражением японской армии, он мог бы просуществовать в лесу сколько угодно. Но, совершив геройский поступок, он, оставшись один в лесу, пал духом и повесился. На огромном дереве с толстыми ветками, усыпанными сладкими плодами, которое мы называли божественной сливой. Его после этого стали называть у нас деревом повешенного, и у людей отпало всякое желание есть сливы с этого дерева. Сколько жандармы ни прочесывали лес, они не могли найти, где он укрылся, но стоило ему

повеситься в далеком горном лесу -- и труп его тотчас был обнаружен и доставлен в деревню. Кто знает, возможно, и тогда с дезертиром случилось то, что происходило всегда: взрослые, ответственные за порядок в деревне, пошли в лес, нашли его, дотащили до божественной сливы и повесили... О местонахождении дерева знали все жители деревни: впрочем, оно, хотя и крепкое, вряд ли годилось для того, чтобы повесить взрослого человека. Но когда его называли деревом повешенного, это никого не смутило -- вот какой была та божественная слива. И вот почему не исключено, что жители деревни сами приняли такое решение. Ну и радовались потом птицы, что детвора перестала перехватывать у них сладкие сливы..."

-- Птицы радовались? -- перебил Тамакити. -- Нет, эта история не для нас, а для Дзина. Вы скажете: птицы радовались, а Дзин ответит: да, птицы радовались. Почему и сейчас, когда Дзин независим от вас, вы говорите о нем так, будто ничего не изменилось и вы по-прежнему живете с ним вдвоем?

-- Дзин независим?

-- Конечно, он остался сейчас в убежище с Инаго, -- заметил Бой.

-- Но ведь не потому же, что сам Дзин предпочел мне кого-то другого?

-- Да, да, вы правы, -- поспешно согласился Тамакити, и Исана еще сильнее ощутил всю горечь, скрытую в его вопросе.

-- Сейчас я уже действительно не нужен Дзину ежеминутно и потому соглашаюсь оставить его иногда с Инаго, -- примирительно сказал Исана. -- Возможно, это послужит для него стимулом выбрать вместо меня кого-то другого. Тогда я обрету большую свободу...

-- Нужно только как следует научиться пользоваться этой свободой, -- сказал Бой.

-- Education уже началось? -- спросил Исана.

-- Да, мы будем заниматься education, включив вас в наши учения, -- сказал Тамакити. -- Ну как, едем? Поезжайте, если не хотите показаться смешным. Возможно, наши практические учения закончатся тем, что нас упекут в тюрьму, ха-ха! Бой, ты сейчас пересядешь в заднюю машину -- мы будем проводить учения, именуемые Великое землетрясение!

Сказав это, Тамакити направил машину к съезду со скоростной автострады и, когда начался спуск, резко затормозил, даже не подведя ее к обочине. Если бы сзади шли другие машины, столкновение было бы неминуемо.

Бой вышел на шоссе, и Тамакити сразу же резко рванул машину вперед. Ничем не проявляя недовольства, Бой, сложив руки на животе, как истукан, поджидал заднюю машину. Исана обернулся к Бою, стоявшему посередине дороги, но его тут же поглотил поток машин.

-- Учения, именуемые Великое землетрясение? -- спросил он встревоженно.

То ли пауза показалась им комичной, то ли возбуждала затеянная игра, но подростки, набившиеся в машину, дружно рассмеялись. -- Да, -- сказал Тамакити. -- Помните Великое землетрясение в Канто? Тогда наши жестокие отцы и деды устроили корейцам кровавую баню. Только потому, что корейцы оказались слабее всех. Если бы сейчас снова случилось Великое землетрясение, самыми слабыми и ненавистными были бы мы. И наши жестокие отцы и деды устроили бы кровавую баню нам. Хорошо бы, конечно, до того, как это случится, уйти в открытое море, но вряд ли это нам удастся. А раз так, нужно самим изыскать средство спасения. Мы ведь слабая сторона -- полиция и силы самообороны не за нас, и нам остается одно -- бежать. Нам нужно лишить врагов возможности преследовать нас и бежать к морю -- в этом наше спасение. Прежде всего мы будем разбивать машины. И нужно уничтожить механизированные отряды наемников, охраняющих эти машины. Мы добьемся того, что оставшиеся вынуждены будут бежать к морю на своих двоих! А это нам на руку. Тогда во время Великого землетрясения нас не догнать даже моторизованной полицией. Все побегут к морю на своих двоих! Эти слова Тамакити вызвали новый взрыв смеха у его приятелей. Исана так и не смог определить, вызвана ли эта декларация самоспасения Тамакити осознанием себя как жертвы или самоиронией.

-- Как же вы будете проводить учения? -- спросил Исана недоверчиво.

-- Лучше спросите, в чем их суть, -- сочувственно сказал Тамакити, продолжая гнать машину со скоростью сто километров в час. -- Все очень просто. Нужно остановить машины, все машины до одной. Студенты создают освобожденные районы -- вам приходилось слышать такое выражение? А мы их создадим на всех дорогах без исключения. И тогда людям придется бежать к морю на своих двоих, а значит, во всяком случае, сразу после землетрясения, никто не окажется в привилегированном положении. Мы хотим парализовать все скоростные автострады.

-- Но разве скоростные автострады не будут и без того достаточно повреждены землетрясением, если оно по силе окажется равным Великому землетрясению в Канто? -- попытался возразить Исана. Тамакити с друзьями оставили его вопрос без ответа.

-- А вы не подумали о том, что будет, если в случае Великого землетрясения власть имущие захотят завладеть положением? Они раньше всех окажутся у моря и перебьют нас, опоздавших. -- Пока Тамакити говорил это, их машина нырнула в тоннель, освещенный оранжевыми фонарями, и вливающиеся в него с разных сторон машины заставили его снизить скорость. -- Поэтому мы должны опередить их и сделать так, чтобы через тоннели нельзя было проехать, -- тогда все будет в порядке, верно?

Тамакити снял с баранки руку, стал шарить у колен и, найдя что-то, похожее на солнечные очки, сунул в карман. Подростки, сидевшие на заднем сиденье, беспокойно задвигались. Появилась вторая машина, в которую пересел Бой, она шла теперь рядом с ними, чуть ли не вплотную. Обе машины по тоннелю мчались к выходу, в сиянии которого оранжевый свет казался пеленою тумана, и постепенно снижали скорость -- разрыв с ехавшими впереди двумя рядами машин увеличился, а сзади сразу же послышались нетерпеливые гудки. -- Заприте дверь со своей стороны и бежим! -- крикнул Тамакити, резко остановив машину и до отказа взяв на себя ручной тормоз, потом с силой потянул за руку Исана. Выскочив на шоссе и пробежав несколько шагов, Исана обернулся и увидел, что машина, в которой ехал Бой, приткнулась носом к их машине и обе они замерли, образовав перевернутую букву V. Исана -- Тамакити по-прежнему тащил его за руку, -- тяжело дыша, мчался теперь вместе с подростками по совершенно пустому тоннелю к выходу.

Сзади на Исана и подростков, стремительный бег которых выглядел невинной забавой в освобожденном ими районе, обрушился шквал автомобильных гудков. Подростки бежали вприпрыжку и, повернувшись к мчащимся встречным машинам, всячески старались продемонстрировать им свое презрение. Их возбуждение передалось и Исана, но у него была другая забота -- не отстать. Стремительный бег продолжался всего минут пять, но Исана едва не падал от усталости. Отстань он -- и какой-нибудь служащий скоростной автострады или полицейский схватил бы его одного. Вдруг перед самым носом Исана -- он, задыхаясь от быстрого бега, с ужасом думал, сколько же придется еще бежать по автостраде, -- подростки во главе с Боем перепрыгнули через боковое ограждение дороги и стали взбираться по косогору, обложенному дерном. Он последовал за ними. Как раз в этом месте стояли опоры переброшенного через автостраду виадука. Избавясь теперь от опасности, вернее -- от опасности, которую ощущал прежде всего Исана, они заняли позицию на виадуке, откуда могли спокойно наблюдать за тем, что творится на скоростной автостраде после их проделки.

-- Неужели вы не любите автомобиль сам по себе? Больше всего меня поразило то, что вы не просто свободно бежали по той стороне автострады, которую запрудили (это слово развеселило подростков. "Запрудили, запрудили, чтобы наловить рыбы, ха-ха", -- рассмеялись они), но еще и угрожали встречным машинам, насмехались над ними. Казалось, вы ненавидите все автомобили вообще.

-- Ненавидим? Нет, издеваемся над ними, -- сказал Бой. -- А к чему нам вообще любить автомашины, это же не яхты. Машина -- дело прошлое!

Под тонкой пленкой веселья подростков, одобрительно слушавших Боя,

Исана уловил холодное, даже, пожалуй, преувеличенное презрение к машине, именуемой автомобилем. Это его глубоко потрясло и обрадовало. Такое явное презрение подростков к автомобилю как вещи, ничего не стоящей, произвело на него особенное впечатление. У самого Исана в молодости не было другого объекта презрения или уважения, кроме человека.

-- Мы хотим во время разрушительного землетрясения остановить машины во всем Токио и доказать едущим в них людям, что автомобиль -- машина устаревшая, -- сказал Тамакити. -- Во время землетрясения наша задача -- как можно быстрее добраться до моря, а автомобили тех, кто чинит нам препятствия, уничтожить. Это будет маленькая война. Ведь полиция и силы самообороны не станут на сторону разрушителей автомашин, этих символов благополучия и богатства владельцев: наоборот, они, как цепные псы, помогут хозяевам защитить свои жалкие автомобили. Они превратятся в наемников этих машин. Вам случалось видеть полицейского, который бы разбивал машину, сбившую человека? Нет, пистолет он направит на человека, атакующего автомобиль. Но тот, кто живой и невредимый едет в машине, а у самого сердце окунается в ледяную воду, -- арестован. Пусть дорожная полиция перестанет прислуживать автомобилям и устроит хотя бы однодневный саботаж. Вот уж тогда побьется автомобилей и их рабов. Но нам этого мало! Так что же, вы вместе с полицией и силами самообороны воспротивитесь уничтожению этих грохочущих чудовищ?

-- Ты только сейчас навел меня на мысль, что такое автомобиль, и мне нужно как следует подумать об этом, -- сказал Исана, а подростки оживленно засмеялись. -- Что же касается людей, то верхний предел населения, которое может прожить в Японии, был достигнут в конце девятнадцатого века, и когда он превышался, наступал Великий голод...

-- Великий голод! -- сказал Бой. -- Автомобили тоже гибнут из-за Великого голода, предотвратить его людям не под силу. Может быть, если только земля сблизится с какой-нибудь планетой...

-- Например, из-за нефтяного голода. Он ведь наступит очень скоро, -- сказал Тамакити. -- Но раньше, чем он наступит, привилегированные, захватив все автомобили, будут ожесточенно преследовать нас. Пока этого не произошло, чтобы люди не творили зла, охраняя свои машины, нужно уничтожить дурацкий обычай частного владения ими. Вы так не думаете? Мы пропагандируем эту идею, воруя автомашины и бросая их где попало. Если все машины станут общим достоянием, каждая машина, направляющаяся по делу, останется в пункте назначения. В идеальном случае количество автомобилей на дорогах сократится наполовину. И когда вдоль дороги будут стоять брошенные машины, человек сможет выбрать любую; необходимость в стоянках тоже отпадет.

Никаких тебе забот.

Из тоннеля показался волочивший машину тягач, за ним медленно потянулась колонна автомобилей. Другую машину, оставленную на тормозе, с запертыми дверцами, смогли лишь отодвинуть к обочине, и движение открылось пока в один ряд.

-- Посмотрите, до чего отвратительны взбешенные морды этих рабов машин! Не смогли проехать пустячного расстояния, а вид у них такой, будто лишились права жить на свете. Они уверены, что, едва обезьяна слезла с дерева, она тут же села в деревянный или каменный автомобиль, верно? Нет, до чего отвратительны их морды!

Угрожая потоку машин под виадуком, Тамакити возбужденно, с явным удовольствием кричал и размахивал руками. Потом потерял интерес и к этой игре. Следуя за Тамакити и его товарищами, Исана обнаружил удивительное явление: Бой и остальные Свободные мореплаватели, в отличие от взбешенных владельцев проносящихся внизу машин, были веселы, оживлены, это читалось на их лицах. Они выглядели учениками, успешно завершившими prayer, являющуюся одним из видов education, которому они отдали свое тело и душу.

Глава 11

ПРЕСТУПЛЕНИЕ КАК СПОСОБ САМООБУЧЕНИЯ

Наиболее старательно брали уроки английского языка в убежище самые молодые члены команды, и в первую очередь Бой. Те же, кто составлял ядро Союза свободных мореплавателей во главе с Такаки, были заняты другими делами. Приходившие в убежище подростки искренне стремились подружиться с Дзином. Они врывались в убежище, не считаясь с удобством самого Исана, и, если Дзин спал, сидели смирно и тихо, дожидаясь, пока тот сам не проснется. Это правило Исана установил еще в пору их затворничества. Исана был убежден, что именно он руководит их совместной жизнью, но основной ее стиль определялся Дзином. Когда раньше, включив бесконечную ленту с записанными на ней голосами птиц, Исана выходил из дому, а вернувшись, заставал спящего Дзина, он терпеливо ждал его пробуждения. Сидел в полном бездействии и ждал, глядя на покрасневшее, спокойно улыбающееся лицо спящего сына, когда тот, проснувшись, позовет его. Исана и в самом деле не оставалось ничего иного, как ждать, пока Дзин проснется и он сможет рассказать о том, что ему пришлось пережить, как он проник в дикий город, которым завладели чужие люди, а потом, укрывшись в убежище, пытался сублимировать свои низменные переживания в нечто, напоминающее общение

с душами деревьев и душами китов. Разумеется, он рассказывал сыну только о том, что представлялось ценным для обогащения его жизненного опыта, и поэтому рассказ вмещал далеко не все, что ему приходилось совершать за стенами убежища. И о чем бы ни рассказывал Исана, Дзин, улыбаясь, повторял короткие фразы, доступные ребенку, и этим выражал свое одобрение...

-- Дзин ко всем относится одинаково хорошо, -- говорил иногда Бой. Бой был моложе остальных подростков, и если б не будущий дальний морской поход, ради которого он жил и который стал символом его самоутверждения, он с готовностью умер бы -- и воспринял бы смерть как нечто совершенно естественное. Но если бы умер Дзин, потрясенный страхом, причина которого осталась ему неведомой, Боя перестало бы привлекать и то небольшое, что манило его на земле, даже их необыкновенная яхта.

Подростки принесли Дзину маленький переносной телевизор, они выкрали его из машины, владелец которой беспечно оставил его в машине, брошенной на стоянке. Пока подростки, включив первую попавшуюся программу, проверяли качество изображения, мужчина средних лет, назвавшийся "футурологом", заявил с экрана, что в будущем люди с низкими умственными способностями "будут подвергаться ненасильственной селекции", -- все, кроме Дзина, с интересом прильнули к телевизору.

-- На этот счет меня уже давно преследует навязчивая идея, -- начал Исана в стиле, каким был написан английский текст. -- Мне представляется в мыслях, что всенародно избранное будущее правительство или рядовые чиновники подвергают Дзина, как сказал "футуролог", ненасильственной селекции.

-- Этот человек убьет Дзина или упрячет его в концлагерь. Да и таких, как мы, -- тоже, -- сказал бой.

-- Нет, вас с Дзином "футуролог" вряд ли смешает в одну кучу, -- сказал Исана, но Бой и остальные подростки не обратили никакого внимания на его поправку. Они стали пинать ногами экран телевизора с изображением "футуролога", пока не разбили его.

В отличие от Исана, которого хватало лишь на то, чтобы абстрактно ненавидеть страшное, отвратительное будущее, ожидающее Дзина, подростки сразу же перешли к конкретным действиям, чтобы разделаться с тем, кто обещал им такое будущее. "Футуролог" появился на экране телевизора потому, что, как всегда, в начале лета в разгаре были научные конференции: в одном из центральных отелей города проводилась международная конференция футурологов, и на следующий же день вечером один из ее участников подвергся, как сообщили газеты, нападению группы хулиганов. Подростки пробрались в отель. Бой раздобыл одежду настоящего боя из отеля, переделался,

вызвал того самого "футуролога", провел его в туалет, повалил там на пол, и трое мальчишек, раскрыв "футурологу" рот "ненасильственным методом", набили туда дерьмо. Правда, осталось неизвестным, проглотил он его или нет...

Подростки совершали не только такого рода налеты -- с целью возмездия, -- но и замыслили нападение в целях самообучения. Что же они придумали? В качестве объекта для нападения они выбрали грузовик компании мясных продуктов, доставлявший каждый вторник по утрам мясо в магазины. В грузовике, заполненном распластанными говяжьими и свиными тушами без шкур и внутренностей, лежали огромные ножи и топоры, чтобы рубить кости. Но рядом с этим грозным оружием в машине находились и привычные к тяжелому физическому труду рабочие, способные дать достойный отпор, -- вместе с водителем их было трое. На эту вооруженную вражескую машину собрались напасть трое мальчишек, вооруженных только ножами, -- силы должны были быть равными. Они, правда, прихватили и пистолет, отнятый в заболоченной низине у полицейского агента, но пустить его в ход собирались, лишь если нагрянет полиция и придется вступить с ней в бой. В противном случае разница в вооружении оказалась бы слишком велика и честного сражения, какое бывает, например, между двумя парусниками, не вышло бы, а значит -- весь бой не дал бы никакого полезного опыта. Было решено, что, если кто-либо из нападавших получит тяжелое ранение, ему, разумеется, придут на выручку, если же раненых не будет, все равно, чтоб научиться оказывать помощь пострадавшим, они попытаются удрать с говья-

жьей тушей размером и весом примерно с одного из них...

Этот план пиратского нападения на суше в конце концов был осуществлен. Как-то во вторник, рано утром -- еще даже роса не успела сойти, -- Инаго пришла в убежище с куском мяса, завернутым в газету. Сквозь дыры в размокшей от крови газете проглядывало красное мясо -- точно разверзшаяся рана. Кофта Инаго была в пятнах, но она, не обращая на это внимания, радостно окликнула только что проснувшегося Дзина:

-- Дзин, я тебе сейчас сделаю рубленый бифштекс!

-- Да, сделаешь рубленый бифштекс, -- сразу ответил Дзин ей в тон. -- Такой прекрасный кусок мяса -- и рубленый бифштекс? -- насмешливо сказал Исана, но Инаго не обратила на его слова никакого внимания.

-- Ребенок любит рубленый бифштекс.

-- Ладно, вы что, напали на грузовик компании мясных продуктов, надеюсь, хоть не ранили и не убили водителя и рабочих?

. -- Тамакити хотел пустить в ход альпинистский нож, но Бой, кажется, удержал его. В машине было совсем мало оружия, одни маленькие ножи -- срезать мясо с костей, и он сказал, что это будет нечестно.

-- Небось Бой сам хотел пустить в ход оружие?

-- Сказала же -- Тамакити. Он ведь ответственный за оружие. Если уж он разозлится и войдет в раж, Бой ему в подметки не годится. Связать всех, кто был в машине, времени не было, и перед тем, как удрать, ребята стукнули их покрепче, и они потеряли сознание. Тамакити хотел тюкнуть их здоровенным напильником, которым мясники точат ножи, но Бой снова удержал его и заставил взять что-нибудь полегче. -- Инаго насмешливо, но не с издевкой, а с искренним весельем повторяла: -- Ха, ха. Чем бы, вы думали, он стукнул их? Ха, ха -- бычьим хвостом. Ободранным бычьим хвостом, похожим на красную палку! Когда ребята вернулись, мы из этого хвоста наварили корейский суп тэгутан. Ха, ха. И говядины туда накрошили, повеселились на славу. Мяса столько -- и за неделю не съесть! Такаки пошел продавать.

-- Такаки пошел продавать? Но его тут же арестуют, -- испугался Исана. -- Неужели Такаки настолько безрассуден?

-- Вовсе нет. Он знает в префектуре Гумма бараки для дорожных рабочих, поедет туда, продаст по дешевке и еще динамит за это получит.

-- Чтобы в нашем полицейском государстве сошла с рук такая афера, которой и ребенка-то не обмануть? -- недоумевал Исана.

-- Мы и раньше так получали динамит. А в этих бараках динамитом ведают мальчишки -- их надуть ничего не стоит, -- сказала Инаго, пренебрежительно задрав нос. -- В первый раз готовлю рубленый бифштекс из такого огромного куска мяса, просто не знаю, с чего начать...

-- Да не делай ты никакого бифштекса, зажарь целиком в духовке, и все, -- снова повторил Исана.

-- Нет, Дзин будет есть рубленый бифштекс, -- не сдавалась Инаго.

Она как бы хотела показать Дзину, что он может на нее положиться. Ей казалось: если по непонятной причине она откажется от своего обещания, ребенок будет невыносимо страдать. И Дзин, выражая Инаго свое полное доверие, сказал, возражая Исана:

-- Да, Дзин будет есть рубленый бифштекс.

На следующее утро Исана узнал подробности нападения на грузовик компании мясных продуктов. Это произошло на другой стороне Токийского залива, начинавшегося неподалеку от убежища и перерезавшего центр города. Фотограф-любитель, наблюдавший за жизнью перелетных птиц, стоями тянувшихся на север, устроился как раз неподалеку от места происшествия. Он-то и прислал в газету не очень отчетливую фотографию, снятую с помощью телеобъектива. Два человека, лица которых были закрыты нейлоновыми чулками, тащили говяжью тушу килограммов в сто пятьдесят -- потяжелее любого из подростков, -- волочившуюся по земле; под тяжестью ее они

согнулись в три погибели. За ними, нисколько не заботясь о мерах предосторожности, опустив голову, следовал еще один низкорослый человек с палкой в руках, в которой невозможно было узнать бычий хвост, -- конец ее заострялся и свисал вниз, как тонкая ветка ивы.

Рабочие компании мясных продуктов, которых привели в чувство, заявили, что и представить себе не могут, чем их оглушили. Наверно, для этих людей, чья работа связана с мясными продуктами, признать, что они избиты бычьим хвостом, было сущим позором. Нападавшие в свою очередь допустили непростительную оплошность. Они, волоча тяжелую тушу, потеряли пистолет, он был найден кем-то из жителей и передан в полицию. Инаго не рассказала об этом Исана -- ответственный за оружие, стыдясь допущенной им оплошности, приказал ей держать язык за зубами. Это и впрямь была непростительная оплошность. Другое дело, если бы пистолет был подброшен специально ради хвастовства, мол, нападение на полицейского в заболоченной низине и нападение на машину, груженную мясом, одних рук дело...

Однажды утром в начале июня, услышав пронзительный гомон птичьей стаи за бетонными стенами убежища, Дзин сказал:

-- Это серые скворцы.

Говоря так, он как бы хотел воспротивиться их крикам и всем своим видом показывал, что просто заткнуть уши для него еще невыносимее...

Поскольку Дзин сам указал на источник беспокойства, Исана вышел с ним из убежища и спустился к вишне. Они встали под ее густой кроной -- проникавшие сквозь листву солнечные лучи рисовали четкую светотень, выделяя черные точки птиц. Вишни -- одни темно-фиолетовые, другие еще только розовеющие, как кораллы, -- висели вперемежку, и не верилось даже, что это плоды одного дерева. Скворцы, еще громче загомонив, перелетали с ветки на ветку. Они нисколько не испугались Исана с Дзином, наоборот, огромная стая неистовствовала, склевывая спелые плоды и буквально оглушая их своим отчаянным криком. Но стоило Исана и Дзину шелохнуться, скворцы водоворотом закружились между ветвями. Потом, сложив растрепанные на концах крылья, они уселись на ветках, нагло выставив туго набитые зобы. Птицы казались Исана отвратительными. Дзин весь сжался. Исана подумал даже, что вишня сама предложила скворцам свои зрелые плоды и устроила это ужасное пиршество. Может, Дзин испугался не крика птиц и не хлопанья крыльев, а того, что все это происходило по воле самого дерева? Ведь птицы издают любимые им звуки. Чтобы подбодрить Дзина, да заодно и себя, и в то же время воззвать к душе вишни, Исана сказал:

-- Все хорошо, Дзин. Скворцы не делают ничего дурного, не нужно их бояться. Сама вишня приказала им слететься к ней. Запомни -- я поверенный

деревьев и связан с их миром. Собрав птиц, вишня не хотела нас обидеть. Это я знаю точно, Дзин.

-- Да, это точно, -- медленно, будто у него перехватило дыхание, повторил Дзин.

Они вернулись в убежище и стали слушать запись старинной музыки. Вдруг, привлеченная то ли гомоном скворцов, уловивших знак вишни, то ли звучащей токкатой и фугой, в убежище пришла Инаго. Она молча села между Исана и Дзином. Исана заметил, что в лице у нее ни кровинки и оно кажется жалким. От этого даже горящие глаза ее светились особенно ярким, янтарным блеском. О том, что с ней произошло нечто необычное, свидетельствовали вспухшие, точно перезревшие, израненные, в кровоподтеках губы.

-- У тебя что-то случилось? -- только и спросил Исана.

Она поглядела на него. Пристальный и суровый взгляд Инаго как бы бросал вызов всему сущему на земле. Но ее глаза, подернутые янтарной дымкой, сквозь которую пробивались яркие блики, смотрели не на Исана, а куда-то поверх его головы. Во взгляде ее, словно обращенном в прошлое, Исана заметил и вымученно-счастливую улыбку. С таким видом, будто все ее тело покрыто гусиной кожей и в жилах бурлит кровь, Инаго проронила:

-- Изнасиловали...

Исана не произнес ни слова. Девушка вложила в ухо Дзина наушник, подключила его к магнитофону и, оборвав тем самым лившуюся из него музыку, стала рассказывать. Началось все с того, что было решено завязать дружбу с одним из солдат сил самообороны, проходивших обучение недалеко от развалин киностудии, и использовать его в качестве инструктора боевой подготовки.

-- Такаки говорил: один из солдат военного оркестра, проходящих здесь обучение, должен заменить моего бывшего одноклассника, мы с ним пять лет назад кончали школу, и он обещал мне быть нашим инструктором. Но этот человек не сдержал слова, и теперь сделать все вместо него может только солдат самообороны. В общем, сказал Такаки, силы самообороны должны нам человека. Товарищ Такаки, окончивший вместе с ним школу, поступил в Академию обороны и обещал: на ваши деньги я выучусь, как обращаться с оружием и вести бой, а потом научу всему и вас. Но сейчас бывший товарищ Такаки, как тот его ни уламывал, уклоняется от ответа и знай себе ходит в штаб сил самообороны. Поэтому, сказал Такаки, мы имеем полное право выбрать любого, кто служит в силах самообороны, чтобы он обучил нас вместо моего товарища. Я считаю это справедливым.

Именно на Инаго Такаки возложил миссию взыскать с сил самообороны долг в лице инструктора.

-- В ближайшие четыре-пять дней, особенно в субботу и воскресенье, подумала я, они обязательно явятся в Синдзюку -- развлечься, ведь у них в казармах никаких развлечений нет. Я их и на вокзале в Синдзюку караулила, и слонялась возле казарм -- все без толку. Наверно, потому, что казармы их почти в самом городе и им приказано строго соблюдать дисциплину. Один солдат, правда, окликнул меня, но я с первого взгляда поняла: он нам не подходит -- болван болваном. Привези я его в Союз свободных мореплавателей, на другой же день это стало б известно всем солдатам сил самообороны во всей Японии. Да и наблюдавший со стороны Тамакити сказал, что у человека с такой тупой рожей учиться владеть винтовкой -- просто стыдно. В конце концов мне пришлось пойти прямо туда, где солдаты упражняются на музыкальных инструментах. Спортивная площадка, на которой они занимаются, обнесена проволочной сеткой, так? А напротив -- спортплощадка пивной компании и раздевалка. Через раздевалку я прошла туда и нашла местечко, откуда лучше всего видно, как солдаты обучаются музыке. Спортплощадка пивной компании -- насыпная и сильно возвышается над местностью, а сойдешь с нее вниз к каналу -- вроде тихой речушки, -- за ним сразу начинается проволочная сетка. Там уже территория сил самообороны. Когда придут спортсмены пивной компании, они наверняка начнут приставать, подумала я и устроилась на склоне, в самом дальнем углу площадки. Там росла трава. На толстых красновато-зеленых стеблях узкие длинные листья, верхушка -- как сжатый зеленый кулак, разворошишь его, а там тоже листья. И этой мягкой, податливой травой был устлан весь склон -- когда я села, она дошла мне до груди. Первый солдат, которого я увидела, шел ко мне, играя на трубе. Его взяли, наверно, в военный оркестр только за рост, очень подходивший к такой огромной трубе: отыгрывая ритм на самых басах, он топал прямо в мою сторону. Ну точно носорог. Я пригнулась в траве и следила за ним: казавшийся все выше и выше солдат, громохоча, приблизился ко мне, вышел за пределы площадки и подошел вплотную к проволочной сетке. И стал мочиться, повернувшись прямо в мою сторону. Мочился долго, сосредоточенно. Я рассмеялась. Солдат вскинул голову и увидел меня. Он уставился на меня, не меняя позы. Круглые глаза его на круглом лице серьезно и неотрывно смотрели на меня. Я снова рассмеялась. Вдруг он разозлился, не поправляя штанов, как собака, ловко поднырнул под проволочную сетку и, топая, подошел прямо ко мне. Лицо его побагровело. Мне даже показалось, что он тронулся. Он меня изнасиловал.

-- И ты не пробовала бежать, сопротивляться?

-- А зачем? -- спросила в свою очередь Инаго. .

-- Ну, видишь ли...

-- Солдат тоже думал, что я буду убегать или сопротивляться, и наотмашь

ударил меня прямо по шее. Когда он стаскивал с меня штаны и валил голым задом на землю, я чуть не задохнулась. И даже повалив, все боялся, что я убегу. Будешь сопротивляться, убью, шлюха! -- шипел он. И изнасиловал. А когда вставал, ширинка у него была в крови. Это потому, что он грубо обошелся со мной. О-о, о-о, взвыл он, испугался, видно. Колготки подарю, юбку подарю, -- говорит, а сам плюет в ладонь и старается стереть кровь. И все время воет:

---- О-О, О-О...

Кровь никак не отходила, и он, бессильно опустив руки, причитал без конца. Потом как заблажил: Ты небось заявишь в полицию? Хочешь идти в полицию -- иди. Я и вправду такое натворил! И опять начал выть:

-- О-о, о-о -- просто не верилось, что кто-то еще на белом свете может блажить таким голосом. Подожди пять часов. Еще пять часов. За это время я все, все улажу. А ты через пять часов приходи в раздевалку, и мы там поговорим. Я заранее проберусь на спортивную площадку и открою тебе служебный вход. Я и раньше встречался так кое с кем. Решив за нас двоих, солдат вынул из заднего кармана брюк солдатский билет, бросил его мне на колени, сбежал вниз по склону и, все время воя "о-о, о-о", подлез под проволочную сетку. Так он и убежал, топая, ни разу не обернувшись. Каждый раз, когда он наклонялся, чтобы посмотреть на испачканную ширинку штанов, труба, висевшая у него через плечо, подавалась вбок...

-- Он так растерялся и все время был "о-о, о-о " оттого, что до крови поранил тебя?

-- Нет, наверно, решил, что ему попалась девушка. Почему, интересно, он так испугался? -- ответила вопросом на вопрос Инаго. -- В семь часов через служебный вход, который в самом деле был открыт изнутри, я прошла на спортплощадку пивной компании, подошла к раздевалке и увидела при свете полной луны солдата, он стоял, прислонясь к дощатой стене. Я пришла одна, и это его успокоило. Правда, чтобы он меня не убил, за оградой притаились Тамакити и Бой. Подходя к нему, я вдруг подумала: а ведь я могу все повернуть наоборот, и этот солдат, который в страхе был "о-о, о-о ", не только перестанет мучиться, но еще и получит огромное наслаждение. И я почувствовала, как во мне разливается бесконечная доброта, -- даже самой было трудно поверить.

Свет полной луны поглощали густые заросли вокруг спортивной площадки и территории отряда сил самообороны, густые заросли чумизы, примятой Инаго и солдатом.

Красная спортивная площадка, казалось, возносится вверх из огромной черной бездны. Инаго чувствовала, что на крыше казармы притаились солдаты, такие же длинные, как сам этот длинный дом, и она направилась к солдату, ни на минуту не забывая об этом. Солдаты сил самообороны, одетые в летнюю

полевую форму, лежали ничком на крыше. Не просто ушами, а всем своим нутром Инаго слышала призыв: Будь доброй! Будь доброй! Если ты можешь быть бесконечно доброй, будь ею! Инаго продолжала идти, чуть покачивая головой, чтобы избавиться от шума в ушах; теперь она уже могла рассмотреть выражение лица солдата, стоявшего, прислонившись к дощатой стене раздевалки.

-- Я остановилась в метре от него, и вдруг он исчез за дощатой стеной. Оказывается, он стоял у двери и, открыв ее спиной, отступил в раздевалку. Я сделала еще два шага и оказалась у самого входа, тут из тьмы протянулись руки и втащили меня внутрь. Руки крепко обняли меня, не давая шелохнуться. Откуда-то сверху меня обдавал запах тоника и, точно палки, били упругие струи выдыхаемого солдатом воздуха. Дыхание у него могучее -- он ведь трубач. Мы помолчали, потом солдат сказал громко: Я решил покончить с собой! Я подумала: вдруг он и вправду опять изнасилует меня, а потом повесится или разmozжит себе голову из винтовки. Я стала уверять его, что все забуду, что отдам ему солдатский билет, а он и не слушал. Ему снова меня надо.

Солдат еще крепче сжал в темноте Инаго, повалил на свернутый пыльный брезент, пропитанный запахом пота и гуталина. Он снова силой овладел ею. Длилось это долго. Еще и вправду покончит потом с собой, думала Инаго. Она была в отчаянье, не находя слов, чтобы отговорить солдата от самоубийства и сделать его своим другом. Вдруг она слышала, что кто-то крадучись подошел к раздевалке.

Хорошо, хорошо, ой, как приятно, запела Инаго притворно сладким голосом. Шорохи за стеной прекратились. Но она все равно продолжала повторять: хорошо, хорошо, ой, как приятно -- эти притворные слова еще больше распяляли солдата. А солдаты на крыше казармы были все как один залиты лунным светом. И их круглые глаза на круглых лицах были глазами насилюющего девушку солдата. Во тьме, окружавшей девушку, лежащую с закрытыми глазами, звучал голос: Ты добрая, ты бесконечно добрая. Наконец, все кончилось. Она молчала, понимая: теперь между солдатом и ею возможен спокойный разговор и торопиться нет нужды...

-- Мы до утра занимались этим, поговорим немного, потом снова... Теперь солдат -- мой друг. Он будет помогать Свободным мореплавателям.

Глава 12

ГЕНЕРАЛЬНАЯ РЕПЕТИЦИЯ ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

Как раз в то время, когда Союз свободных мореплавателей подыскивал место для занятий с солдатом сил самообороны, возлюбленным Инаго, Исана получил

от жены телеграмму с просьбой позвонить ей. Исана решил, что, наверно, умер Кэ, и стал внимательно слушать радио, но в последних известиях о смерти Кэ не сообщалось. Если Наоби хочет разговаривать с ним не о смерти Кэ, а о чем-то другом, то, конечно, лучше всего забыть о телеграмме. Только вот неплохо бы посоветоваться с ней о месте для занятий Союза свободных мореплавателей, подумал Исана и пошел на вокзал позвонить по телефону-автомату.

-- Тебя тогда сильно избили, как ты сейчас, в порядке? -- вместо приветствия спросила жена.

-- Да не так уж сильно. И ведь ты сама позволила бить меня. В общем, секретарь ваш работает на совесть.

-- Он горел желанием доказать, что необходим Кэ как личный секретарь. Ему ведь все время приходится соперничать с тобой. Еще...

-- Какое может быть соперничество с сумасшедшим из убежища? Лучше бы поторопился взять у Кэ письменное распоряжение о том, кого он назначает своим преемником на предстоящих выборах.

-- Боссы из избирательного округа называли меня его преемницей, -- ловко перешла к делу Наоби. -- Выборы политика, который, как отец, почти ни разу не приезжал в свой округ, фактически -- дело рук крупных и мелких боссов избирательного округа, не так ли? Это выражение политических симпатий местных жителей к имени отца. В конце концов, местные жители имеют полное право решать, кто будет преемником. Безоговорочно назвать такой порядок устаревшим было бы, наверно, не совсем справедливо.

-- Ты не отказывайся, пусть тебя выберут вместо Кэ. Если боссы за тебя, ты легко победишь на выборах. А у вашего секретаря никаких шансов, как бы он ни пыжился.

-- Избив тебя, он продемонстрировал преданность Кэ, а выходит -- сам пострадал.

-- Ну, пострадал-то я.

-- В общем, ты, наверно, догадываешься, зачем я просила тебя позвонить? -- многозначительно сказала Наоби.

-- Ты хочешь, чтобы мы с Дзином не препятствовали твоему выдвижению в кандидаты и помогли тебе на выборах, не вытаскивая на свет скандала, который произошел с самим Кэ.

-- Если я буду баллотироваться на выборах, то и после смерти Кэ останется человек, у которого ты сможешь вытягивать деньги, так что лучше воздержись от опрометчивых поступков.

-- Понятно. Разумеется, я не стану препятствовать твоему избранию.

-- Штаб избирательного округа хочет, чтобы в местной газете появилось "трогательное повествование" о том, как я мужественно доверила отцу

воспитание моего умственно отсталого ребенка и даже поселила их отдельно, а после смерти политика решила выставить свою кандидатуру вместо него. Если бы ты мне помог и в этом, весьма разумном предприятии, ну что тебе стоит принять участие в небольшом спектакле?

-- Ладно, согласен. В сущности, мне иначе не выжить. Кстати, может, и ты мне поможешь, хотя не исключено, что моя просьба покажется тебе несколько странной, -- сказал Исана.

-- С удовольствием. Сделка есть сделка.

-- Зависящая от Кэ компания по продаже недвижимости осваивает по всей стране участки под строительство загородных домов. В бытность мою секретарем Кэ всегда было так, что на двух-трех участках уже строили бараки для рабочих и, доведя строительство до середины, приостанавливали, пока не получали необходимое разрешение властей. Может быть, мы могли бы недели на две-три получить такое местечко, ну, скажем, пансионат для яхтсменов, -- на побережье, разумеется? Я обзавелся приятелями, и они хотят пожить все вместе.

-- Загородные дома строятся сейчас в районе национального парка в Минами Идзу. Это как раз то, что тебе нужно, -- там работы приостановлены, потому что строительству мешают деревья. В национальном парке категорически запрещена даже частичная вырубка дикого персика. Когда строятся загородные дома, немного разредить их, по-моему, вполне допустимо -- мы как раз сейчас хлопочем, чтобы получить разрешение властей. Там уже построены бараки и контора, где вполне можно пожить некоторое время. Спортивной площадки еще нет, но участок расчищен -- места, чтобы побегать, хватит.

-- Лучшего и не надо, -- сказал Исана. -- В общем, дикий персик оказал мне большую услугу.

-- Видишь ли, Кэ в свое время не проявил достаточной твердости, чтобы потребовать от властей исключения этих деревьев из списка редких растений, охраняемых законом. Участок нужно осваивать, и если бы Кэ согласился хоть по телефону позвонить из больницы, этого было бы достаточно. Но его болезнь стремительно прогрессирует, и теперь его с места не сдвинешь.

-- Я впервые слышу от тебя, что Кэ стал таким добросердечным. Мое влияние сказывается. Просто не верится, что его волнует судьба каких-то диких персиков.

-- С тобой это никак не связано, -- сказала Наоби. -- Возможно, вирус рака очистил его душу. Такое увидишь в любом онкологическом институте: если не считать молодежь -- у нее в голове лишь боязнь смерти и отчаяние, -- то рак и в самом деле очищает души людей постарше, примирившихся с мыслью о неизбежном конце... Короче, завтра я распоряжусь, чтобы тебе принесли

подробный план участка, где строятся загородные дома, ключи от конторы и все остальное. Да, а как Дзин?

-- Благодаря моим новым приятелям Дзин в последнее время стал очень общительным. Он такой самостоятельный, энергия прямо бьет ключом.

-- Ну, если так, поселив у себя своих новых приятелей, ты сможешь снова вернуться в общество?

-- Разумеется, но я сам не в силах расстаться с Дзином. Нет, я уж буду вести прежнюю жизнь.

-- Для моих выборов это сущая находка, -- сказала жена, голос которой снова стал

равнодушным.

На следующий день Наоби, никогда не нарушавшая своих обещаний, прислала человека, который сообщил, что с середины июня до середины июля можно использовать бараки и контору -- временные постройки, находящиеся на участке, отведенном под загородные дома в Минами Идзу. Такаки молниеносно составил план учебных занятий, и было решено, что в следующую же субботу, во второй половине дня, как только солдат будет свободен, его вызовут и учебный отряд отправится в Минами Идзу.

Через неделю Такаки, убедившись, что участок, отведенный под загородные дома, безопасен, послал Коротыша и еще двух подростков, одного из которых звали Красномордый, на машинах за боеприпасами. Коротыш ехал в фургоне -- точно в таких профессиональные фоторепортеры возят обычно аппаратуру для съемок, -- это служило прекрасным камуфляжем. Вторая машина с Красномордый за рулем была специально предназначена для Исана и Дзина. Эта забота несколько смягчила их боль при отъезде Инаго. Пока Красномордый и еще один подросток грузили в фургон боеприпасы Союза свободных мореплавателей, перевезенные из съемочного павильона в бункер, Коротыш рассказывал Исана о том, как проводятся боевые учения Союза свободных мореплавателей. В одной из крохотных гаваней -- их поблизости бесчисленное множество -- подростки пользуются шхуной, владелец которой поставил ее там на мертвый якорь, по ночам выходят в море и проводят военные учения. Днем занимаются физической подготовкой, точь-в-точь как солдаты-новобранцы...

-- В общем, все делается как надо. И всерьез, -- сказал Коротыш солидно, хотя и все тем же тонким голосом. -- Наконец-то я снова могу заняться своими профессиональными обязанностями. Сфотографирую учения. А новые камеры и всякая аппаратура, которые я погрузил в фургон, послужат не только целям конспирации. Солдат -- прекрасный объект для съемок.

-- Солдат? Но ведь он к понедельнику должен вернуться в казарму военных музыкантов?

-- Нет, солдат все время с Инаго. Союз свободных мореплавателей освободил из японских сил самообороны хоть одного солдата -- и то хорошо!-- сказал Коротыш.

Исана и Дзин сели на заднее сиденье в машину Красномордого и поехали. Рядом с ними лежало одеяло и полиэтиленовые мешочки на случай, если Дзина укачает. Очень скоро Дзин, привыкнув к автомобилю, устроился поуютней и стал тихо подвывать, подражая шуму мотора, как бы став его составной частью. Их машина шла впереди фургона, в котором ехали Коротыш и еще один подросток.

-- Тамакити -- молодец, но и ты тоже прекрасно водишь машину. Так свободно и легко, даже не верится.

-- Надо избежать неприятностей с полицией, вдруг она что-нибудь заподозрит, -- такое указание дал нам Тамакити. И наша машина, и фургон взяты, как полагается, напрокат, но обычно у этих автомобилей мощность маловата. Я уж и так выжимаю из мотора все, что можно. -- Красномордый не отрывал глаз от дороги, уши у него горели. -- Тот, кто может на чем-то сосредоточиться, ну хоть на вождении машины, совершает нечто похожее на prayer, правда?

-- Ты действительно внимателен и сосредоточен. Я и сам прекрасно вижу. Скорее всего, это -- черты твоего характера...

-- Нет, я бы мог гнать машину с такой скоростью, что это смахивало бы на самоубийство, -- сказал Красномордый. -- Ведь мои родители наложили на себя руки, так что и мне теперь покончить с собой ничего не стоит. Тамакити все твердит, будто я не имею права говорить такое...

-- Почему же, наверно, имеешь.

-- Родители покончили с собой не на автомобиле; отец повесился, мать отравилась газом.

-- Я надеюсь, пока мы едем с тобой в машине, ты вряд ли устроишь бешеную гонку, -- сказал Исана.

-- Мой отец был поваром -- содержал небольшой ресторанчик, а мать работала в школе.

-- Готовила завтраки школьникам?

-- Нет, была учительницей математики, -- поспешил исправить ошибку Красномордый; он словно почувствовал себя виноватым в этом поспешном выводе Исана, и уши у него снова покраснели. -- Станный брак, да? Отец раньше тоже преподавал, обучал кулинарии. Но с тех пор, как открыл свой ресторанчик, у него появились странности. Кончилось все тем, что стал торговать зеленым карэрайсом.

-- Зеленым карэрайсом? -- переспросил Исана, и Дзин, который до этого

подражал шуму мотора, умолк и сказал:

-- Да, карэрайсом.

-- Он туда добавлял хлореллу. В молодости отец изучал проблемы космических полетов. И твердо придерживался идеи, отвергнутой управлением НАСА. Чтобы космонавты не были привередливы, считал он, нужно прежде всего освободить их от предубеждения против цвета и формы. И поскольку человечеству, видимо, придется покинуть Землю, а значит, каждый поневоле станет космонавтом, готовя себя к этому, отец и стал торговать карэрайсом с примесью хлореллы. Но его никто не покупал. Отец терпел, терпел, а потом взял да и повесился. Один наш знакомый говорил, что отец сошел с ума, а я думаю, он впал в глубокую депрессию. Раз уж мать имела специальность и работала, ей вполне можно было не рваться во второй раз замуж, а она сразу после смерти отца стала мазаться и водить к себе каких-то мерзких типов. В практических делах она ничего не смыслила. Характер у нее был -- жуть: самый добродушный мужчина, поговорив с ней, раздражался и мрачнел. И у нее на подведенных веках, за шикарными очками, выступали капельки пота. Мужчина, бывало, хочет уйти -- она не отпускает, и тот бьет ее. Потом она отравилась газом... Отец ведь тоже умер не оттого, что зеленый карэрайс не продавался и наступил застой в делах. Просто взял да и повесился. И мать умерла вовсе не потому, что ей так уж хотелось замуж. Она слишком долго занималась дурным делом -- точно одержимая злым духом -- и вся как-то сникла. Однажды выставила оценки на контрольных работах поступающих в университет и отравилась газом... И я поступлю так же: если захочу покончить с собой, никому надоедать не буду. Вот это я и говорю, а Тамакити, как услышит, прямо из себя выходит. Вы тоже считаете, что я рисуюсь?

-- Нет, почему же, -- сказал Исана. -- Возможно, Тамакити злится как раз потому, что ты не рисуешься?

-- И правда, лучше всего молчать. Тем более что Союз свободных мореплавателей обзавелся специалистом по словам. Вот мне и захотелось хоть разок поговорить с этим специалистом, -- сказал подросток, и на этот раз покраснел Исана.

Красномордый вел машину безупречно, и быстрая езда не мешала уснувшему Дзину, во сне щеки его покраснелись.

-- Теперь о Союзе свободных мореплавателей. Вот что думает Такаки о землетрясении, которое все время предсказывают газеты. Таких, как мы, ни на что не годных, всех до одного убьют под шумок. Потому что молодежь, ничего не делающую для общества, ненавидят. И мы должны заранее принять меры самозащиты. А как только начнется землетрясение, говорит он, мы должны сесть на корабль и выйти в свободное плавание. Нужно ко всему подготовиться:

отказаться от гражданства, чтобы нас не мобилизовали в отряды восстановления городов. Иначе при восстановлении городов нас все равно под шумок постараются перебить. Люди, сознающие свою слабость, из всех сил будут на этом настаивать -- у них это прямо навязчивой идеей станет. А вот Тамакити не боится никакого, даже самого страшного землетрясения, наоборот, ждет его. Он говорит: нынешний порядок в природе и обществе будет поставлен с ног на голову, после землетрясения разгорятся пожары и чума, и только члены Союза свободных мореплавателей, которые будут в это время в море, останутся в живых. Именно поэтому военное обучение должно быть направлено на самооборону -- сделать так, чтобы после землетрясения, о котором говорит Тамакити, корабль Свободных мореплавателей никто не похитил. А Тамакити говорит, что нужно вести подготовку к военным действиям: если землетрясения не будет, тогда надо вооружиться, начать нападения по всему Токио и самим вызвать крупные беспорядки и панику. Я -- против. Но Тамакити высмеивает меня. Возьми, например, мотор шхуны, говорит он, починить его мы еще можем, а новый сделать -- нет. А зачем? Мотор нужно использовать до конца и выбросить. Да и саму шхуну тоже. Пришел кораблю срок -- значит, бросать его надо. Нам не надо ничего создавать. Допустим, Свободные мореплаватели переживут разрушительное землетрясение, все равно ничего хорошего их не ждет. Хотя Тамакити и говорит, что даже если оба побережья Тихого океана будут разрушены, Свободные мореплаватели останутся в живых, -- это значит, на всей земле уцелеют они одни, а тогда, я думаю, человеческая цивилизация прекратит свое существование. Мы ведь ничего не знаем... Я даже считаю, что в ближайшее время все люди на земле, по собственной воле, начнут один за другим кончать жизнь самоубийством. В таком случае, не есть ли Союз свободных мореплавателей символ будущего человечества, думаю я. Перед тем как заснуть, я всегда об этом думаю.

-- Пусть символ, но как он определяет будущее?

-- Ребята из Союза свободных мореплавателей вовсе и не думают о том, чтобы с годами стать другими людьми, не такими, как сейчас. Может, они рассчитывают, что пока повзрослеют или начнут стареть, мир все равно погибнет: короче, считают, что будущего у них нет, и поэтому не делают ничего, чтобы подготовиться к нему. Всех их привезли сюда по коллективному набору, но они разбежались, даже не приступив к работе. Да и сам Тамакити, который строит великие планы на тот случай, если на всем земном шаре останемся мы одни, даже он чувствует, что если мы вооружимся и поднимем восстание, то и сами тоже погибнем. Поэтому-то он и хочет поскорее поднять восстание. Пускай мы потерпим поражение, а настоящее восстание так и не разгорится -- тоже ничего страшного, считает он. Даже если нас арестуют, к смерти все равно

не приговорят -- мы ведь несовершеннолетние, ну дадут лет двадцать, а мир рухнет раньше, чем истечет наш срок, и некому будет осуществлять вынесенный нам приговор. Мне тоже это нравится. Такая жизнь -- самая свободная. Правда, Союз свободных мореплавателей, по-моему, похож на класс, где ученики умрут раньше, чем закончится обучение. Может, это и есть символ скорой гибели всех школ?

Когда их машина въехала в непроглядно густую зелень полуострова Идзу, Исана, примостив на коленях голову спящего Дзина, оживился: тяжелое путешествие подходило к концу. Каждый раз, когда фары, точно срезая верхушки, освещали густые заросли, он гораздо острее, чем в убежище, ощущал контакт с душами деревьев. Души деревьев всплывали из вечнозеленых древесных крон и кустов, плотным ковром покрывших крутой склон горы, обращенный к морю. Обе машины выехали с последнего платного шоссе и стали спускаться вниз по дороге, узкой, как протока в запруде для ловли рыбы. Бесконечно петляя, они спускались все ниже и ниже. Бесчисленные души деревьев, окружающие в темноте машину, были подобны духам моря. В воздухе стоял запах моря. Оно чернело слева внизу. А еще левее светились огоньки рыбацкого поселка или курорта на горячих источниках. Справа черной стеной высилась выдающаяся в море скала. По мере движения машины огоньки скрывались за этой стеной и наконец исчезли совсем. Море тоже, казалось, перестало существовать.

Красномордый сбавил скорость. Он бросал беспокойные взгляды на дорогу, ставшую совсем узкой, и на густые заросли кустов по обочинам. Наконец впереди показался мигающий свет карманного фонаря. Красномордый коротко просигналил, и свет карманного фонаря, освещавший кусты, переместился на дорогу. В лучах фар остановившейся машины, со склона, резко уходявшего вверх прямо от дороги, спустился Бой, отводя глаза от слепящих фар.

-- Вы первые? -- спросил он, открывая дверцу машины.

-- Да, фургон идет за нами. Я уже думал, мы проглядели развилку.

-- Я тоже. Но все в порядке.

-- Ты нас встречал, чтобы показать дорогу? Сколько же ты ждал? -- спросил Исана.

-- Не знаю, часов у меня нет. Из нашего тайника вышел в семь.

-- Неужели пять часов нас здесь высматриваешь? -- снова спросил Исана; ему стало не по себе. -- О чем же ты думал в темноте целых пять часов?

-- Темно, ничего не видно, я ни о чем и не думал, -- отрезал Бой. До сих пор машина следовала вдоль берега, а теперь должна была подняться вверх и по гребню достичь оконечности мыса, выдающегося в море. На самой высокой точке мыса была станция электрички, а на склоне, поднимавшемся оттуда к

горному хребту Идзу, и находился участок загородных домов. Чтобы машина не сбилась с пути, на каждом повороте петлявшей по лесу дороги ее ждали дозорные. Вскоре они до отказа набились в машину, и Исана пришлось взять спящего Дзина к себе на колени.

-- Забыл, опять забыл, значит, ничего и не было! -- горестно воскликнул во сне Бой, он сидел рядом с водителем, зажатый с боков товарищами. Все рассмеялись и принялись расталкивать и будить его. Бой мрачно молчал, и подростки рассказали Исана страшный сон, который постоянно снится Бою. Когда он начинает засыпать, его мучает мысль, что он до сих пор ничего стоящего не совершил и остается беспомощным, как ребенок. Но во сне ему чудится, будто что-то важное он все-таки сделал. Только вот забывает сразу, что именно. Ниточка воспоминаний, как песчинки в песочных часах, ускользает на дно забвения. Тогда-то Бой и начинает причитать: забыл, опять забыл, значит, ничего и не было!

-- А что, если тебя не будить? -- спросил Исана.

-- Сон все равно на этом кончается. Потом сплю как убитый, -- сказал Бой печально.

Машина, в которой сидел Исана, доехала до конца лесной дороги. Путь им преграждало огромное дерево; грубая сероватая кора его напоминала шкуру носорога. Машина остановилась у самого дерева, и Исана, высоко закинув голову, долго смотрел на буйно разросшуюся мелкую жесткую листву. Так вот каков он, дикий персик! -- подумал Исана, потрясенный необычными размерами дерева, и почувствовал, что сквозь тьму, наступившую, когда погасли фары машины, к нему приближается душа персика. Да понял, сказал про себя Исана, уловив напряженной антенной своей души душу персика. Ты, я надеюсь, будешь охранять меня с сыном. Если здесь что-либо произойдет... Исана вышел из машины вслед за подростками, не проронившими ни слова, и, стоя в полной тьме с завернутым в одеяло Дзином на руках, замер, боясь сделать шаг по хрупким, острым осколкам лавы. Кожа его ощущала солоноватую сырость, пропитавшую воздух.

Прямо на него двинулось что-то огромное, как скала, и произнесло:

-- Ну вот. Я буду светить себе под ноги, идите за мной налево по склону. Там ваш дом.

-- Ты этого не можешь знать, слишком молод, а мне вспомнилось, как мы укрывались в бомбоубежищах во время ночных налетов, -- сказал Исана.

-- Ничего удивительного. Мы проводим генеральную репетицию военных действий, -- ответил Такаки.

Сделав первый шаг, Такаки направил луч карманного фонаря себе под ноги. Они двигались вслед за кружком света, точно скованные кандалами. Вдруг из

темноты вырос подросток, приехавший со второй машиной.

-- С Коротышом что-то стряслось. Когда мы, дозорные, забрались в его машину и доехали до самой высокой точки мыса, он вдруг выскочил и как припустит в лес. Мы за ним -- думали, это шутка, догнали, а он отбивается изо всех сил, дерется, лягается. Мы его скрутили и привезли. Что это с ним? Небось дурака валяет?

Такаки молча выслушал доклад растерянного подростка. Исана уловил лишь его тяжелое дыхание. Сзади, из фургона, донесся шум возни или драки, но тут же затих.

-- Нет, это не шутка, -- процедил Такаки. -- Смотрите, чтобы не убежал. Свяжите его. Нужно поскорее уложить Дзина. Я сейчас вернусь...

Такаки, ни слова не говоря Исана, снова пошел вперед, наступая на кружок света под ногами. Потом повернул налево. Справа от тропинки небольшая деревянная лестница вела на веранду из струганых бревен. Они остановились. Такаки указал фонарем на двери дощатого строения вроде охотничьего домика.

-- Здесь жили солдат и Инаго. Другого дома с отдельными комнатами нет, -- сказал Такаки. -- У нас светомаскировка, так что зажигайте свет, только закрыв за собой двери. Выключатель, как войдете, справа, немного выше обычного. Что же касается Коротыша... В общем, разберемся, это уж наша забота... -- Разумеется, -- ответил Исана.

-- Ну ладно, укладывайте Дзина, -- сказал Такаки и с нарочитой поспешностью зашагал прочь, громко хрустя катышками лавы.

Некоторое время Исана стоял неподвижно, чувствуя такую опустошающую усталость, что лестница в несколько ступенек, по которой он должен был подняться, казалась непреодолимой. Что же замыслил Коротыш? -- вопрошал он души деревьев, обступивших его в темноте.

-- Это козодой, -- прошептал Дзин, проснувшись.

-- Что ты? -- сказал Исана обеспокоенно. -- Я никакого козодоя не слышу. Дзин... Дзин будет спокойно спать.

-- Да, Дзин будет спокойно спать, -- сказала маленькое теплое существо, завернутое в одеяло.

Тут Исана тоже услышал голос козодоя и откуда-то снизу -- шум моря, долетавшие сквозь пропитанный влагой, удивительно свежий воздух. Что же замыслил Коротыш? И что предпримут Такаки с товарищами? -- вопрошал Исана души деревьев и души китов, обратившись туда, где бился прибой, но в нем поднималось предчувствие, будившее горькое раздражение и злость, и сосредоточить свои мысли на душах деревьев и душах китов он был не в силах. Как и ребенок у него на руках, Исана тоже устал от долгого путешествия в автомобиле.

...Когда Исана проснулся от кошмарного сна и открыл глаза, не в силах пошевелить ни рукой, ни ногой, точно парализованный, по его лицу пробежал луч карманного фонаря.

В темной комнате стояло несколько человек, один из них пытался нащупать выключатель у входа. Инстинктивно Исана протянул руку к Дзину. И лишь потом понял, где он и кто вторгся к нему. Наконец кто-то заметил шнур выключателя у лампы, обернутой куском материи, и дернул его, но лица людей, вошедших в комнату, остались в темноте. -- Простите, что разбудили. Но нет комнаты, кроме вашей, где можно запереть Коротыша, -- сказал Тааки.

-- Наручники снять? -- спросил кто-то. -- Я против, -- послышался голос Тамакити. -- Того и гляди, Коротыш возьмет Дзину заложником и потребует освобождения.

-- Не стану я этого делать. Зачем? Да вы меня все равно не выпустите, скорее Дзином пожертвуете, -- сказал, с нескрываемой ненавистью обращаясь к Тамакити, Коротыш глухим голосом, точно во рту у него был кляп.

-- Наденьте ему наручники. Руки оставьте спереди, тогда он сможет спать на спине, -- сказал Тааки.

-- Если уступать понемногу, в конце концов ничего не останется. Кончится все как сон Боя: как будто ничего и не было, -- сказал Тамакити.

-- Он прав, -- сказал Коротыш, но послушно протянул руки.

-- Повали его на пол, -- сказал Тааки.

-- Не надо. Я сам упаду под влиянием земного притяжения, -- сказал Коротыш, но тут кто-то пнул его ногой, и он, проехав головой по обшитой деревом стене, отлетел в угол комнаты.

-- Не делай глупостей, Тамакити! -- приказал Тааки брезгливо. -- Запретим снаружи. Вы с Дзином будете еще, наверно, спать? У дверей поставим часового, если понадобится, сможете выйти. Пока с Коротышом говорить ни о чем не нужно -- мы хотим сперва сами разобраться.

-- Можете не волноваться. Даже представься мне такая возможность, я и сам никуда не уйду, -- сказал Коротыш.

Через раскрытую на мгновение дверь Исана увидел поднимающийся над сочной зеленью кустов туман и понял, что близится рассвет. Он снова лег в постель.

-- Тамакити здорово дерется. Он мне чуть все зубы не вышиб, -- сказал Коротыш из тьмы.

-- Но что все-таки случилось?.. Во что тебя втянули?

-- Втянули? -- повторил Коротыш, как попугай, но в голосе его звучало такое возбуждение, что Исана даже содрогнулся. -- Как раз наоборот. Это я втянул в задуманное мною дело Союз свободных мореплавателей. Я заставил их идти

напролом. И заставлю проскочить мимо последнего поворота -- пути назад у них больше не будет. Благодаря мне Союз свободных мореплавателей превратится в настоящую боевую организацию.

-- Что ты собирался сделать? -- спросил Исана растерянно.

-- Все, что нужно было сделать, -- уже сделано. Теперь посмотрю, как они будут выпутываться. Сейчас все в панике и готовы бежать куда глаза глядят. А те, у кого неустойчивая психика, как, например, Тамакити, готовы прибегнуть к насилию. В общем, все они в панике и делают глупости. Всю ночь они допрашивали меня, но ничего не добились. И сейчас сидят с красными глазами и ругают себя за неумелый допрос. А заговорщик спокойно лежит себе и собирается поспать.

Коротыш с наслаждением потянулся. Исана осторожно спросил:

-- Как это понять: "все, что нужно было сделать, -- уже сделано"?

-- Все сделано. Я, по-моему, говорил, что фотографировал военные учения? В чем, в чем, а в работе с фотокамерой у меня огромный опыт. Вот мне и удалось запечатлеть, как они, например, приставали на шхуне к берегу и взбирались на крутой утес или через кусты врывались сюда, на площадку, где строятся загородные дома...

-- Наверно, Такаки и его товарищи должны были возражать против этого?

-- Наоборот, они радовались, что их военные учения будут документально запечатлены, просто были вне себя от радости... Правда, они не думали, что я продам эти фотографии военных учений одному еженедельнику.

-- Ты их действительно продал? -- спросил растерянно Исана.

-- Да. Я ведь раньше был фоторепортером этого еженедельника. Продам, конечно, на том условии, что не будет разглашено, где проводятся учения и кто в них участвует. Но редакция захотела убедиться, что это не инсценировка. Поэтому я разрешил им следовать за нами в машине в район учений, до развилки.

-- А в самый последний момент струсил? Подумал, что тебя разоблачат -- и тогда конец... Решил бежать к стоявшей у развилки машине, следившей за нами, и укатить с друзьями в Токио?

-- Нет, я не собирался бежать к машине у развилки. Где уж такому коротышке, как я, в полной темноте да еще через кусты добраться туда.

-- Но они говорят, что ты хотел убежать и отбивался изо всех сил, когда тебя схватили.

-- Совершенно верно. Да, не сделай я этого, не бывать всей заварухе! Именно так я и втянул в эту историю Союз свободных мореплавателей. Я решил бежать, а когда схватят -- отбиваться. Им придется допрашивать меня, верно? Но, столкнувшись с моим сопротивлением, они, безусловно, прибегнут к насилию.

А то дух насилия совсем испарился. Стоило им начать допрос -- сразу распалились и перешли к насилию. Вот так они и проскочили последний поворот, и пути назад у них больше нет.

-- Но...

-- Но зачем все это, хотите вы сказать? Тогда я в свою очередь спрошу: как вы считаете, может Союз свободных мореплавателей с помощью псевдovoенных учений превратиться из скопища хулиганов в боевую организацию, имеющую собственное лицо?

-- Не думаю. Да вряд ли и должен. Они останутся такими, как есть, пока не повзрослеют, -- разве это само по себе не прекрасно?

Зачем искусственно превращать их Союз в организацию, имеющую собственное лицо?

-- Для того, чтобы воплотилось в жизнь пророчество Коротыша!-- сказал Коротыш с комической высокопарностью. -- Мое пророчество. Я все время сжимаюсь. Давление на внутренние органы непрерывно возрастает, они в конце концов не смогут функционировать, и я начну мучительно умирать. Тогда я получу возможность возвестить человечеству, что естественный путь от рождения к смерти нарушен, пошел вспять. Это будет пророчество человека, в муках превратившегося в Коротыша. Разве тем самым не сбудется пророчество? Но чтобы оно сбылось до конца, потребуется еще очень много времени. И я почувствовал, что нужно торопиться. Я должен сделать это, пока Союз свободных мореплавателей не развалился. Потому что именно юнцы из Союза свободных мореплавателей могут возвестить об исполнении моего пророчества. Я подумал тогда, что, вспыхнув ко мне ненавистью, они забьют меня до смерти и собственноручно осуществят пророчество Коротыша!

-- Забьют до смерти? Нет, Свободные мореплаватели этого наверняка не сделают. Даже при всей жестокости Тамакити, -- сказал Исана.

-- Правильно, если речь идет о вчерашнем Союзе свободных мореплавателей. Но теперь он изменился. Взойдет солнце, снова начнется допрос, и самые молодые из них потребуют моей смерти. И тогда пророчество Коротыша сбудется, а Союз свободных мореплавателей превратится в настоящую боевую организацию, которую не уничтожить даже властям, какие бы удары они на нее ни обрушили. Все действия подростков, замаранных моей кровью, будут возвещать: пророчество Коротыша сбылось. Исана собрался было возразить ему, но вдруг услышал жалобный плач человека, отчаявшегося убедить кого бы то ни было своими доводами.

-- Дзин плачет, -- сказал Коротыш, голос его звучал печально и уныло. -- Что с ним?

-- Дзин, не нужно плакать... Дзин, Дзин.

-- Ему грустно, наверно, вот и плачет? Он устал, хочет спать, а мы тут затеяли никчемную болтовню.

Действительно ли никчемна эта болтовня? -- подумал Исана, касаясь пальцами горячего лба Дзина, тот всхлипнул еще разок и затих. Исана понял, что Коротыш чудовищно предал Свободных мореплавателей и замыслил новое, еще более чудовищное предательство. Но в конце концов Исана снова забылся беспокойным сном -- что еще ему, собственно, оставалось?

Глава 13

СУД НАД КОРОТЫШОМ

Издали доносились крики подростков. В комнате стало жарко. Исана вспотел, хотя и не был укрыт одеялом. Тело его покрылось потом не только от жары, был еще один, другой источник тепла. Исана непроизвольно вытянул перед собой руку. Ее тотчас оттолкнула маленькая горячая ладонь. Дзин заболел -- электрическим разрядом промелькнуло в мозгу Исана, и он мгновенно проснулся. Дзин отвергал слова и прикосновения отца, только когда испытывал физические страдания.

-- Дзин, тебе жарко? Тебе больно? Дзин, Дзин, ты заболел? -- страдальчески шептал Исана.

Дзин молчал. Но чувствовалось, что ребенок не спит и уже давно борется в одиночестве со своим недомоганием. Коротыш, который, конечно, проснулся раньше Исана и только ждал подходящего случая, чтобы заговорить, заявил спокойно, хотя язык его не слушался, будто во рту он держал пинг-понговый шарик:

-- Почему вы не зажжете свет? На улице давно уже день, и светомаскировка бессмысленна.

Нажав на выключатель, Исана вернулся к закутанному в одеяло кокону -- лицо Дзина с закрытыми глазами было пунцовым, как стручок перца, потные волосы прилипли к голове. Коротыш тоже потряс Исана своим необычным видом. Голова его вспухла и, казалось, росла прямо из плеч.

-- Он заболел. У него высокая температура.

-- В Союзе свободных мореплавателей есть начинающий врач. Еще когда заболел Бой, мы поняли, что без врача нам не обойтись, в вовлекли его в Союз. Надо показать ему Дзина.

-- Тебе самому нужна помощь, -- сказал Исана.

-- Мне это уже ни к чему, -- решительно отрезал Коротыш.

Исана попытался телепатически передать сыну, что быстро вернется, но Дзин, тихо застонав, открыл глаза, повел ими из-под опухших век и, не узнавая

никого вокруг, закрыл снова.

-- Я должен немедленно поговорить с Такаки. Откройте! -- взволнованно крикнул Исана, рассчитывая на помощь в постигшей его беде. Выйдя на яркий, ослепивший его свет, он покачнулся, теряя равновесие. Ухватился за какой-то твердый предмет, прищурился и увидел Тамакити, который, подняв ногу на ступеньку, выставил вперед ствол вмонтовки.

-- Думали, выстрелю, и закрыли глаза? -- насмешливо спросил Тамакити, упрямо держась прежнего тона в разговоре с Исана.

Исана не оставалось ничего иного, как молча спуститься с веранды. Посмотрев на возвышавшийся впереди за кустами покрытый лавой склон, он снова увидел вчерашний персик. И, не удержавшись, воззвал про себя к душе персика: Сделай так, чтобы у ребенка спал жар. Следуя за Тамакити, Исана шел по той же тропинке, по которой плелся вчера ночью: они спустились по лестнице, выдолбленной в лаве и укрепленной досками. Потом направились к площадке, достаточно большой, чтобы на ней мог развернуться мощный грузовик. Исана сразу бросилась в глаза стена из вулканических ядер -- в обхват каждое, -- окружавшая площадку и лишь с запада оставлявшая широкую, точно лощина, дорогу. От багрово-черных вулканических ядер поднимался пар.

-- Дождь прошел. И теперь с согретых солнцем камней испаряется влага, -- сказал Тамакити.

На холме у северного края площадки, точно птичье гнездо, прилепился домик, где Исана провел ночь. Обрывавшийся к морю южный склон порос кустарником и деревьями, на восточном -- стояло строение барачного типа.

-- Такаки, он говорит, что у него к тебе дело, -- позвал Тамакити, быстрым шагом миновав площадку и, как был, в ботинках, переступив порог барака. Едва поспевая за ним, Исана вошел и увидел Такаки, сидевшего за столом в комнате, устланной циновками. Исана тоже окликнул его, и когда Такаки повернулся к нему, разделявшая барак деревянная перегородка вдруг раздвинулась рывком и показалась кухня, оттуда выглянула Инаго в спортивной майке и крикнула:

-- Почему не взяли с собой Дзина?! Он еще спит?

-- Заболел. Не могу понять, что с ним, он весь горит, -- сказал Исана.

-- Я приведу сейчас Доктора. Он с группой на учениях.

-- Нет, ты, Инаго, продолжай готовить еду. -- Лежавший рядом подросток поднялся. -- Я сам схожу за Доктором.

-- Доктор -- это корабельный врач Союза свободных мореплавателей. Во всех болезнях разбирается. Он учился на медицинском факультете, -- Инаго старалась успокоить Исана. -- Может, поедите чего-нибудь, пока он придет?

-- Нет уж, поем вместе с Дзином. -- Я сама покормлю его, когда понесу еду Коротышу.

-- Мне бы хотелось вам кое-что показать, -- сказал Такаки. -- В вещах Коротыша были вырезки из газет и его работы. Я их видел раньше. Что вы о них думаете?

-- Я ничего не слышал об этих фотографиях. Покажи-ка. -- Тамакити, опередив Исана, проворно схватил большой конверт из плотной бумаги.

-- Осторожно. Все-таки это его работы, -- сказал Такаки.

Инаго протянула Исана миску с едой, и в нос ему ударил запах свинины и лука; он взял лежавшие на миске палочки, но аппетита не было.

-- Я бы хотел узнать ваше мнение об этих фотографиях. -- Такаки разложил на циновке снимки, и Исана поставил миску с едой на полу стены.

На первой фотографии около необычного низкого умывальника в туалетной комнате, огромной, как общественная баня, толпились дети в пижамах. Но они не умывались, а просто висели, вцепившись руками в умывальник, или стояли, держась за него. На первом плане стоял ребенок, выглядевший старше остальных. Он оперся подбородком об умывальник и, отталкиваясь плоскими, как весла, коленями, пытался подтянуться и влезть на него... Вцепившиеся в умывальник длинные худые руки были явно бессильны. Еще три фотографии, запечатлевшие три момента из жизни одного и того же мальчика, создавали впечатление ретроспекции. Вот мальчик, он совсем еще мал, стоит, опираясь на костыли. На второй -- он, только уже подросший, едет в кресле-каталке в школу. Движение спиц на фото напоминало брызги. И третья -- здесь мальчик выглядел маленьким старичком, он был уже не в состоянии двигаться и лежал на кровати, укрытый простыней.

-- За эту серию фотографий Коротыш получил премию Ассоциации фоторепортеров, -- сказал Такаки. -- Они сняты в клинике, где лежат дети с атрофией мышц. Он назвал ее "Усыхающие дети". Посмотрев эти фотографии, я подумал, что Коротыш вовсе не сжимается, как утверждает, а просто сумасшедший -- у него мания, будто он сжимается.

-- И теперь, чтобы снова получить премию Ассоциации фоторепортеров, он задумал серию фотографий про нас и выдумал свою жалостливую историю. Вот сволочь! -- воскликнул Тамакити.

-- Дать добавки? -- спросила Инаго, выглянув из кухни.

-- Исана не хочет есть твое варево, Инаго. Видишь, даже не притронулся, -- в тон ей сказал Тамакити.

-- Значит, Дзин и вовсе не станет это есть, -- расстроилась Инаго.

-- Нет-нет, просто слишком горячо, я ждал, пока остынет, -- оправдывался Исана.

Не успел он приняться за еду, как вбежал юноша, впустив в комнату клубы пара, поднимавшиеся от вулканических ядер. Ему было чуть больше двадцати

лет. На нем была военная полевая форма, которую можно купить на распродажах, устраиваемых американской армией, или сшитая по ее образцу из маскировочной ткани, и пилотка. В руках он держал полевую аптечку, тоже, видимо, приобретенную на одной из таких распродаж.

-- Такаки, ты звал меня? -- крикнул он из прихожей, прерывисто дыша, излучая бодрость и здоровье. -- Дай только плеснуть водички на голову.

-- Здесь сейчас ребенок, -- объяснила Инаго Доктору. -- Все Свободные мореплаватели очень его любят. Говорить он не очень-то мастер, но слух у него божественный...

Доктор вернулся в барак, вытирая голову полотенцем.

-- Температура есть? Кашляет? Рвало? -- спросил Доктор.

-- Нет, только жар, -- ответил Исана, подозревая, что перед ним дилетант.

-- Если это обычная простуда, то в такое время года ничего страшного в ней нет, -- сказал Доктор.

-- Может, рассказать, чем болел Дзин раньше? -- вмешалась Инаго. -- Вскоре после рождения с ним случилась ужасная история.

-- Что бы вы мне ни рассказывали, прежде всего нужно осмотреть ребенка и тогда уж поставить диагноз.

-- Не знаю, будет ли есть Дзин, но я все равно отнесу ему еду. И прихвачу холодной воды и кипятку. Может, еще что понадобится?

-- По-моему, у нас должен быть консервированный суп, -- сказал Доктор, -- Мы, правда, ведем строгий контроль за расходом консервов, но ведь на нынешних учениях этот случай особый, верно?

-- Пусть особый, разве из-за этого мы должны нарушать правила, которые сами установили? -- прервал его Тамакити. -- В особых случаях нами предусмотрено общее обсуждение.

-- Инаго может использовать консервы по своему усмотрению, -- сказал Такаки.

-- Если так, можно, значит, нарушать все, что угодно. Понимал это один лишь Коротыш. И докатился до того, что стал нашим врагом...

-- Тамакити, приведи-ка сюда своего врага. А твоя бессмысленная грубость ни к чему. Доктор пока осматрит Дзина, а ты возвращайся с Коротышом.

-- Пусть Исана захватит с собой холодной воды и кипятку, -- засуетилась Инаго, выполняя указания Такаки.

Исана с ведрами в руках и Доктор с полевой аптечкой покинули барак. Тамакити с еще одним подростком уже пересекли площадку и теперь взбегали вверх, поднимая черную пыль. Идя вслед за ними по лестнице, на которой не улеглась еще пыль, Исана увидел за стеной из вулканических ядер огромную дзелькву. На фоне моря, отражавшего солнечные лучи и блестевшего как

зеркало, дзельква, широко раскинувшая свои могучие черные ветви и закрывавшая ими яркое небо, казалась одинокой, но на самом деле из того же корня рос еще один ствол, может, немного потоньше первого, однако не уступавший ему в высоте и еще шире раскинувший свои ветви. Душа дзельквы невозмутимым голосом охладила горящую душу Исана: Спокойно, спокойно! Тамакити с напарником, толкая Коротыша в спину, вели его вниз.

-- Не слишком ли, Тамакити? Может, лучше помочь человеку, у него ведь лицо как набитый мешок? -- возмутился Доктор.

Израненное, в кровоподтеках и шрамах лицо Коротыша при ярком свете являло страшное зрелище. Но прежде чем Тамакити успел ответить, Коротыш, глянув на Доктора сквозь щелочки заплывших глаз, как через бамбуковые шторы, крикнул:

-- Чем помогать мне живому, лучше проводи как следует судебно-медицинскую экспертизу, когда меня казнят. А сумеешь, сделай и вскрытие!

Коротыш спокойно, как на прогулке, проследовал мимо опешившего Доктора. Когда они молча вошли в дом, Доктор подсунул под дверь, чтоб не закрылась, неизвестно когда подобранный им кусок лавы, и в комнату проник свет. Он открыл и окно, обращенное к косогору. Дзин, грустный, лежал на боку, -- Дзин, Дзин, -- позвал Исана, но горящее лицо ребенка было неподвижным. Лишь чуть дрогнули закрытые веки.

-- Дзин, хочешь воды? -- спросил Доктор.

Слово "вода" произвело поразительный эффект. Ребенок приоткрыл ничего не видящие глаза и, тяжело дыша, выпятил нижнюю губу. Зачерпнув металлическим ковшиком воды, такой холодной, что ведро даже запотело, Исана приподнял Дзина и поднес ковшик к его губам.

Вытянув их, точно бабочка хоботок, Дзин, тяжело дыша, стал жадно пить и выпил ковшик до дна. Обнимая обессиленного сына, Исана физически ощущал, как вода охлаждает разгоряченное тельце ребенка. Исана поднес еще один ковшик к влажным губам Дзина, но тот отстранился, наклонив голову к плечу.

-- У ребенка есть чувство меры, -- сказал Доктор.

Он раздел Дзина.

-- О, на животе сыпь! -- воскликнул Доктор. -- Вас ночью не кусали насекомые?

-- Нет, кажется, -- ответил Исана, разглядывая сыпь на животе тяжело дышавшего сына.

-- Дзин болел ветрянкой?

-- А что такое ветрянка? Я не знаю, что это за болезнь...

-- Значит, ветрянкой не болел. Не может быть, чтобы такой заботливый отец, как вы, не запомнил, если ребенок болел ветрянкой, -- сказал Доктор. -- Пусть

для вас не будет неожиданностью. Завтра все его тело покроется сыпью. С головы до ног, и даже во рту будет сыпь.

-- Болезнь опасная?..

-- Обычно нет. В редких случаях дает осложнение -- воспаление мозга.

Доктор был слегка возбужден тем, что ему удалось собственными силами поставить диагноз. Жар его возбуждения, передавшись Исана, умерил беспокойство.

-- Когда появится свежая сыпь, нужно смазать кожу успокоительной мазью. Сейчас я протру его тело, вымою руки и обстригу ногти.

Доктор действовал ловко и умело. Ясно, что он получил основательную подготовку.

-- Может быть, нужны уколы или какое-нибудь лекарство? -- спросил Исана.

-- Нет, от ветрянки, насколько мне известно, никаких уколов и лекарств нет. Самое лучшее -- дать болезни протекать естественно. Нужно ждать -- сперва появления сыпи, а потом -- пока она сойдет.

-- Но ведь ребенок будет ужасно страдать?

-- Разумеется, -- откровенно сказал Доктор.

-- А можно протирать тело, когда такой жар? -- встревоженно спросила Инаго, она принесла котелок с супом. -- Что с ним? Что у тебя болит, Дзин?

Дзин с трудом приоткрыл глаза, услышав ее голос. И Исана снова привиделось, будто сам он уже умер, а все происходящее -- это отражение в его сознании.

-- Похоже на ветрянку. Уже и сыпь вроде появилась, -- сказал Доктор.

-- Не бойся, это не страшная сыпь, Дзин, -- с явным облегчением сказала Инаго, устроившись возле него на коленях.

Когда Доктор закончил обтирание, Инаго поспешно укутала ребенка, Исана увидел прямо перед собой ее круглый зад, выглянувший из-под короткой юбки. Трусики, прозрачные от бесчисленных стирок, почти ничего не скрывали.

-- Инаго, чего оголилась, хочешь нас обольстить? -- спросил Доктор.

Исана оторопел. Но Инаго и не подумала изменить позу, прильнув к тельцу Дзина, она лишь повернула голову и ответила серьезно и печально:

-- Подумаешь, смотрите сколько влезет! Я так волнуюсь за Дзина! Хотя мне не хочется, чтоб за мной подглядывали. И чтобы смеялись, тоже не хочется.

-- Да, это я нехстати, ты уж не сердись, -- смутился Доктор и, немного помолчав, добавил: -- Мы должны идти судить Коротыша, последи, чтобы Дзин не расчесывал сыпь. Она будет все время появляться.

-- Посидите с ним, -- извиняющимся тоном попросил Исана, вставая. Спускаясь по вырубленным в лаве и укрепленным досками ступеням, Исана посмотрел на двустолую дзелькву, высившуюся на западе на фоне моря, и

обратился про себя к душам деревьев: Спасибо, спасибо, что сын заболел лишь безобидной ветрянкой. С площадки, куда они спускались, доносился гомон, но никого не было видно. Все сидели в бараке, ожидая начала суда, двери были распахнуты. Члены команды ждали, когда придут специалист по словам и Доктор Союза свободных мореплавателей, чтобы принять участие в суде над Коротышом.

Сам Коротыш сидел посреди комнаты на возвышении, положив на колени руки в наручниках и чуть запрокинув голову, чтобы сквозь вспухшие веки видеть происходящее вокруг. Он выглядел бодро, и по сравнению с ним обветренное лицо Такаки, сидевшего насупясь в глубине комнаты, казалось еще мрачнее, будто именно он был обвиняемым. В противоположность ему, Тамакити и Красномордый, расположившиеся у самой двери, так что Коротыш загораживал их от Такаки, явно ощущали себя обвинителями. Винтовка, которую принес Тамакити, торчала между колен Боя, выполнявшего роль судебного стражника, если возвышение, где сидел Коротыш, можно было назвать скамьей подсудимых. Остальные подростки, человек десять, сидели лицом к обвиняемому на циновках, расстеленных по дощатому полу.

-- Вы не согласились бы сесть рядом со мной и вести судебный протокол? Боюсь, без секретаря Коротыш не будет говорить, -- позвал Такаки Исана, который вместе с Доктором направился в глубь барака.

-- Если я ему еще разок врежу, сразу перестанет требовать протокола, -- раздраженно вмешался Тамакити.

-- Нужен не просто протокол, а подробнейшая запись всего, что я буду говорить, --

сказал Коротыш, игнорируя слова Тамакити. -- Прошу вас. Если вы не запишете все самым подробным образом, они не поймут, что я хотел сделать, как не поймут и того, что сделали сами. Очень вас прошу. Когда Бой чуть не убил вас, помог вам не кто иной, как я, ведь правда? А Тамакити, помните, подстрекал Боя. Он хотел продолжать, но Тамакити, привстав на колени, размахнулся и ударил его левой рукой по горлу. Звякнув наручниками. Коротыш схватился руками за горло. Со свистом вобрав в себя воздух, он продолжал:

-- Исана, я прошу вас..

Поведение Тамакити, да и всех остальных, молча сидевших на этом суде, казалось Исана показным и неестественным. Если он не согласится выступить в качестве секретаря, они устроят еще более жестокое и отвратительное представление. Он сел рядом с Такаки, где были уже приготовлены бумага и шариковая ручка.

-- Итак, начнем, -- сказал Такаки уныло, нарочито демонстрируя, как ему надоела пустая перепалка. После возбужденных слов Коротыша его спокойная

интонация вызвала смех. Оглядевшись вокруг, Исана увидел среди гогочущих подростков солдата сил самообороны. Он сидел в стороне от других, вытянув ноги -- рядом с ним никто устроиться уже не мог. Сидел, развалившись, как сторонний наблюдатель, но его военная выправка сразу бросалась в глаза и заставляла почувствовать, насколько сильнее он нетренированных подростков из Союза свободных мореплавателей.

-- Начинаем судебное заседание в связи с изменой и предательством Коротыша, который сфотографировал военные учения Союза свободных мореплавателей и продал снимки еженедельнику, -- сказал Красномордый и, ожидая взрыва смеха, заранее покраснел, но смеха не последовало. -- Однако, -- продолжал он, -- сначала, может быть, Такаки подробно изложит, в чем преступление Коротыша?

-- Разве это не я должен сделать? -- перебил его Тамакити. -- Я -- обвинитель. По-моему, порядок ведения суда именно такой?

-- А не должны ли вы сначала спросить, признаю ли я себя виновным? -- бросил Коротыш, и по комнате снова прокатился смех. -- В детективных романах начинают с предъявления обвинения: Коротыш, признаешь ли ты себя виновным?

-- Хорошо, я спрошу, -- сказал Такаки деловито и решительно. -- Коротыш, признаешь ли ты себя виновным?

-- Признаю!

Когда Коротыш прокричал это своим писклявым голосом, раздался новый взрыв смеха. Бывший солдат тоже засмеялся -- несколько снисходительно, как зритель, присутствующий на спектакле.

-- Солдат, кажется, чувствует себя посторонним, -- тихо сказал Исана, наклонясь к Такаки; тот, скривив свое загорелое, словно обтянутое промасленной бумагой лицо, ждал, когда прекратится смех.

-- Он считает себя независимым военным советником. Его дело -- научить нас ползать по-пластунски и обращаться с винтовкой и автоматом, -- тихо ответил Такаки, постукивая красным карандашом по конверту с вещественными доказательствами -- фотографиями Коротыша. -- Мнит, будто он не чета членам Союза свободных мореплавателей. Не знаю уж, на каком основании он причисляет себя к элите. Он-то уверен, что в его лице мы получили прекрасного наставника.

-- Однако дорога назад, в казарму, пожалуй, ему закрыта. Если у него нет увольнительной, разумеется. Поступок его равносителен дезертирству.

-- Такие случаи в силах самообороны не редкость. Солдат останется здесь, пока игра его интересует, а когда надоест, преспокойно нарушит наш договор и вернется в казарму.

-- Но вряд ли он думает, будто винтовки, обращению с которыми он вас обучает, добыты законно?

-- Он еще не видел у нас ни одного боевого патрона, -- сказал Такаки. -- Ему сказано, что у американцев можно легко достать винтовки, списанные во Вьетнаме, и мы их достали, починили и используем для военной игры. Мы сказали ему это, и никаких сомнений у него не возникло.

-- Я признал себя виновным и хочу объяснить почему, -- серьезно потребовал Коротыш.

-- Зачем? Ты виновен, ты признал это, и нам больше ничего не нужно, верно? -- спросил Тамакити, обращаясь к товарищам.

-- Верно. Чего его слушать, -- сказал Бой и несколько раз стукнул прикладом об пол. -- Заткните ему глотку, заткните глотку!

-- Ах, так? Ты, Тамакити, обвинитель? Тогда скажи, на каком основании я признан виновным! И представь доказательства, -- бросил вызов Коротыш.

-- Ты... -- гневно начал Тамакити, ко, опасаясь ловушки Коротыша, сдержался и продолжал уже с меньшей горячностью: -- Ты нарушил устав Союза свободных мореплавателей. В своих подлых личных целях, из-за своего грязного честолубия ты сфотографировал учения Союза свободных мореплавателей и продал фотографии своему поганому еженедельнику. Вот в чем ты виновен!

-- ТОЛЬКО В ЭТОМ?

-- А тебе мало? Может, ты еще и своровал чего-нибудь? -- спросил Тамакити.

Слушатели или, вернее, присяжные реагировали так, будто их вдруг пощекотали. Но Коротыш, не обращая внимания на смех и издевки, перешел в наступление.

-- И на этом основании я признан виновным? -- закричал он писклявым голосом.

-- Да. Ты же сам признал свою вину, -- сказал Тамакити, возводя укрепления на случай неизвестно откуда грозящей контратаки.

-- Обвинение должно представить доказательства моей вины! Мое признание еще не может служить доказательством! Может, я все выдумал. Ты говоришь, я сам признал свою вину и, значит, виновен: но чтобы выставить себя виновным, чего не наболтаешь.

-- Нет уж, мы тебя здорово измолотили и вырвали у тебя правду.

-- Но почему ты уверен, что это правда? Признание, вырванное у меня под пыткой?

Обвинитель публично заявляет, что подверг меня пытке и силой заставил признаться, и сам предъявляет подобное признание в качестве доказательства -- да разве это суд? Вот уж не знал, что бывают такие суды.

-- Не бей! -- Такаки резко одернул Тамакити, увидев, что тот готов броситься на Коротыша.

-- Ты говоришь об уставе Союза свободных мореплавателей, но разве такой устав существует? А если и существует, где в нем статья, запрещающая знакомить посторонних с фотографиями членов Союза свободных мореплавателей? -- спросил Коротыш, обращаясь не столько к Тамакити, сколько ко всем подросткам. -- Впрочем, это не столь уж важно. Важнее другое, своим обвинением Тамакити сводит на нет значение сегодняшнего суда. Если я виновен лишь в том, в чем меня обвиняет Тамакити, то приговор, который мне вынесет Союз свободных мореплавателей за передачу нескольких фотографий еженедельнику, может быть только один -- изгнание из Союза. Я уж не говорю о том, что меня еще и избили. Если я побегу в полицию Идзу, ничего страшного вам не грозит -- вы моментально уйдете на яхте в море и утопите оружие и боеприпасы, так что у полиции не будет никаких улик против Свободных мореплавателей. Все сведется к тому, что избили фоторепортера, снявшего военную игру каких-то хулиганов. Объективно это будет выглядеть именно так, правда? Полиция может привлечь вас к ответственности только за угон автомашин. Но сможет ли она это доказать? Что же касается идейной подоплеки деятельности Союза, то никто не сможет доказать его связей с политическими группировками -- ни с ультраправыми, ни с ультралевыми! Что это значит? А вот что: Союз свободных мореплавателей существует сам по себе, не совершая ничего предосудительного, занимаясь невинной игрой, о которой теперь оповещена полиция. Если же вы хотите, чтобы полиции стало известно кое-что другое, воспользуйтесь сегодняшним судом и сами провалите свой Союз. Этого вы хотите?

Коротыш одержал победу. Поблудневший Тамакити повернулся к Красномордому, но тот потупился и отвел глаза. Царившее в комнате оживление увяло. С видом победителя Коротыш заглянул в записки Исана, чтоб убедиться, насколько тщательно ведется протокол. Потом, чеканя слова, он повторил подросткам многое из сказанного им прежде Исана:

-- Я -- Коротыш! И независимо от того, буду я членом Союза свободных мореплавателей или нет, я сжимаюсь, сжимаюсь и сжимаюсь; недалек тот день, когда мой скелет и мои внутренности будут не в состоянии выдержать давление, которому они подвергаются, и я умру. Если использовать ядерную терминологию, произойдет взрыв -- имплоужен. Я умру от взрыва, обращенного внутрь. И в тот самый день я окажусь пророком атомного века! Я первым оповещу мир о том, что человечество начало движение вспять и в теле каждого человека появились гены, направляющие его развитие и рост в обратную сторону.

У меня есть целая серия фотографий, показывающих, как я сжимаюсь, с их помощью я обращаюсь к средствам массовой информации всего мира. Только так я смогу выполнить свою миссию перед человечеством! У меня нет причин цепляться за Союз свободных мореплавателей. Вы спросите, почему на этом суде я настаиваю на своей виновности? Да потому, что я хочу в недрах Союза возвестить, к чему приведет сжатие моего тела, и поведать об этом через апостолов, которые будут передавать из уст в уста мое пророчество. Я хочу, чтобы Союз свободных мореплавателей использовал мое тело, внутреннее давление в котором беспрерывно растет, как детонатор ядерного взрыва! Чтобы, когда надо мной, виновным, свершится приговор, сквозь пламя и грохот вывести на орбиту ракету Союза свободных мореплавателей, то есть вас?

Коротыш эффектно умолк, но ответом ему было лишь неловкое молчание. Тут, видимо, он и почувствовал, что его никто не понял. Он сверкнул глазами из-под опухших век и облизнул бледным языком вспухшие, в запекшейся крови губы. Это странное, настороженное молчание точно парализовало и Коротыша, и подростков. Потом Такаки все тем же сонным голосом сказал:

-- Ты, Коротышка, все время повторяешь: вина, приговор, вина. Ладно, но каким должен быть приговор? Ты полагаешь, если мы даже признаем тебя виновным, наказание сведется к тому, что мы изобьем тебя и вышвырнем вон, не так ли? И даже если ты после этого побежишь в полицию, никакие неприятности нам не грозят; это -- твои слова. Тогда объясни, каким образом Союз свободных мореплавателей произведет твой ядерный взрыв и вознесется ввысь, как ракета? Как? Объясни нам.

Атмосфера в комнате опять стала легкой и непринужденной. И хотя кое-что оставалось еще неясным, сети красноречия, опутавшие было подростков, стали расползаться, и требовалось уже совсем немного, чтобы вновь зазвучали насмешки над Коротышом. Но он не упустил случая приостановить подобное развитие событий:

-- В тот день, когда у Свободных мореплавателей кончились боеприпасы, в сумках для фотопринадлежностей я привез динамит из нашего оружейного склада. По дороге в Токио я припрятал часть динамита в камере хранения на станции Атами, где я обедал. Думаю, этого достаточно и объяснений больше не требуется? Если Свободные мореплаватели изобьют меня и вышвырнут вон, я возьму динамит и совершу нападение на банк в Атами, потом сделаю вид, будто нападение провалилось, и взорву себя. Представляете, как безумно обрадуются этой новости в еженедельнике, которому я продал фотографии. Они немедленно опубликуют все фотографии военных учений. В этом случае японская полиция сразу же мобилизует все свои средства -- научные и политические, -- чтобы состряпать из вас опасную для общества вооруженную организацию. Не

верите? Мне-то что, я, Коротыш, взорвусь. Без мук и страданий -- что может быть лучше?

Этой своей речью он не только вернул утраченные позиции, но и перетянул на свою сторону подростков, сидевших в комнате. Даже бывший солдат, который до этого с глупым самодовольством смотрел на происходящее, не скрывая любопытства, прислушивался к его словам.

-- На этом суде я старался убедить вас в своей виновности. Зачем, как вы думаете? Чтобы заставить казнить меня, -- надменно заявил Коротыш, чутко уловив нерешительность аудитории. -- Вот почему я...

-- Все ясно, Коротышка, -- перебил его Такаки. -- У нас сейчас идет суд, не все же высказываться одному обвиняемому? Существует еще перекрестный допрос, мы должны допросить тебя. Тамакити и Красномордый представляют обвинение, я -- защиту...

-- Ничьей защиты мне не нужно! -- подскочил Коротыш.

-- В таком случае это будет перекрестный допрос с тремя обвинителями. Отвечай, Коротышка, -- сказал Такаки и поднял голову, раньше он все время сидел понурясь. -- На самом ли деле ты -- Коротыш и у тебя физически сокращается тело? Или ты, как бы это сказать, Коротыш лишь психически и вообразил, будто тело твое сжимается?

-- Ответ на такой вопрос однозначен, -- сказал, паясничая, Коротыш. -- Если я действительно сокращаюсь физически, то отвечу: да! Не так ли? Если же я больной, одержимый психической манией, то без колебаний скажу: я вовсе не сумасшедший, и я сокращаюсь физически; то есть снова отвечу: да! Верно?

-- Тогда я поставлю вопрос иначе, Коротышка. В чем истинная причина, сделавшая тебя физическим или психическим коротышкой? Мне кажется, ты до сих пор об этом ничего не сказал.

-- Конкретная причина, говоришь? Уж не значит ли это, что, будь такая причина и у вас, Союз свободных мореплавателей набирался бы из одних коротышек?

На этот раз даже Бой хмыкнул в тон Тамакити, а Красномордый покраснел до слез. Подростки же, чувствуя, что Такаки совершил промах, сидели молча, затаив дыхание.

-- Я стал Коротышом потому, что в моем организме появились гены сокращения. Именно в том, что я -- Коротыш, и состоит пророчество будущего, ожидающего все человечество!

Такаки вынул из конверта, по которому он до сих пор постукивал красным карандашом, фотографии детей, больных атрофией мышц, и бросил их Коротышу. Тот с видом победителя, сощурился, посмотрел на фотографии.

-- Я, Коротышка, и твою "речь по случаю получения премии" тоже вырезал.

Прочти ему, Красномордый.

-- "Наиболее сильным впечатлением было то, что для детей в этой больнице время течет в обратном направлении, -- читал Красномордый тонким дрожащим голосом. -- Мне кажется, я могу утверждать это потому, что каждый новый день мучений больных детей приносит в их мышцы нечто противоположное тому, что появляется в мышцах обычных детей по мере их роста. Три года назад, когда я начал их фотографировать, они могли сами ходить из дому на процедуры, теперь, чтобы добраться до лечебницы, они должны сесть в каталку, в будущем году они, наверно, не смогут без посторонней помощи встать с постели. Современная медицина не в силах остановить это обратное течение времени в организме детей. Герой одной юмористической телевизионной передачи молил: время, остановись! Не в этих ли словах заключены все помыслы несчастных детей? Множество больных детей взывает: время, остановись!.."

-- Достаточно, Красномордый, -- сказал Такаки. -- Эти слова "время, остановись!" очень подходят к твоему писклявому голосу, Коротышка. Ты что, и на церемонии вручения премии тоже изобразил на своем лице кротость и скорбь и пропищал: "Время, остановись!"?

Слова Такаки были полны ненависти. Подростки слушали его затаив дыхание. Коротыш же, казалось, погрузился в свои мысли и ничего не видел вокруг.

-- Вот почему я хочу, Коротыш, снова вернуться к тому вопросу, который ты высмеял как логическую бессмыслицу. Возможно, он был сформулирован недостаточно четко. Но его можно задать и по-другому, -- возвысил голос Такаки. -- Не правда ли, ты не сжимаешься ни физически, ни психически, просто ты -- репортер и, прикрываясь этой выдумкой, пробрался к нам, чтобы заснять жизнь Союза свободных мореплавателей? Вот как я хочу поставить вопрос... Ты со злым умыслом фотографировал нас и продал снимки еженедельнику, и если теперь Союз свободных мореплавателей не перейдет к действиям, твоим фотографиям -- грош цена. Вот ты и решил нас спровоцировать, да?

-- Отвечай, Коротыш! -- ломающимся голосом закричал Тамакити. Эти же слова выкрикнул и Бой. Крики наполнили комнату.

-- Отвечай! Отвечай! -- вопили подростки. Бывший солдат тупо уставился на Коротыша. Вокруг бушевали крики. Даже Доктор кричал с возмущением:

-- Отвечай, Коротыш!

ПОД КИТОВЫМ ДЕРЕВОМ

Коротыш молча смотрел на фотографии, похожий на загнанную крысу, мечущуюся по огромной площади, не зная, куда бежать, где искать спасения. Возбужденные голоса подростков звучали все громче. Коротыш молчал, опустив голову. Тааки снова чертил красным карандашом на конверте из-под фотографий какую-то геометрическую фигуру. Внешне он был спокоен, но по щекам, туго обтянутым кожей, расплзался румянец.

-- Сколько ты получил за фотографии в этом журнале? Отвечай!.. Небось не меньше, чем за фото голых девочек? Отвечай!..

-- Наших криков никто не услышит? -- спросил у Тааки Исана.

-- Вокруг стоят часовые. Они просматривают весь район, кроме, конечно, прибрежных зарослей, -- ответил Тааки.

Коротыш аккуратно сложил валявшиеся на циновке фотографии. В движениях его, хотя и скованных наручниками, чувствовалась профессиональная сноровка. Превозмогая боль в затекших коленях, он с трудом встал сразу на обе ноги. Весь вид его говорил об отчаянии.

-- Я действительно делал эти фотографии и получил за них премию... Но совершенно забыл о них. И сам удивился, увидев их снова.

Пытаюсь припомнить, не забыл ли уже я о них, как только начал сжиматься. Я и в самом деле потрясен, самому не верится, что можно вот так начисто забыть...

Тамакити вскочил и рукояткой альпинистского ножа ударил Коротыша по голове. Тот как подкошенный рухнул на колени, но сознания не потерял и устоял на коленях. Руки, скованные наручниками, висели плетью. Но вдруг тело его вновь обрело силу, и, как поникшая трава, напившись воды, распрямляется, так и он встал -- сначала на одну ногу, потом на другую. И без всякого страха, тяжело дыша, продолжал грустно и спокойно:

-- Я и вправду забыл об этих фотографиях; И, увидев их, был потрясен сильнее всех вас. Возможно, я, когда сам стал сжиматься, совсем упустил из виду, что, кроме меня, существуют и дети, которые тоже сжимаются. Но что это значит? Почему я забыл о них, хотя был уверен, что и после меня среди людей будут все время появляться коротыши?.. Что означает этот факт?..

Он тяжело вздохнул, и между его вспухших посиневших век показались слезы.

-- Но все равно я, Коротыш, виновен. Казните меня, -- воззвал он плачущим голосом.

Атмосфера в комнате изменилась. Бывший солдат, хотя и не особенно

тронутый стенаниями Коротыша, все же слегка расчувствовался и с туповатой прямоотой спросил из-за спин молчавших подростков:

-- А болезнь тех детей не инфекционная? Может, вы заразились, когда фотографировали их?

-- Да разве такая болезнь может быть инфекционной? -- возмутился Доктор. -- Что ты мелешь? Из-за таких дураков, как ты, и появляется дискриминация. Тупица. -- Что, что, дискриминация? -- переспросил бывший солдат, но Доктор пропустил его вопрос мимо ушей.

Подростки не питали особой симпатии к солдату, но насмехаться над ним не стали. Они, точно утратив дар речи, впились глазами в стоявшего на возвышении Коротыша.

-- Нам мало, что ты признал себя виновным, нам нужно, чтобы ты раскаялся. Очень просто. Мы будем тебя бить и подсказывать нужные слова. Или ты сам желаешь плакать и вопить: простите, простите? -- сказал Тамакити.

Ноги не слушались Коротыша, колени дрожали, но он поднялся сам, отказавшись от руки, протянутой Тамакити. Тот улыбнулся, чуть сморщив лицо.

-- Я требовал раскаяния, а Коротышка ничего не ответил, что ж, врежьте ему, но только не до потери сознания, -- сказал Тамакити Бою и еще двум подросткам, а сам выпачканной в крови ладонью наотмашь ударил Коротыша по лицу. -- Пока не ответишь, я хоть сто раз буду требовать от тебя раскаяния и бить, бить! Врежьте ему, ребята, по тридцать три раза. Сотый вмажет Красномордый... Кайся, Коротышка! Говори: я пролез в Союз свободных мореплавателей, чтобы продать еженедельнику фотографии и нажиться, я хотел совратить молодых ребят. Вот что я за личность.

-- Я признаю себя виновным. Но не в том, что ты говоришь. Ты просто хам! Сам и раскаивайся!

Не успели подростки, которым было поручено избивать Коротыша, размахнуться, как Тамакити снова ударил его по лицу.

-- Кайся, Коротышка: я пролез в Союз свободных мореплавателей, чтобы продать еженедельнику фотографии и нажиться, я хотел совратить молодых ребят. Вот что я за личность.

Один из подростков ударил Коротыша, и тот, не открывая глаз, взмахнул скованными руками, стараясь сохранить равновесие. Чтобы не закричать от боли, он прикусил губу, всю в черных струпьях и свежих ранах.

-- Кайся, Коротышка! Я пролез в Союз свободных мореплавателей, чтобы продать еженедельнику фотографии и нажиться, я хотел совратить молодых ребят...

Исана подумал, что, если Такаки уловит момент, когда чувство опустошенности, овладевшее собравшимися, дойдет до крайней точки, и

скажет: прекратите, мне противно это, -- суд над Коротышом окончится ничем. Действительно, в эту минуту Такаки, бросив взгляд на Исана, заговорил. Но заговорил как человек практичный, не позволяющий отвращению отвлекать себя от дела.

-- Коротыш утверждает, что он сжимается, нужно проверить, верно ли это, -- предложил он. -- Суд поступит справедливо, если предоставит возможность телу Коротыша таким образом свидетельствовать в его пользу. Давайте поглядим на его сжимающееся тело.

-- Верно, -- живо откликнулся Тамакити. -- Если тело у него сжимается -- значит, ладони и ступни должны быть непомерно велики. Будет несправедливо, если мы сами не убедимся: да, он сжимается.

Все оживились. Даже Коротыш, обессиленный под градом ударов и думавший лишь о том, как бы устоять на ногах. Когда Бой стал раздевать его, он попытался помочь ему. Раздевать человека в наручниках было неудобно. -- Давай разрежем рубашу, -- сказал Тамакити.

Тамакити, как хирург, оказывающий помощь при ожоге, альпинистским ножом разрезал рубашу Коротыша, от пота и крови прилипшую к его телу. Такаки опустил голову к конверту и внимательно разглядывал свой рисунок. Нагромождение геометрических фигур все больше напоминало могучий узловатый ствол с густой шапкой листвы. Скорее всего-- Китовое дерево...

-- Ты режиссер этого спектакля, Такаки, -- шепнул ему Исана. -- Но главную роль в нем играет Тамакити.

-- А может быть, режиссер -- Коротыш? Разве не он втянул меня в эту историю? Я ли не старался избежать ее? Посмотрите-ка, посмотрите. -- Такаки сказал это угрюмо, хотя взгляд его указывал только на рубашу, брюки и нижнее белье. Поднять глаза на обнаженную жертву он не желал. -- И главную роль исполняет тоже Коротыш. Причем с большим мастерством...

Коротыш стоял теперь, наклонившись вперед. Оживленный гомон подростков, когда перед ними предстал совершенно голый человек, стал спадать, и воцарилась тишина. Коротыш опустил плечи, ссутулился, выпятил живот и сложил на нем скованные наручниками руки. Казалось, он хочет скрыть под иссинячерной кожей свои могучие мышцы. Плечи, благодаря развитой мускулатуре, сильно выдавались вперед. Мышцы на боках, как две огромные ладони, охватывали тело. В них было что-то отталкивающее. Казалось, могучая мускулатура живет самостоятельной, независимой от тела жизнью.

Глядя на обнаженного Коротыша, Исана вдруг услышал, как подсознательно обращается к душам деревьев: Действительно, это тело, в котором под давлением мышц костяк сжимается и одновременно начинают отмирать сами

мышцы. И только жалкие внутренности, не сопротивляясь, пытаются вырваться наружу. Пока сознание Исана не стало противиться увиденному, его подсознание, поддерживаемое душами деревьев, уверовало в слова Коротыша и жаждало утвердиться в том, что Коротыш действительно сжимается и, более того, дошел до самого предела сжатия, за которым лежит смерть...

Тамакити повернулся к Бою.

-- Ну-ка, осмотри его как следует, -- сказал он, а сам носком ботинка, выпачканного в вулканическом пепле, ударил Коротыша в пах. Тот вздрогнул и повернулся к Тамакити, угрожающе вскинув голову, его вспухшие веки и губы были плотно сжаты.

-- Может, воткнуть ему эту штуку, Тамакити? -- спросил Бой, едва сдерживая смех, и вытащил из-за пояса заостренную на конце палку. Она была аккуратно обработана ножом, а рукоятка вырезана в виде рыбы.

-- Это -- подарок Боя на память о суде? Чтобы больше не плакать из-за того, что во сне уже дважды ничего не случилось! -- шутливо поблагодарил Тамакити -- так командующий благодарит своего гвардейца за отличную службу. Бой рассмеялся шутке, смех его подхватили остальные подростки. Тамакити ткнул Коротыша заостренным концом палки в пах. Не все сразу поняли, что это -- ложный удар. Продолжая свою игру, Тамакити медленно зашел Коротышу за спину и слегка пнул его коленом под зад. Захваченный врасплох, Коротыш шагнул вперед -- раз, другой... Тамакити присел и с силой всадил ему палку пониже спины. Тот с воплем рухнул на дощатый пол. Не умолкая, Коротыш выгнулся колесом, как креветка. С конца палки закапала кровь... Усилия Доктора остановить кровотечение были тщетны...

-- Я ничего не могу сделать, -- причитал Доктор. -- Какой ужас, с этим я ничего не могу поделать.

-- Может, все-таки удастся остановить кровь? -- подбадривал его Исана, стараясь удержать извивающегося Коротыша.

-- Все равно, я же не знаю, что у него там разворочено внутри... Ничего не поделаешь, нужно вызывать "скорую помощь" и везти в больницу.

-- Не отвезти ли его на машине в больницу в Атами?! -- крикнул кто-то.

-- Нельзя. На нашей машине мы его так растрясем, что он и ста метров не проедет, умрет! -- закричал в ответ Доктор. -- Да и вообще это не годится... Коротыш не захочет, чтобы его лечили посторонние... Нет, это не ГОДИТСЯ...

В голосе Доктора слышалось отчаяние. По-прежнему бесстрастный Тамаки все же встал, широко ступая, подошел к валявшемуся на полу Коротышу и стал разглядывать его. Потом пошел прямо к двери, властно бросив:

-- Пусть кто-нибудь заменит Исана! Вы пойдете со мной.

Двое подростков подхватили Коротыша, и Исана отполз на коленях в

сторону. Брюки его были выпачканы в крови, но чистить их было некогда. Он пошел вслед за Тааки к дзелькве, высившейся на фоне моря и стены, сложенной из вулканических ядер. Тааки -- он широко шагал, стиснув губы и устремив в землю горящий взгляд, -- вдруг повернулся к Исана. Они пошли рядом и молча дошли до пышущей жаром стены, потом повернули назад. В этот момент Тааки впервые посмотрел прямо в глаза Исана, но опять ничего не сказал. У входа в барак Тааки закричал:

-- Коротыш сам настаивает, что виновен. Просил, чтобы его казнили. Есть возражения?

Подростки молчали. Никто не хотел говорить.

-- Хорошо! -- сказал Тааки. -- Коротыш виновен. Казним его... Запомните: Коротыш получил тяжелое ранение, но произошел несчастный случай. Никто в этом не повинен. Пока каждый из вас свободен и ни в чем не замешан, верно? Вы просто очевидцы несчастного случая. Но, участвуя в казни, ответственности не избежит никто. Смерть Коротыша падет на головы всех. Те, кто не хочет участвовать в казни, могут уйти. Казнь я избрал такую: положим Коротыша у стены и каждый бросит в него камень. (Значит, тем самым способом, какой он еще ребенком видел больной во сне, подумал Исана. Он с детства смутно помнил, что в деревне у них людей казнили именно так. И должен был признать, что отныне сильнее прежнего поверил в существование Китового дерева Тааки.) Кто против, могут уйти. Но только сейчас. Тот, кто уйдет из Союза свободных мореплавателей после казни, -- предатель. По-моему, это справедливо, вспомним идею, во имя которой Свободные мореплаватели казнят Коротыша. Он умрет ради сплочения нашей команды. Согласны? Тогда собирайте подходящие камни, по одному на каждого, и складывайте посредине площадки. Позовите часовых тоже. А вас я попрошу позвать Инаго.

Исана почувствовал на себе вопросительный взгляд побледневшего солдата, на полголовы возвышавшегося над остальными подростками. Но он думал, как бы побыстрее рассказать обо всем Инаго. Он сомневался лишь, стоит ли сообщать ей правду о том, что ему показалось странным и непоследовательным в поведении бывшего солдата. Не обращая внимания на солдата, Исана выскочил на площадку и, перепрыгивая через две ступеньки, побежал вверх по вырубленной в лаве лестнице.

-- Дзин только что заснул, -- подняв голову, сказала Инаго, лежавшая рядом с ребенком. -- Он, бедняга, весь, с головы до ног, покрылся сыпью.

-- И лицо? -- точно во сне, спросил Исана, с беспокойством подумав, что у него совсем вылетела из головы болезнь Дзина.

-- Суд над Коротышом закончился?

-- Закончился, но произошел несчастный случай... Ужасное несчастье...

-- Коротышка покончил с собой? -- быстро спросила Инаго. -- Он всегда страдал от того, что сжимается, и вечно искал случая покончить с собой.

-- ...Нет, не умер еще. Ему, видно, поранили внутренности. Доктор говорит, что бессилён помочь ему, а сам Коротыш не хочет в больницу. Но если оставить его так, он умрет в мучениях. Поэтому Такаки предложил казнить Коротыша, тот и сам на этом настаивал. Никто не высказался против.

-- Коротышка и вправду хотел покончить с собой. И Такаки пытается ему помочь.

Ее спокойный, уверенный тон поразил Исана. Но широко раскрытые от страха, горящие карие глаза Инаго были полны слез. Осторожно, чтобы не побеспокоить Дзину, она поднялась с постели.

-- Такаки велел позвать часовых и тебя. Все должны участвовать в казни. И еще сказал, чтобы те, кто против, -- ушли. Но, может, тебе, Инаго, лучше остаться здесь с ребенком?

-- Нет, я пойду. Взгляну, кстати, как там мой солдат. Дзин ведь заснул, -- с непостижимым спокойствием сказала Инаго, вытирая слезы. Кончиком языка она слизывала капли с уголков губ, и их горько-соленый вкус вызывал новый поток слез.

-- Что ж, поступай, как знаешь, -- сказал Исана.

На площадке все уже было готово для казни. Солнце чуть склонилось к западу, и у стены -- она теперь, на фоне совершенно черной земли, казалась подернутой красной дымкой -- было постелено толстое одеяло, на нем, скорчась, лежал Коротыш. В трех метрах от него, став полукругом, вооруженные камнями подростки ждали начала казни; Такаки с Доктором стояли в стороне. Они смотрели, как Исана и Инаго сбегает вниз по ступенькам, лица их, как и каменная стена, были подернуты красной дымкой. Инаго, спустившись на площадку, даже не взглянула на Такаки и Доктора и, пройдя между подростками и стеной, подбежала к Коротышу. Ничуть не смущаясь его наготы -- все тело Коротыша было залито черной, как деготь, кровью, -- она присела на корточки у его головы, бессильно лежавшей на одеяле, и посмотрела ему в лицо. Он больше не стонал. Один глаз его утонул в мягких складках одеяла, другой сквозь опухшие веки смотрел в пространство между одеялом и землей. На вспухшем почерневшем лице его было написано не страдание, а скорее насмешка.

-- Коротышка, Коротышка, -- решила наконец прошептать Инаго. И, не слыша ответа, вдруг громко, словно отчаявшись, закричала: -- Коротышка, ты умер?! -- Но тот лишь беззвучно пошевелил губами.

Горящие глаза Инаго наполнились слезами;

-- Доктор, неужели нельзя ему сделать какой-нибудь укол? -- осуждающе

спросила она. Доктор потупился.

Больше она не обращала никакого внимания ни на Коротыша, ни на Доктора. Она встала и направилась прямо к солдату, который с мрачным лицом, держа в руке камень, стоял среди застывших в ожидании подростков.

-- Ты-то зачем хочешь участвовать в казни? -- спросила Инаго, и бывший солдат стыдливо выпустил из рук камень и отступил за спины подростков.

Такаки вопросительно посмотрел на Исана, выбравшего место рядом с Доктором. Но тот решительно замотал головой. Это послужило для Такаки сигналом к действию. Он поднял камень, брошенный бывшим солдатом, и, став на его место, почти без замаха, с силой швырнул булыжник. Камень попал в живот Коротыша, и тело его сложилось пополам. Тут подростки, все разом, швырнули свои камни. Коротыш задергался, потом замер и, казалось, сжался еще больше.

Такаки молча поднял с земли автомат, вынул из кармана магазин и протянул солдату:

-- Заряди.

Стоявшая рядом Инаго, задрав голову, пристально посмотрела в лицо растерявшемуся солдату. Ее полные слез глаза призывали его отказаться. Но бывший солдат малодушно отвел взгляд и зарядил автомат. Вместо Такаки его взял Тамакити и, поставив на одиночные выстрелы, передал Такаки. Тот подошел к Коротышу и, загородив его собой, выстрелил -- то ли в голову, то ли в грудь. Звук выстрела пронзил выстроившихся полукругом подростков и горячим ветром отразился от каменной стены. Такаки вздрогнул, положил у стены автомат и приказал замолкшим товарищам:

-- Нужно его похоронить. Быстро сюда четверо! Остальным -- все собрать и сматываться!

Исана посмотрел на закатное небо, предвещавшее бурю.

-- Вы ничего не заметили? -- шепнул оказавшийся вдруг рядом с ним Такаки, глядя на стаю скворцов, кружащихся над дзельквой.

Но Исана промолчал, мысли его были заняты тем, что он вроде не может управлять своим зрением и в то же время способен видеть все вокруг до мельчайших подробностей.

-- Тип здесь один побежал доносить, и мне пришлось уйти, не дождавшись конца погребения, -- продолжал Такаки, как ни в чем не бывало. --

Представляете, солдат, прихватив заряженный автомат, бросил Инаго и сбежал. Теперь нужно смыться отсюда поскорее. Хорошо бы перехватить его, пока он еще ничего не натворил...

БЕГЛЕЦ, ПРЕСЛЕДОВАТЕЛИ, ОТСТАВШИЕ

Сразу был создан отряд преследования. Было решено: пока полиция не перекроет дороги, всем группам ехать по платным шоссе. Бывший солдат удрал на мощном мотоцикле, и можно было предположить, что он изберет платную дорогу, где легче развить большую скорость. Правда, на первом же полицейском посту он мог укрыться и попросить защиты -- так что в плане погони надо было учесть и это весьма существенное обстоятельство. И удастся ли догнать мотоцикл, выехавший на полчаса раньше? Тамакити во главе группы, направившейся к Атами, несмотря на запрет, взял с собой автомат, такой же, с каким скрылся солдат, и сунул за пазуху гранату. Отговорить его от этого не удалось. Как-никак Тамакити -- ответственный за оружие. Остальное оружие завернули в одеяло и в наемном автомобиле отвезли в камеру хранения на станции Ито. Если проблема с бывшим солдатом как-то решится, оружие можно будет доставить на той же машине на оружейный склад в подвале разрушенной киностудии.

Двое оставшихся подростков облазили весь лагерь, уничтожая следы пребывания большой группы людей. Опасаясь, что вот-вот может нагрянуть моторизованная полиция, они трудились не покладая рук. Для гарантии решили не жечь мусор, а на плечах сквозь заросли кустарника дотащить его до самого конца мыса и выбросить в море, когда прилив достигнет высшей точки. Через час после захода солнца и эти подростки тоже покинули лагерь. Осененный десятками тысяч листьев персика, в которых виднелись сотни плодов, Исана провожал взглядом Такаки -- он до конца руководил действиями подростков и уехал вместе с ними. Опустив голову, Исана побрел туда, где остался ребенок, его из-за болезни нельзя было трогать с места, и девушка, брошенная беглецом. В комнате с занавешенными окнами стояла духота, и жар, исходивший от ребенка, почти ощутимо поднимался к потолку, увлекая за собой пылинки. Исана присел на корточки и посмотрел на Дзина -- лицо его, сплошь покрытое сыпью, отекло и казалось утыканным темно-красными кнопками. Сложенные на груди руки были забинтованы, чтобы он не расчесывал сыпь, -- Дзин был похож на маленького боксера. Инаго, лежавшая рядом с ним на узком кусочке матраса, ближе к окну, разглядывала обметавшую его сыпь и далее не подняла глаза на Исана. Он лег прямо на циновку, около матраса.

-- Такаки здорово разозлился, что я помогла солдату украсть автомат и бензин? -- спросила Инаго смущенно.

-- Он ничего мне не сказал, -- ответил Исана. -- Так это ты помогла украсть автомат и бензин?

-- Когда солдата попросили вынуть из автомата магазин, я стояла рядом. И сразу увидела, что он хочет сбежать и ломает голову, как это лучше сделать. Я спросила у него, есть ли в мотоцикле бензин; угадав мои мысли, он чуть не задохся от злости. Тут я ему говорю: бензин, мол, хранится там же, где и оружие. Взяли мы автомат и пошли, вроде положить его на место, а сами -- за бензином. Я, пока он наливал бак, стояла рядом и загоразивала его, чтоб никто не увидел. Потом мне пришло в голову: а вдруг бинты на руках у Дзина ослабли да замотались вокруг шеи. Сбегаю, думаю, погляжу; ну а солдата попросила подождать минутку... Вернулась, а его и след простыл. Я даже растерялась.

Печальный вздох Инаго поразил Исана в самое сердце. И ему вдруг захотелось вздохнуть, скрыв свой вздох за тяжелым дыханием Дзина.

-- Почему "растерялась"? Просто уверена была, что солдат без меня не справится, -- продолжала Инаго, обернувшись к молчавшему Исана. Потом умолкла и съежилась, затаив дыхание и как бы заново переживая минувшее потрясение.

-- Но теперь, -- сказал Исана сочувственно, -- когда солдат мчится на мотоцикле, он наверняка клянет себя, понимая, как ты ему нужна.

-- Нет, у него одна мысль: не отказал бы мотор, уйти бы от Свободных мореплавателей и добраться до Токио. Только вряд ли это ему удастся. Каждый раз, когда сзади затрещат выхлопные газы, он будет думать: в меня стреляют -- и в конце концов разобьется от страха... Будь я с ним, он мог бы не беспокоиться, что делается у него за спиной...

Инаго умолкла и всхлипнула -- так тихо, будто это заплакал Дзин, замученный сыпью.

-- Ну, до полицейского поста в Ито или Атами уж он доберется, -- сказал Исана, ощущая, как в нем поднимается ненависть к солдату.

-- Он все равно не остановится до самого Токио, -- возразила Инаго. -- Хочет вернуться в свою часть, там, мол, его защитят. Думает, если вернется с автоматом, который украли у сил самообороны, ему простят дезертирство, а начальство с полицией всегда договорится. До нашей встречи вся жизнь для него заключалась в службе, и он непременно захочет вернуться в часть.

Через некоторое время раздался шум мотора въехавшей на площадку машины, -- казалось, звук идет из-под земли. Исана и Инаго вскочили, будто подброшенные, но делать ничего не стали. Машина громко просигналила, потом послышался голос Тааки:

-- Я вернулся. Мы побоялись, как бы ребята не приняли нас за дорожную полицию. Еще обстреляют ненароком, -- это говорилось явно для Инаго.

Громко топая, Тааки взбежал вверх по ступенькам, Исана открыл дверь и, помня о светомаскировке, сразу прикрыл ее за собой, Тааки, посветив

карманным фонариком, удостоверился, что на темной веранде стоит один Исана. Помолчав, он зашептал возбужденно:

-- Черепаха, даже с опозданием пустившись в погоню, пожалуй, все равно догонит зайца. В заливе у Ито, куда загоняют дельфинов...

Такаки прибегнул к иносказаниям, щадя чувства Инаго. Исана повернулся к закрытой двери и сказал:

-- Солдат, наверно, не доберется до полиции. Его, скорее всего, прижмут к бухте и схватят.

-- Возможно, -- согласился Такаки, не таясь больше от Инаго. -- Мы примерно определили район, где он мог бы спрятаться. Тамакити с ребятами прочесывают все вокруг. Не хотите посмотреть, как идет операция? За Дзином присмотрит Инаго.

-- Все будет в порядке. Идите, Исана. Заодно проследите, чтобы Тамакити с друзьями не учинили над солдатом расправу! -- громко крикнула из-за двери Инаго.

На площадке с включенным мотором стоял новенький "фольксваген". Такаки угнал его по дороге.

-- Солдата, похоже, обуяла мания преследования -- ему кажется, что погоня перекрыла все пути, -- рассказывал Такаки, осторожно трогая с места машину -- она, угодив в глубокую колею, проложенную тяжелыми грузовиками, скребла брюхом по земле, -- потом до отказа выжал газ. -- Честно говоря, мы уже совсем махнули рукой. Да и отряд преследования был организован скорей для того, чтобы самим сразу смотаться отсюда. И вдруг чисто случайно мы открыли, где он прячется. Сперва решили узнавать у всех встречных мотоциклистов, не видел ли кто солдата на мотоцикле. Его машину, "триумф-750", не часто встретишь на японских дорогах. Уж ее-то ни один настоящий мотоциклист не проглядит. Да только никто вроде "триумфа" не встречал. На станции Атами нас уже ждала группа, перевозившая оружие в Ито. И они говорят: в закусочной, где собираются всегда мотоциклисты со скоростной автострады Токио -- Нагоя, Тамакити напоролся на какого-то типа, угнавшего мотоцикл солдата! Представляете? Тот ехал на попутных и отдыхал у развилки трех дорог -- одна как раз вела к бухте. И вдруг подъезжает солдат, загоняет свой мотоцикл в заросли, забрасывает его ветками, травой и пешком топает к деревне у бухты. Задумал, наверно, спереть на прокатной станции моторку и драпать морем. Яхтой-то он управлять не умеет. Но с лодок, если они стоят у причала, моторы снимают и хранят в сарае, вот ему и пришлось спрятаться и ждать, пока не вернутся ловцы кальмаров, а там -- стащить с их лодки мотор. Ребята решили схватить его, когда он выйдет из прибрежных кустов и подойдет к сараю; Тамакити устроил там засаду. Он на такие дела мастер.

-- Ну и ловкач же этот Тамакити, -- сказал Исана.

-- Просто места на скоростной автостраде, где собираются мотоциклисты, известны всем. А среди мотоциклистов Тамакити как рыба в воде. Я с ним и познакомился-то на сборище мотоциклистов. Тамакити с приятелем днем работали на авторемонтном заводе, а ночи напролет выделявали разные рискованные штуки на мотоциклах. Простая и очень опасная игра: ребята мчатся на полной скорости навстречу друг другу по берегу реки Тамагава -- кто раньше свернет. Игра опасная, но очень уж немудреная, и скоро она им надоела, вот они и стали искать более острых ощущений. Забавы эти продолжались обычно до утра. Но однажды игра закончилась трагически. Раньше бывали, правда, увечья, но смертельных случаев не было. Раненого оставляли всегда у больницы, а ребята держали язык за зубами, чтобы полиция не помешала их развлечениям. Подобрались как-то двое игроков -- таких, что с самого начала знали: ни один из них в сторону не свернет и они непременно столкнутся. Удерживать их никто не стал, и они с громкими криками понеслись навстречу друг другу и -- столкнулись. Разбитые мотоциклы и трупы положили у обочины дороги, и сразу же двое других ребят стали садиться на мотоциклы. Но тут... я их остановил. Разве не страшно, когда люди не в силах сдержать рвущуюся через край агрессивность и, развлекаясь этой дурацкой игрой, убивают себя. Я убедил ребят и сколотил из них первую пятерку Союза свободных мореплавателей. Тамакити был заводилой в этих играх на берегу реки Тамагава.

-- Послушать тебя, так сорвиголова -- один Тамакити, а остальные -- пай-мальчишки...

"Фольксваген" выбрался с мыса на асфальтированное шоссе и повернул к Ито. Их обогнала только одна машина, перевозящая рыбу, навстречу же не попало ни одной, будто движение по шоссе было односторонним. Хотя стояла глубокая ночь, все равно было странно, что движение вдруг прекратилось.

-- Мне кажется, слышны выстрелы, -- неожиданно сказал Такаки.

Он опустил стекло, и тугой, просоленный ветер донес до них звук выстрелов. -- Это солдат. Стреляли из автомата, -- сказал Такаки, задумавшись, но продолжая гнать машину вперед.

Вскоре они доехали до места, откуда открывался вид на цепочку огней, уходившую вдоль побережья и кончавшуюся огромным скопищем городских огней. Далеко внизу виднелась небольшая бухта, глубоко вдававшаяся в мыс, по которому они только что проехали. Маленький поселок, обращенный к бухте, был освещен с моря прожекторами стоявших на якоре рыбацких шхун. Но было светло еще и оттого, что одно такое судно горело на берегу. Покрытая сверкающей рябью бухта, охваченная с двух сторон распахнутыми руками волнорезов, напоминала разломанный пополам гранат. Тянувшаяся вдоль

побережья от дальних городских огней дорога доходила до гавани, а оттуда резко взбегала по крутому склону и вливалась в шоссе, на котором стояла машина. Косогор был весь как на ладони, освещенный фарами шедших вереницей машин. Водители ехали медленно, а то и вовсе останавливались, пытаясь разглядеть, что же творится в гавани. Машины, тянувшиеся вниз, вдоль побережья, обогнала, сверкая огнями, патрульная машина. За ней, завывая сиренами, промчалось еще несколько патрульных машин. Как только Тааки поднял стекло и медленно поехал дальше, навстречу им выскочил мотоцикл. Мотоциклист подъехал к обочине, погасил фары и повернул к ним мрачное свое лицо -- это был Тамакити. Черты его выражали откровенную жестокость человека, давшего выход распиравшей его агрессивности. Тааки остановил "фольксваген".

-- Что там за выстрелы? -- сурово, с неодобрением спросил он.

-- Тот самый автомат, с которым солдат уехал. Из него палили в море пьяные рыбаки. А еще раньше солдат, прижатый рыбаками к воде, выстрелил в себя и умер.

-- С чего это вдруг рыбаки шли облавой на солдата?

-- Я бросил гранату в рыбацью шхуну, ее как раз вытащили на берег и только что выкрасили, а сам спрятался в кустах на косогоре. Шхуна загорелась, и рыбаки стали рыскать по берегу, ища виновника пожара. Мы-то наверху были в безопасности. У солдата на плече висел автомат, и, когда его обнаружили, он, я думаю, так и не смог убедить рыбаков, что не бросал гранату.

Тамакити торжествующе повернулся к Исана:

-- В это время года рыбаки, они сами рассказывали, загоняют в бухту сотни, а то и тысячи дельфинов и убивают. Может быть, уничтожив их шхуну, я тем самым вознес заупокойную молитву по душам китов? Дельфины же -- родичи китов.

Вереница машин, подгоняемая полицейскими, пришла в движение. Лица юношей и девушек в стремительно набиравших скорость машинах, точно полосовавших своим свистом "фольксваген", исчезали одно за другим, и на них была та же мрачная жестокость, что и на лице Тамакити.

-- Если так будет продолжаться, ты, Тааки, еще час не сможешь развернуться. Подожди-ка, я задержу машины. Мне все равно нужно возвращаться, организовать группу по перевозке оружия, -- сказал Тамакити и резко вывернул мотоцикл у самой обочины.

-- Б общем, посоветовав мне съездить за вами, он избавил меня от хлопот и сам провернул всю операцию. Он, по-моему, начисто забыл о своем безобразном поведении во время суда над Коротышом, и к нему вернулась его обычная самоуверенность, правда? -- сказал Тааки с нескрываемым

раздражением и вместе с тем с какой-то странной печалью человека, ответственного за своих товарищей. -- Примитивный тип. Проблему с фотографиями, проданными Коротышом, он так и не разрешил, и тем не менее...

Такаки -- он, вопреки всему, снова обрел прекрасное расположение духа -- и помрачневший Исана всю ночь напролет мчались в машине бок о бок с молодежью, направлявшейся к морю, и в поисках молока и хоть какой-то еды добрались наконец до маленького курортного городка. Там им удалось даже купить карманный фонарь и транзисторный приемник. Такаки считал, что в связи со взрывом и автоматной стрельбой, скорее всего, останавливать и осматривать будут только машины, идущие из Идзу в сторону Токио, а не те, которые едут к оконечности полуострова. Из экстренного сообщения, переданного поздно ночью, стало ясно, что, хотя источник оружия еще не раскрыт, полиция на данном этапе считает инцидент в рыбацком поселке делом рук одного лишь бывшего солдата сил самообороны. Вернувшись с Исана на мыс, где проводились военные учения, Такаки заявил, что для благополучной перевозки оружия он должен быстрее присоединиться к слишком нетерпеливому Тамакити и его товарищам. Таким образом, рассказать Инаго о смерти бывшего солдата выпало на долю специалиста по словам Союза свободных мореплавателей,

Выйдя из "фольксвагена" при въезде на площадку, Исана увидел за черными верхушками деревьев, там, где сливались море и темное небо, начинающую розоветь белую полосу -- над морем занимался рассвет. Он должен был пойти к Инаго, оберегавшей Дзина. Но если она сейчас спит, стыдно даже подумать о том, что он разбудит ее ради того, чтобы сообщить о самоубийстве солдата. Если же она не спит и ждет его, то как невыносимо тяжело, чувствовал он, будет ему выстоять под градом заранее подготовленных вопросов...

Застыв в бессилии, точно придавленный невероятной тяжестью, Исана обратил безмолвный вопль отчаяния к душам деревьев и душам китов: Помогите, помогите мне. И по тропинке, протянувшейся от его души к душам деревьев и душам китов, проплыли призраки Коротыша и бывшего солдата, погибших, как падающие звезды. С черного неба на него опустилась сеть безотчетного страха. Опутанный ею, Исана, думая лишь о том, как бы спастись, укрыться, побежал к барaku, совсем позабыв о том, что, если Инаго не спит, он обрекает ее на долгое, тщетное ожидание. Он даже придумал оправдание своего бегства: здесь, в этом помещении, Коротыш и бывший солдат были еще живыми, значит, оно никак не связано с их призраками. Войдя внутрь, Исана лег во тьме на циновку и накрылся с головой одеялом. Лишь после этого он сбросил ботинки и положил рядом с ними карманный фонарь, транзистор и

пакет с едой.

Обхватив голову руками, скорчившись, Исана стонал, тело его дрожало. От висков к ушам потекла теплая струйка... Кровь! Кровь Коротыша? -- похолодел он, но этого не могло быть. Не распрямляясь, он высунул из-под одеяла руку и взял фонарь. Только тогда он почувствовал острую боль в правой ладони, лежавшей на виске, и понял, что стонал он от боли. Посветив фонарем, он обнаружил на ладони, у самых пальцев, рану. Из неглубокого пореза сочилась кровь. Кусты поранили его руку -- это предостережение или наказание, ниспосланное душами деревьев. Он стал зализывать порез. Вкус крови вызвал рвотный спазм в пустом желудке. Он вытер губы о плечо. О-о-ой, я ранен! Где я поранился? Меня поранили кусты! Пошла кровь, и мне больно, больно! -- жаловался он утопавшим во тьме бесчисленным душам деревьев и душам китов.

Мельком взглянув на рану, он положил руку на живот и закрыл глаза, но форма пореза и цвет его остались в памяти, и он почувствовал, что именно такие раны пойдут теперь по всему его телу. Да, так и будет -- ведь все его раны, с самого детства, очертаньями и цветом были только такими, как эта. Перебирая в памяти давние раны, он мысленно обозревал всю прожитую жизнь. В этот острейший момент своей неудавшейся жизни он почему-то вдруг разволновался из-за пустяковой царапины, начисто позабыв о страданиях своего умственно отсталого ребенка, сплошь покрытого сыпью, и притаился здесь, в бараке, пытаясь уснуть. Он пытался уснуть, сознавая, что не только был сообщником линчевателей, но и находится в том самом помещении, где совершено преступление... Неужто судьбу немолодого уже человека, оказавшегося в безвыходном положении и только что раненного снова, до конца его дней будет определять рана, полученная еще на заре жизни? Нет-нет, мне это и в голову не приходило. Нет, каждый раз, когда я, чистый и гордый мальчик, а потом подросток, ранил себя, у меня никогда не появлялось такой мысли, -- поведал Исана душам деревьев и душам китов о чувствах, пережитых им в прошлом. Потом он стал вспоминать свои раны, точно видел сон и во сне рассказывал душам деревьев и душам китов историю каждой из них. Так он заглушил страх каплю за каплей потерять всю свою кровь...

Плотно закрыв глаза, Исана начал укладываться поудобнее... Еще во сне он слышал звучание каких-то струнных инструментов. Исана разом открыл глаза и, подняв голову, стал осматриваться вокруг. Через чуть раздвинутую перегородку из кухни лился яркий дневной свет. Исчезло все лежавшее рядом с его освещенным теперь одеялом: и пакет с едой, и транзистор, и карманный фонарь. Если радио слушает Инаго, наверно, она и сама узнает о смерти бывшего солдата. А может, уже узнала...

Исана встал, дошел до двери, щурясь от яркого света, заглянул в кухню и увидел сидящую на корточках возле умывальника Инаго, она слушала стоявший прямо на земле транзистор. На ней была кофта с круглым воротом и короткими рукавами, похожая на нижнюю рубашу, и желтые штаны до колен, слишком широкие ей и потому заложенные на поясе глубокими складками. Ее соломенная шляпа с узкими полями раскачивалась, будто Инаго время от времени что-то черпала ею, кончики пальцев ее скребли землю. Она трясла головой, стряхивая слезы, а из намоченной ими пыли скатывала шарики, похожие на мух. Ослепнув от света, Исана попятился в темноту. Инаго, заметив его, встала.

-- Боитесь говорить со мной о солдате, прячетесь? Не волнуйтесь, я все услышала по радио, -- сказала она. -- Он покончил с собой и, значит, все-таки убежал от погони; это лучше, чем если б его убил Тамакити.

Холодным серебром, точно шарики ртути, блеснули слезинки; глаза за этим блеском были чуть красноватыми, будто Инаго плавала под водой с открытыми глазами. Обычно

горящие глаза ее смягчились, стали жалкими и беззащитными, и голос -- она говорила, все время стряхивая слезинки, -- был слабым и хриплым.

-- Макароны, которые вы привезли, уже сварены. Я их разогрею, а вы пока вымойтесь, Дзин не любит запаха пота, -- сказала она.

Действительно, он обратил внимание, что от тела Инаго, которое, как у всех Свободных мореплавателей, пахло обычно потом, теперь исходил чистый, свежий запах.

Снова войдя в светлую кухню, Исана увидел стиральную машину, большие старые ведра, рядом -- газовую плиту, от которой тянулся шланг к баллону под навесом барака, там висели большая китайская сковорода и кастрюля. Стоял там и необыкновенно пузатый чайник; и, хотя вся эта утварь находилась прямо под открытым небом, на ней не было ни пылинки. Рано утром Инаго, слушая по радио сообщение о смерти бывшего солдата, все привела в порядок, вымылась сама и теперь плакала, скатывая кончиками пальцев земляные шарики.

-- Вода в ведрах немного согрелась на солнце, -- сказала она, снимая с шеста для сушки белья, лежавшего прямо на комьях лавы, махровое полотенце, и протянула его Исана.

Рядом с блестящими на солнце ведрами на куске лавы лежало кругло смыленное мыло. Видимо, Инаго, ничем не загородившись, мыла здесь свое обнаженное тело. Не понимая, почему бы Исана не сделать то же самое, она выжидательно смотрела на него, широко раскрыв заплаканные глаза. Потом аккуратно собрала одежду, которую Исана, переступая : босыми ногами по раскаленной на солнце лаве, снял и разбросал вокруг, и положила в стиральную

машину. Исана зачерпнул жестяным ковшом на длинной ручке воды из ведра и вылил на голову. Вода действительно лишь чуть согрелась на солнце, и кожа, в которой пот разверз все поры, восприняла ее как удар. Вздрагивая и подвивая, как собака, он начал намыливаться. Теперь он уже не думал, что Инаго неотрывно смотрит на него, и стал тщательно, без стеснения, мылить пах. Вдруг Инаго, стоявшая у стиральной машины, сказала: -- Телом вы похожи на того японского солдата, который долго скрывался на Филиппинах, -- я его видела по телевизору. С тех пор как Исана начал свою затворническую жизнь, у него исчез жирок, появились упругие очертания мышц, и тело стало неказистым, но крепким, как у чернорабочего. Однако сам он нисколько не задумывался сейчас над тем, какое впечатление производит его тело... Вся его одежда, замоченная в машине, была покрыта обильной пеной, и ему не оставалось ничего другого, как, обмотав бедра полотенцем, сесть на солнцепеке на вулканическое ядро и греть охлажденное водой тело. Когда он уселся, опустив плечи и сведя колени, и глянул вниз, на ноги, то увидел, что между набрякшими пальцами чернеет грязь. В этой неудобной позе он ел макароны, политые консервированным мясным соусом: ну точно; пострадавший от стихийного бедствия. А Инаго, как внимательная сиделка, ухаживающая за пострадавшим, дала ему миску мясного бульона. Хотя внутри Исана еще ощущал озноб, тело снаружи нагрелось до боли, особенно накалился затылок. Он прикрыл голову ладонью и в такой комической позе, уткнувшись лицом в миску, пил бульон.

-- Могу дать добавки, -- сказала Инаго, когда он выпил все до дна, но Исана так наелся, что ему даже стало не по себе, и он замотал головой, раскалившейся на солнце.

-- Вы ели так жадно, вот я и подумала, не захотите ли добавки. Привыкли, наверно, есть быстро потому, что давно живете вдвоем с Дзином -- без чужих глаз. Хотя Дзин ест медленно, -- сказала Инаго. -- Нужно отнести ему бульона и молока, вы мне поможете? У него обметало сыпью даже рот, есть сухие макароны ему, я думаю, будет больно.

-- Может, мелко крошить их в бульон? Дзин больше всего на свете любит макароны.

-- Я так и сделала, -- сказала Инаго.

Исана еще раз полил голову водой, поправил обмотанное вокруг бедер полотенце, надел ботинки на босу ногу и с кастрюлей бульона в руках пошел вслед за Инаго, тащившей огромный чайник с вскипяченным молоком и посуду.

Дзин не спал. Он лежал посредине матраса и, сощурясь, смотрел в потолок. Сыпь сплошь усеяла его веки до самых ресниц, высыпала даже в ушах. Руки и ноги, торчавшие из-под белья Инаго, надетого на него вместо пижамы, были

обметаны сыпью. Но кожа нигде не была расчесана. Исана схватил обмотанные бинтом пальчики Дзина -- свидетельство его детского долготерпения. Он узнал отца, но в сонных от жара глазах его отразилось недовольство, и Исана тотчас отнял руку.

-- Дзин, Дзин, ты крепись. Дзин будет крепиться, -- шептал Исана, но Дзин и не пытался ему ответить.

-- Пожалуй, сыпи больше не прибавилось, -- сказала Инаго. -- Да и прежняя вроде побледнела. Ветрянка твоя, Дзин, пошла на убыль. Ну, поднатужься и съешь суп. Дзин будет есть суп с макаронами?

Вздутые от сыпи, пересохшие губы сына чуть шевельнулись. Исана не уловил, отказ ли то был или согласие. Но Инаго, сразу поняв больного ребенка, сказала мягко;

-- Ну что ж, Дзин, не хочешь супа -- не надо. Давай попьем молочка.

Поддерживая малыша за шею, осторожно, чтобы не содрать крупные зерна сыпи, притаившиеся, как солдаты в засаде, Инаго приподняла его голову и стала поить молоком из ложки.

-- Вот Дзин и выпил молочка. Умница. Доктор ведь говорил, у тебя и в животике тоже сыпь, помнишь? Теперь там разлилось молочко. Умница, Дзин, -- говорила Инаго, вливая ему в рот вторую ложку и стараясь не касаться сыпи, обметавшей губы.

Когда Инаго, уговорив ребенка выпить четыре ложки молока, снова опустила его голову на матрас, он едва заметно вздрогнул, тихо вытянул по бокам лежавшие прежде на груди забинтованные руки и размеренно задышал. Инаго, подняв на Исана все еще красные от слез глаза, сказала:

-- Он, даже если задремлет и вроде обо всем забывает, никогда не расчесывает сыпь. Во сне и то не расчесывает. Вот пройдет у него ветрянка, и он снова станет нашим красавчиком Дзином.

-- Это твоя заслуга. Заболей он ветрянкой, когда мы были вдвоем, расчесал бы небось ногтями всю свою сыпь, -- сказал Исана. -- Я и не думал, что ты такая прекрасная сиделка...

-- Когда Свободные мореплаватели выйдут в море, я буду и коком, и медсестрой. А может, пока Дзин спит, разденемся и позагораем на морском солнце? Ведь здесь, на вершине мыса, взморье ничуть не хуже, чем внизу, правда?.. По радио говорили, что, когда рыбаки настигли солдата, туда понаехало видимо-невидимо народу на автомобилях и мотоциклах, катили всю ночь напролет -- искупаться в море. Разве можно отдать море на откуп этим людям? Как-никак мы -- Свободные мореплаватели.

Инаго, взяв в углу комнаты две свернутые циновки, выбросила их за окно, стараясь попасть на площадку внизу. И сразу сдернула рубаху, оставшись в

одних желтых штанах до колен, нахлобучила узкополую соломенную шляпу и, накинув на нее махровое полотенце, выскочила из дому. Перед Исана мелькнуло ее тело, тугое, обтянутое кожей с самой малостью жира, и торчащая вперед грудь с необычно длинными цилиндриками сосков. Она была гораздо светлее остального, смуглого от загара тела и казалась необыкновенно мягкой, податливой.

Постелив циновки узкой стороной к тени, лет жавшей под стеной из вулканических ядер солнце уже перешло зенит, -- Инаго легла на одну из них, спрятав в тени голову. Исана прихватил ковш с водой и поставил его между циновок. Потом лег на спину, полив сначала голову водой. Из приемника, который Инаго установила на выступе стены, лилась музыка. Вдруг раздались сигналы поверки времени. Долгая жизнь в убежище отучила Исана интересоваться точным временем, и он проспал их. Но, услышав начавшиеся после сигналов последние известия, сразу проснулся. Инаго тоже слушала, откинув назад голову, словно плыла на спине. Диктор сообщал, что самоубийство солдата, случившееся прошлой ночью, вызвало широкий резонанс и привело к чрезвычайному запросу в парламенте. Покончивший с собой солдат сил самообороны без всякой, как считали его товарищи, причины неожиданно покинул казарму, не взяв ничего из вещей, и больше не вернулся. Он был вовсе не из тех, кто имел политические расхождения с правительством, напротив, как положительный молодой человек, осознавал необходимость национальной обороны. Автомат, из которого он застрелился -- образец 64, калибр 7,62 миллиметра, -- находится на вооружении сил самообороны и числится украденным. Граната, брошенная солдатом перед самым самоубийством, похищена, вероятно, с американской базы на Окинаве. Предполагают, что в самом скором времени обнаружатся связи солдата с левыми экстремистами. Перечисляем основные инциденты, случившиеся в этом году по вине экстремистски настроенных студентов с применением оружия и взрывчатки...

-- Такаки, если только он слушает эту передачу, совсем небось нос повесил, -- сказала Инаго, когда снова началась музыка, и вздохнула, будто ее сморил зной. -- Ведь он, создавая Союз свободных мореплавателей, не хотел связываться с политикой. Люди, обожающие политику, либо уже стоят у власти, либо придут к ней завтра. Закон и сила всегда за них. А на нашей стороне ни закона, ни силы, и чтобы нас не перебили под шумок, мы должны бежать в море. У нас у всех есть опыт насилия, и мы знаем: те, на чьей стороне закон и сила, рано или поздно расправятся с нами, прибегнув к насилию. Нам нужно поскорее бежать в море. Бой ревниво хранит тайну штаба нашего Союза -- помните, где стоит половина корабля, -- и хотел убить вас только за то, что вы

посторонний, из-за вечного страха, как бы люди, на чьей стороне закон и сила, не отняли наш корабль. Палуба, мачты и надстройки настоящего судна были для нас залогом того, что Свободные мореплаватели в конце концов займут свой корабль. И вправду, на оснащенном корабле Свободные мореплаватели могли бы сразу выйти в море. Такаки решил, что весь экипаж откажется от японского гражданства. Он узнавал, вроде бы конституцией такое право предусмотрено?

-- Статья двадцать вторая...

-- Тогда мы стали бы гражданами страны Свободных мореплавателей и смогли жить, не боясь, что кто-то нас уничтожит. Мы будем спокойно плавать по морям, никак не завися от людей, на чьей стороне закон и сила.

-- Но вы ведь в любом уголке мира можете подвергнуться нападению со стороны тех, в чьих руках сила и закон? -- Вот потому-то Тамакити и запасал оружие. И у всех был немалый опыт насилия. Но в конце концов нас все равно захотят уничтожить, поэтому мы загрузили корабль динамитом, чтобы в любую минуту можно было его взорвать. Ведь сообщив мы по радио жителям побережья, что мы зажаты в кольцо и у нас один только выход -- взорвать себя, люди, конечно, снабдили бы Свободных мореплавателей пищей и водой и выступили против полиции и морских сил самообороны. Люди на земле проникнутся к нам симпатией. Так говорит Такаки.

-- Возможно, все так и будет, -- согласился Исана.

-- Мы обратимся к людям по радио, но вовсе не собираемся связываться с теми, на чьей стороне закон и сила. У нас ни с кем нет ничего общего. А если в море выйдет еще один корабль с людьми, которые думают так же, как Свободные мореплаватели, мы встретимся с этим судном, но... Говорят, если люди с какими-то политическими взглядами совершат даже бредовые действия, они все равно приведут в движение множество шестеренок; значит, и бредовые действия имеют свой смысл. Такаки ненавистна эта мысль. Действия Свободных мореплавателей, пусть и бредовые, не приведут в движение никаких шестеренок. Союз свободных мореплавателей -- чуждый всему организму нарост, так говорит Такаки.

-- Нарост? Но как добиться, чтобы люди примирились с существованием этого нароста? -- спросил Исана. -- Безразлично, удастся ли Свободным мореплавателям выйти в море...

-- Если Коротышка в самом деле сжимался, через него можно было бы передать всем людям, что Союз свободных мореплавателей точь-в-точь как нарост. Интересно, что за человек был Коротышка? Сжимался он или нет?..

Исана и Инаго лежали сейчас на земле, политой кровью Коротыша. Они поежились от этой неприятной мысли. У самого уха Исана что-то тихо зашуршало. Он поднял это "что-то", положил на ладонь и, щурясь на горячем,

ярком солнце, сверкавшем с голубого неба, стал изучать. Это был засохший уже, но совсем недавно опавший лист дикого персика. Взяв его большим и указательным пальцами, Исана посмотрел сквозь него на небо. На листе ярко выделялись желтые пятна. Пржилки расчертили его густо-зелеными толстыми линиями, яснее проступавшими к краям, -- прожилки были мясистее высохшей пластины листа. Исана ежедневно наблюдал листья деревьев. Сейчас он снова подумал, что еще в незапамятные времена лист подсказал человеку форму корабля. В таком случае человек благодаря дереву, как образу и как материалу, встретился с китом, -- сказал Исана, обращаясь к душам деревьев и душам китов.

-- Если б Такаки раскрыл все планы Свободных мореплавателей, солдат сбежал бы в первый же день, -- сказала Инаго, перевернувшись на живот.

Скосив глаза, Исана снова увидел блестящую от пота, точно смазанную маслом, грудь девушки. В том месте, где груди сходились, кожа чуть морщинилась и призывно розовела молодостью девичьего тела. -- Так что огорчаться из-за бегства солдата -- не случись, конечно, всего, что было потом, -- не стоит. Да и умер он, так и не пойманный Свободными мореплавателями, а значит, до конца действовал по собственной

воле...

Инаго замолкла и улыбнулась своими покрасневшими глазами, заметив внимательный взгляд Исана, обращенный к ее груди. Улыбнулась впервые после бегства солдата. Раньше, даже подбадривая Дзийя, она не улыбалась.

Глава 16

ВСПЫШКА ЧУВСТВЕННОСТИ (1)

Поздно ночью Дзин, не издавший ни стоны с тех пор, как заболел ветрянкой, вдруг жалобно заплакал, словно почувствовал, что его страдания достигли высшей точки. Вытянув в темноте белые, в бинтах, ручки, он изо всех сил двигал ими, стараясь ухватиться за что-то невидимое. Исана наблюдал за ним в мерцающем лунном свете, проникавшем через окно -- ставни оставались открытыми. Наконец Инаго, спящая рядом с Дзином, приподнялась -- верхняя часть ее тела была, как и утром, обнажена, -- взяла в свои ладони дергающиеся ручки ребенка и в порыве нежности прижала их к груди. Наутро сыпь побледнела и стала сходить. Проснувшись, Дзин тихо сказал: -- Это дрозд.

-- Ой, Дзин, да ты совсем здоров, -- бодрым голосом откликнулась Инаго, и Исана, услышав ее слова, испытал огромную радость.

-- Наверно, уже можно возвращаться в Токио?

-- Нет, как бы не содрать нарывы. Думаю, лучше ему побыть здесь еще

денька два, -- ответила Инаго. -- Я чувствую, в Токио ничего хорошего нас не ждет...

Она говорила подавленно и мрачно, но весь ее вид со сведенными коленями и распрямленной спиной казался вызовом какой-то грозной и страшной силе. Быстро надев кофту, она застегнула пуговицы и выбежала из комнаты -- приготовить Дзину еду.

Потом, вся светясь радостью, Инаго принесла неизменные макароны, политые консервированным соусом. И Дзин спокойно и размеренно съел огромную порцию -- Исана ни разу не видел, чтобы он съедал столько макарон. Затем он выпил много воды, Инаго обтерла его вспотевшее тельце, и он снова лег на матрац, который, пока он ел, проветривался на солнце. Дзин удовлетворенно вздохнул и, улыбнувшись, посмотрел сперва на Инаго, потом на Исана. Он снова слышал голоса множества птиц и сообщил:

-- Это синий соловей... Это сэндайский соловей.

И сразу заснул глубоким сном... -- Он и впрямь здорово разбирается в птицах, -- восхищенно сказала Инаго.

В голосе ее звучало явное благоговение, вряд ли объяснимое только голодом и усталостью. Но голод, испытываемый Исана, помог ему глубже проникнуть в смысл ее слов. Оставив спящего Дзина, они сошли вниз, приготовили еду и, сидя на кусках лавы, поели. Потом снова отправились загорать, но солнце припекало сильнее вчерашнего, и они облили друг друга водой с головы до ног. Боясь разбудить Дзина, оба не проронили ни слова. Покрытая легким загаром, блестящая, упругая кожа Инаго, казалось, радостно поглощает солнечные лучи, а кожа Исана, надолго замуровавшего себя в убежище, покраснела от ожогов и вздулась волдырями,

В конце концов им пришлось вернуться в барак и немного остыть. Там, в полутьме, вдыхая запах пота друг друга, они вдруг уловили еще одну, новую причину их бегства в барак. И все более запутывавшийся узел их чувств одним махом разрубила Инаго, спросив:

-- Может, переспим?

-- Да, -- ответил Исана с признательностью застенчивого человека.

Сверкнув белками широко раскрытых глаз, Инаго накинула на голову полотенце и выбежала из барака посмотреть, что делает Дзин.

"Может, переспим", -- повторил про себя, улыбаясь, Исана. Это не была самодовольная улыбка, но все же он сразу перестал улыбаться, забеспокоившись, а вдруг ничего не получится? Он так давно не знал женщины.

-- Дзин крепко спит. Ведь во время болезни он почти совсем не спал, -- сказала, вбегая, запыхавшаяся Инаго. Девушка разделась, и Исана увидел, какая она соблазнительно стройная.

-- Я давно не знал женщины, и в первый раз у нас, наверно, ничего не получится. Но потом все будет в порядке.

На лице Инаго появилось какое-то неопределенное выражение, и Исана устыдился своих оправданий...

-- Вот видишь, -- сказал Исана.

-- Что "видишь"? Мне было очень хорошо, -- ответила Инаго.

-- Правда? А я подумал...

Инаго потупилась и тихо засмеялась. Исана грустно улыбнулся. Прижавшись снова к ее телу, покрытому капельками пота, он понял: лучшее, что приносит физическая близость, это ощущение родства двух людей.

-- Ты говоришь "хорошо". В этом слове заключен слишком общий смысл, -- заговорил он.

Широко открытые глаза Инаго, когда она подняла голову, лежавшую на его груди, затуманились. Наверно, она старалась соотнести его слова со своими собственными ощущениями.

-- Возможно... -- сказала она, пристально глядя на него и не опуская голову.

-- Может, у тебя этого раньше вообще не было?

-- Нет, почему же...

-- Наверно, было, но не по-настоящему.

-- Наверно, -- рассеянно сказала Инаго. -- Какой вы все-таки ласковый. Казалось бы, вам-то какое дело?

-- Ты не права. Это всегда касается обоих. Как ты могла спать с солдатом, думая, что ему нет до этого никакого дела?

Инаго молчала. Подняв голову, Исана увидел в ее глазах слезы.

-- Противно... Противно, когда вспоминаю, как обманывала солдата, -- сказала она дрожащим голосом. -- Но он так старался, и я не могла не обманывать его, а на самом деле ничего не было. Противно...

Она всхлипывала. Снова взглянув на нее, Исана прочел в ее глазах, вымытых слезами, желание...

В тот день они заснули, тесно прижавшись друг к другу. Они спали в одной комнате с Дзином, Исана чувствовал, что между ними возникла прочная близость.

Хотя кризис миновал, болезнь Дзина не позволяла еще дня три-четыре везти его поездом в Токио. Поэтому Исана и Инаго вынуждены были оставаться на месте. Они любовались деревьями и кустами, мечтали, лежа на солнцепеке, предавались ласкам. Они собирали и ели спелые плоды дикого персика. Наполнив ведро свежей водой и поставив его в прохладное место, они охлаждали в нем персики. Инаго удивлялась и потешалась, глядя, как серьезно и обстоятельно Исана ест плоды дикого дерева.

Обращаясь к душам деревьев и душам китов, Исана размышлял о двух предметах. Одним из них была смерть. Он боялся, что его близость с Инаго, которая, как он надеялся, будет расти, вдруг прекратится -- он теперь страшился смерти. И в его мозгу, воспаленном жаром и любовью, воскресали точно вызванные страхом смерти слова харис биайос (насильственная ласка) смерти, запомнившиеся еще с тех пор, когда он занимался древними языками. Раньше Исана уже говорил Такаки и думал именно то, что говорил: я с удовольствием приму смерть; другой радости у меня, замкнувшегося в убежище, нет и быть не может... Но теперь у него действительно появилось предчувствие, будто он, обессилев, будет застигнут харис биайос смерти. Это предчувствие возникло в связи с насильственной смертью Коротыша и бывшего солдата. Оно питалось страхом, что его неожиданно уничтожат как раз в тот момент, когда он в качестве учителя будет вести занятия чувственного возрождения. Если бы мне удалось по-настоящему воскресить эту девчонку, -- зывал Исана к душам деревьев и душам китов, с досадой сознавая свое бессилие. О Дзине он совсем перестал думать...

Вторым объектом его размышлений была дальнейшая деятельность Союза свободных мореплавателей. Эта девчонка не мыслит своей жизни без Союза свободных мореплавателей, и если я не продумаю всего, что касается их планов, более конкретно и реально, то не смогу отблагодарить ее даже за ту серьезность, с какой она относится к нашей близости, -- беспомощно зывал он к душам деревьев и душам китов. -- Я получил от нашей близости колоссальное наслаждение, но сам доставить ей такое же наслаждение оказался не в силах.

Он даже выработал для Союза свободных мореплавателей смелый план, который раньше, когда он укрывался в убежище, ему и в голову бы не пришел. Придумал реальный способ заполучить корабль, достаточно большой, чтобы плавать в открытом море. Решено: он потребует у Наоби раздела наследства Кэ и на свою долю приобретет корабль. Разве нельзя осуществить раздел заранее, еще при жизни Кэ? Если Наоби или умирающий Кэ спросят, зачем мне вдруг потребовался корабль, скажу, что я собираюсь уйти в плаванье, которое обдумал до мелочей за долгие годы, проведенные в убежище, -- ведь надо же защитить самых крупных млекопитающих, которым грозит полное истребление во всех морях и океанах. Наоби, несомненно, ухватится за это предложение, рассудив, что и для ее предвыборной кампании будет гораздо полезнее сообщение о том, что Исана и его товарищи отправились в морской поход защищать китов, а не сидят в своем атомном убежище. И впрямь, выйдя в открытое море, Исана мог бы на более близком расстоянии общаться с душами китов, а Дзин пополнил бы свою память голосами морских птиц...

Возвратившись в Токио и спускаясь по обрамленной высокой травой дороге,

идушей из города на холме в заболоченную низину, Исана и Инаго вдруг увидели нечто неожиданное.

-- Союз свободных мореплавателей горит! -- закричала Инаго так громко, что уставший Дзин вздрогнул от испуга...

Перед их глазами, привыкшими к высокому небу над мысом, расстилалось затянутое облаками небо, такое низкое, что, казалось, до него можно было дотянуться рукой; и это небо подпирали огромный столб дыма, поднимавшийся из развалин киностудии. У его пылающего прозрачно-красного основания низко стелилась ярко-багровая пена. В лучах закатного солнца заболоченную низину, устланную густым ковром травы, все больше заволакивало дымом. Но, возможно, горел лишь один, ближайший к ним павильон киностудии.

Наверно, его снесли, а обломки сгребли бульдозером в одно место -- подальше от остальных построек; крупные деревянные детали увезли на лесосклад для продажи, а мелочь подожгли. По обеим сторонам пылавшего костра симметрично стояли два бульдозера, словно символы замысла людей, ответственных за ведущиеся здесь работы; когда костер стлался по ветру, за ним можно было рассмотреть стену уцелевшего павильона.

-- Наверно, команда Союза свободных мореплавателей арестована, а тайник разрушен? спросила Инаго.

-- Вряд ли, зачем так бездумно уничтожать место преступления? -- сказал Исана.

Глубокое беспокойство, охватившее Исана и Инаго, передалось Дзину, которого они держали за руки. Вид его напомнил Исана еврейского мальчика с поднятыми вверх руками из какого-то документального фильма -- его отправляли из гетто в концлагерь. У входа в убежище их напугала еще одна неожиданность. Пытаясь отпереть дверь ключом, они обнаружили, что она закрыта изнутри на цепочку. Но открыли ее вовсе не засевшие в засаде полицейские, а Тааки, Тамакити и Красномордый, и страхи тут же рассеялись. Войдя в прихожую, Исана и Дзин от усталости и пережитого потрясения не проронили ни слова. Голова Тамакити, поднявшегося на несколько ступенек винтовой лестницы и облокотившегося на перила, казалось, была где-то очень высоко. Красномордый, снявший цепочку, стоял на бетонном полу босиком. Торчавший напротив него Тааки повернулся к ним худым профилем -- у всех троих был такой вид, будто они вышли не встретить их, а возвести перед ними живую баррикаду и не пустить в дом.

-- Мы забрались на балкон, разбили стекло и влезли сюда. Стекло можно вставить, это чепуха, -- сказал Тааки, по-прежнему не глядя на Исана. -- Вы небось видели пожар? Тайник Союза свободных мореплавателей разрушен, вот и пришлось нам перебираться в другое место... Главное -- нужно было срочно

перевезти оружие.

-- Уложу-ка я Дзина, ему надо отдохнуть. Нечего болтать попусту, -- резко перебила Инаго, разула ребенка и, обняв его, повела в комнату мимо Красномордого и Такаки.

-- Инаго -- неустрашимый воин, -- произнес Тамакити, но ирония его была лишь попыткой скрыть смущение. Красномордый поднял к нему лицо -- совсем пунцовое, это видно было даже в полутемной прихожей, -- но ни он, ни Такаки ничего не сказали. Исана подумал: видимо, остается еще что-то нерешенное, о чем они хотят поговорить. Расположившись в комнате, они молчали по-прежнему, ожидая, пока Инаго принесет Дзину печенья и воды. Наконец Такаки заговорил:

-- Союз свободных мореплавателей убрал из тайника людей и оружие. Около нашего корабля в съемочном павильоне остался один Бой. В этом вся проблема. Он по своей воле ни за что не покинет корабль.

-- Понятно. Но как можно было оставлять там одного Боя, он ведь совсем ребенок? -- вспыхнула Инаго.

-- Бой влюблен в корабль. Мы ничего не могли с ним поделать, -- сказал Такаки смущенно. -- В Союзе свободных мореплавателей никто никому не может приказывать. Если он принял решение, мы не вправе сказать ему: нет, не делай этого..

-- Но ведь павильон, где он прячется, сносят и жгут?

-- Нет, до нашего тайника еще не добрались, -- сказал Красномордый. -- Они начали с другой стороны. Мы наблюдали в бинокль. Сейчас они ничего не сносят, только сжигают обломки. Больше они сегодня ничего, наверно, делать не будут.

-- Но завтра опять начнутся работы? -- не сдавалась Инаго. -- Когда у Боя над головой станут все рушить и жечь, он же сойдет с ума. Почему вы не привели его сюда? Может, подобраться ночью со стороны реки и поговорить с ним? Нужно обязательно вытащить его оттуда...

-- Бой забаррикадировался в подвале и полон решимости выдержать любую осаду, -- сказал Тамакити. -- Сидит там с позапрошлой ночи.

-- Значит, он там второй уже день один? Слышит, как за стенами все рушат и кромсают... -- Инаго тяжело вздохнула. -- Слышит рев пламени... Еда-то хоть у него есть?

-- Мы оставили ему все, что было в холодильнике, -- сказал Такаки.

-- Я схожу туда сегодня, как только прекратятся работы. Я должна убедить Боя уйти. Хорошо еще, если он не сошел с ума, ведь вокруг все горит... А с водой как? Водопровод ведь, наверно, отключен? Значит, в темном павильоне нет ни капли воды. Как он там, бедный, один?..

-- Все это не так просто, -- перебил Инаго Красномордый. -- Когда мы выносили имущество Союза свободных мореплавателей, рабочие нас заметили и, видно, заподозрили, что мы что-то своровали. Вчера они привезли передвижной вагончик и оставили на ночь сторожа. Если мы подадим Бою сигнал, сторож заметит. Мы-то, конечно, убежим, но Бой все равно останется взаперти.

-- Придется ждать, пока сам вылезет, другого выхода нет, -- сказал Такаки. -- Я думаю, он был уверен, что мы присоединимся к нему. Но мы ушли и не вернулись, и сейчас он, наверно, злится. Сидит в темноте и распаляет себя: бросили, мол, одного. Поэтому у тебя, Инаго, все равно ничего не выйдет. Бой сейчас зол на всех.

-- Он считает, что в глубине души все мы к нашему кораблю относились несерьезно и бросили его не задумываясь, -- сказала Инаго. -- Что он решил все-таки делать дальше?

-- Перед нашим уходом он попросил меня проверить мотор бульдозера, -- сказал Тамакити, по своему обыкновению до сих пор не проронивший ни слова. -- Того самого, что стоит в павильоне. Свалить бульдозером на головы любопытных горы мусора, если они попытаются проникнуть в павильон со стороны реки, -- этот план всегда очень нравился Бою. Может, он держится потому, что ему было видение: если дело дойдет до крайности -- развернуть бульдозер и пойти в атаку?

-- Тамакити! -- ухватился Такаки за его последние слова. -- Почему ты нам до сих пор этого не рассказал? Почему молчал?

-- Я думаю, Бой имеет право поступать так, как считает нужным, -- парировал тот. -- Ты же сам говорил, что Союз свободных мореплавателей не контролирует своих членов, в отличие от политических организаций.

-- А может, ты сам, Тамакити, и приказал Бою забаррикадироваться? Или намекнул ему на это? -- спросила Инаго с возмущением. -- И оружия не надо бы ему давать.

-- Морской бинокль я ему оставил. Но чего вдруг я стал бы давать оружие, а его у нас совсем мало, такому младенцу, как Бой? -- усмехнулся Тамакити.

-- Вряд ли Тамакити оставил Бою винтовку или гранаты, -- сказал Красномордый, решивший с обычной для него прямоотой высказать идею, которая давно у него зрела. -- И украсть что-нибудь заранее Бою тоже вряд ли удалось -- винтовки и гранаты хранились очень строго. Конечно, может, строгость нужно еще усилить... А вот как с динамитом? Взять пару шашек динамита и спрятать в рубке корабля ему ничего не стоило. Это меня беспокоит.

-- Что ж, вполне возможно, -- сказал Такаки с усмешкой, никому, впрочем, не адресованной.

-- Чем болтать попусту, сделали бы хоть что-нибудь. Что скажешь, Такаки? Уже два дня Бой сидит один взаперти. Может, он там с ума сходит?

-- А сидя здесь и каждую минуту ожидая, когда рабочие начнут крушить корабль, он не

сходил бы с ума? Уж лучше ему быть рядом с кораблем, -- сказал Тамакити. -- Мы же это решили еще позавчера, когда уходили оттуда. Без конца менять решения тоже не годится... А если утром начнут рушить наш павильон, пойдем и вытащим Боя оттуда, раньше чем его схватят рабочие.

-- Верно, -- сказал Такаки, теперь уже стараясь скрыть насмешку. -- Мы разрешили ему забаррикадироваться. А теперь сделаем, как предложил Тамакити. Ты согласна, Инаго?

Такаки сказал это резко, напугав Дзина, который пил воду, сидя на коленях у Инаго. Он повернулся к ней и поднял на нее глаза, вокруг которых остались еще черные точки.

-- Хорошо, -- сказала Инаго, опустив на Дзина потускневшие глаза. -- Когда Свободные мореплаватели принимали решение, меня здесь не было, теперь ничего не поделаешь... Пойдем, Дзин, готовить ужин. Пойдем на кухню и будем готовить ужин.

-- Да, будем готовить ужин, -- радостно ответил Дзин.

Такаки обратил не то вопрошающий, не то вызывающий взгляд на Исана, не принимавшего участия в споре.

-- Может, понаблюдаете из бойницы в рубке? -- сказал он. -- У вас ведь богатый опыт обращения с биноклем.

Они поднялись по винтовой лестнице. Свободные мореплаватели, пояснил Такаки, решили использовать третий этаж как рубку или свой новый штаб, вместо старого -- в подвале павильона. Между кроватями Исана и Дзина стояла рация -- приемник и передатчик, мощный микрофон и прочее оборудование, которым, видимо, оснащается рубка корабля. На стене, обращенной к заболоченной низине, между бойницами, был наклеен лист бумаги, где рукой Исана была написана по-английски первая страница из Достоевского.

-- Я вижу, нам с Дзином придется освободить помещение. Отнесите тогда наши кровати на второй этаж, в комнату рядом с ванной, больше нам ничего отсюда не нужно, -- сказал Исана.

Взяв бинокль -- Такаки с товарищами заранее положили его на пол возле бойницы, -- Исана начал осматривать развалины киностудии. Линзы застилала сиреневато-красная дымка, висевшая над развороченной землей: Исана показалось, будто у него начался приступ морской болезни. Он стал медленно водить биноклем из стороны в сторону, наконец в поле его зрения попал огромный костер. Пламя било из очагов, разбросанных по большой территории.

Скорее всего, огонь бушевал в вырытой траншее. Перед этим мощным, но невысоким пламенем красной тенью шел человек. Неизвестный, прорвавшийся сквозь частокол огня, был в трусах, голову он обмотал куском материи, оставив щель для глаз. Кое-где проглядывало черное, точно обожженное тело. Казалось, силуэт его колыхнется в поднимающихся волнах теплого воздуха, словно плывет в багровой воде. Потом фигура исчезла, и следом появились еще две, тоже закутанные в куски материи и такого же сложения. Они пытались пробиться сквозь огонь, но вдруг исчезли. Наверно, слились с темным небом и дымом.

-- Здоровые ребята. Если Бой затеет драку, худо ему придется, -- сказал Исана печально.

Такаки обиделся за товарища.

-- Посмотрите, какие у них мускулы. Силачи как на подбор, верно? Днем нарабotaются, а вечером ходят еще в гимнастический зал. Сила-то есть у них, но тупая. Если бы Бой захотел убежать, это ему ничего бы не стоило. Что там еще видно?

-- Ничего, -- сказал Исана. ~ и Тамакити и Красномордый отнесли вниз кровати Исана и Дзина и все лишние вещи, получив наконец возможность превратить комнату в настоящую рубку Свободных мореплавателей.

-- Я считаю себя теперь членом команды Союза свободных мореплавателей, -- сказал Исана, -- и если удастся достать корабль и выйти в море, я поплыву с вами. Поэтому прятаться от меня вам не надо. Я, Дзин и Инаго -- втроем будем спать в комнате второго этажа. Только не следите за нами. Мы хотим начать совместную жизнь и не надо ее омрачать.

После, уже глубокой ночью, Тамакити и Красномордый пошли на разведку в заболоченную низину. А Исана решил выяснить у Такаки дальнейшие планы Союза свободных мореплавателей.

-- Предположим, мы выйдем в открытое море, но ведь придется заходить в порты -- пополнять запасы воды и продовольствия? -- сказал Исана. -- Ясно, что на ворованном корабле долго не проплаваешь.

-- Верно, хотя Тамакити думает заняться пиратством, но это крайне нежелательно, -- сказал Такаки. -- Вы от Инаго узнали, что мы собираемся украсть корабль?

-- Об этом легко догадаться. Но сейчас вторая половина двадцатого века, и нужно раздобыть корабль законным путем.

Исана еле удержался, чтобы не сказать: если избежим наказания за смерть Коротыша...

-- Вы правы. Но тогда Свободные мореплаватели не смогут выйти в море ни завтра, ни послезавтра, -- сказал он. -- Мы еще недостаточно обучены, чтобы получить официальное разрешение на выход в море. Как раз за это и ругал нас

Коротышка...

-- По-моему, он говорил прямо противоположное-- дайте нам корабль хоть завтра. Только в море Союз свободных мореплавателей станет реальностью.

-- Но реальность как раз такова, что мы завтра не сможем выйти в море, -- вспыхнул Такаки. -- И вообще, задуманный Коротышкой сценарий провалился. Мы остались в живых, и чтоб воплотить мечты мертвеца, потребуется время...

-- Мой тесть вот-вот умрет от рака. Мы с Дзином должны получить наследство. Если я попрошу заранее выплатить нам нашу долю, то, думаю, Свободные мореплавате-

ли смогут получить корабль, -- сказал Исана. -- А жене я предложу взамен вернуть убежище...

-- Вам не жаль своего убежища? -- поразился Такаки.

Исана открыл глаза, когда Дзин заворочался во сне. Он натянул штаны на голое тело и поднялся по винтовой лестнице.

В комнате третьего этажа, щедро наполненной утренним солнцем, сидел Такаки и смотрел через бойницу в бинокль. Через другую бойницу вел наблюдение Красномордый. С видом бывалого моряка Такаки повернулся к Исана. Кожа на висках у него натянулась, побледнела и была похожа на пластик. С трудом раздвигая тонкие сухие губы, невозмутимо, как телекомментатор, ведущий репортаж с места события, он сообщил:

-- Поднялся туман, плохо видно. Похоже, рабочие начали рушить наш павильон, и между ними и Боем вспыхнула перепалка. Крики были слышны даже здесь, но разобрать ничего не удалось... Туман непроглядный... Вчера там жгли костер до поздней ночи, дым теперь смешался с туманом.

Исана выглянул из бойницы: над заболоченной низиной стлался туман, из него, как горный пик над облаками, высилась крыша еще не разрушенного павильона. Исана напряженно прислушался... Раздался взрыв, от которого дрогнули стены убежища. Исана был готов к этому взрыву -- он видел, как над павильоном, все еще утопавшим в тумане, грибовидным облаком поднимаются мгла и дым. Вдруг полыхнуло желто-красное пламя. В прогалину среди разметанного взрывом тумана выполз бульдозер. Полосатая машина стремительно шла вперед, задрав свой огромный нож, похожий на клюв взбесившегося пеликана. Бульдозер шел, оттесняя туман, перед ним показались два других бульдозера, с них в панике, точно напроказившие дети, спрыгнули водители. Маленький человечек на высоком, чуть сдвинутом вбок водительском сиденье, расправив плечи и широко расставив ноги, вел вперед свой полосатый танк. Воображаемый танк... Наблюдавшие сразу поняли, что происходит. Исана и рта не раскрыл, как Такаки и Красномордый закричали в один голос возбужденно и радостно:

-- Бой пустил в ход бульдозер! Снова за клубился туман и поглотил атакующий бульдозер и две машины, брошенные водителями. Раздался лязг и скрежет металла, и все трое, выглядывающие из бойницы, не удержавшись, расхохотались.

-- Надо спасать Боя, -- выдавил Исана сквозь спазмы безумного смеха. -- На бульдозере ему далеко не удрать.

Опомнившись, Такаки посмотрел на Исана.

-- Верно... Такой жуткий скрежет. Бульдозер уже... -- начал он было, но новый приступ смеха заставил его умолкнуть. -- С прошлой ночи спасательный отряд Тамакити ждет в машине, чтобы прийти Бою на помощь... Недалеко от павильона, -- добавил Красномордый, насмеявшись до слез и еще больше обычного побагровев.

До убежища донеслись обрывки ругательств и крики. Потом павильон вспыхнул, выбросив из тьмы огромный столб пламени; струи горячего воздуха рассеяли туман. Но ни Боя, ни рабочих, которые вроде должны с ним сражаться, не было видно: не видно было и спасательного отряда...

Глава 17

ВСПЫШКА ЧУВСТВЕННОСТИ (2)

Бесконечно тянувшийся день кончился. Поздней ночью в убежище вернулся Тамакити. Войдя в прихожую, он сразу, не дожидаясь вопросов, начал оправдываться:

-- Боя избили, он едва ноги не протянул. Я дотащил его до лодочной станции и понял, без доктора не обойтись. Поэтому я отвез его на машине в клинику Токийского университета и положил в аркаде (Подземный этаж клиники Токийского университета, где расположены магазины, закусочные и т. д).

-- А в клинику позвонил? -- спросил Такаки.

-- Да, на обратном пути из автомата. Сказал, что у них там лежит раненый.

-- Какой телефон клиники Токийского университета? Выходит, ты бросил Боя умирать, а сам уехал. Боялся, чтобы врач осматривал его при тебе? -- наседали Такаки.

Тамакити весь напрягся и, сжав губы, зло посмотрел на Такаки. Все его тело было налитو жестокой силой, готовой взорваться. Казалось, сейчас он бросится на Такаки, посмеявшего усомниться в его словах. Однако он медленно сунул руку под джемпер, достал свернутый в трубку еженедельник и ткнул его под нос Такаки. Тот осторожно, как первоклассник, раскрыл журнал. Там были фотографии военных учений Союза свободных мореплавателей. На фотографии в верхней части страницы крупным планом был снят в профиль бывший солдат

сил самообороны. Лицо его, как и лица стоявших вокруг подростков, дышало бодростью; в крупных каплях выступившего на лицах пота отсвечивало яркое летнее солнце. Все сияли лучезарными улыбками...

-- Ты говоришь, я бросил Боя на верную смерть, чтобы спасти свою шкуру. Но спастись мне все равно не удалось бы, -- сказал Тамакити, следя за выражением лиц товарищей. -- Больше всех жалел Боя именно я. Когда он взорвал динамитом наш корабль, чтобы не отдать в чужие руки, то продолжал сражаться с одной целью -- взорвать и себя. Он нисколько не боялся, что его изобьют рабочие, да и смерти тоже не боялся. Вот почему я решил оставить его в аркаде клиники Токийского университета. Ему снова явилось видение, и он умиротворен...

-- Тамакити, ты убил раненого Боя. Боялся, как бы он не проболтался полиции. Убил и бросил в аркаде! -- закричала Инаго, босиком выбегая в прихожую. -- Надо сейчас же судить Тамакити! Как судили Коротыша!

Тамакити, выпятив грудь, посмотрел на Инаго. Лицо его, покрытое каплями пота, напоминало морду загнанного зверя. Шея Инаго тоже залоснилась от пота, напрягшиеся

ЖИЛЫ дрожали.

-- Тамакити нужно судить! А потом -- будь что будет! Иначе он перебьет нас всех -- одного за другим. Он бил Боя по ранам, нанесенным рабочими, и Бой умер! Тамакити боялся, что Бой скажет лишнее в клинике! Он и не думал помочь ребенку, а тот три ночи один проторчал в павильоне...

Инаго, громко вопя, вцепилась в горло Тамакити. Тот не сопротивлялся, и Красномордый силой оттащил от него девушку.

-- Дзин проснется и перепугается, -- увещевал ее Красномордый. Наскоки Инаго сбили спесь с Тамакити, и он превратился вдруг в испуганного мальчишку.

-- Бой врезался своим бульдозером в бульдозеры рабочих и остановил их, -- заговорил, ни к кому не обращаясь, Тамакити. -- Потом он погнался за рабочими, размахивая железной трубой, и стал избивать их. Но их-то было двое. Они увернулись и сами набросились на него с деревянными брусьями. Брусья -- в щепки. Тогда они тоже подобрали обрезки труб и давай молотить ими Боя. Мы видели все это, когда бежали по целине к нему на выручку. Бой, ничего не замечая вокруг, опустил голову, как бык, и вслепую размахивал своей железной трубой. Чтобы остановить его, один из рабочих, видно, хотел стукнуть его по плечу. Но не рассчитал и угодил прямо в голову. Когда мы подбежали, он завертелся волчком, рухнул и забился в судорогах. Голова у него была проломлена, из раны хлестала кровь. Да разве я мог бы бить по такой ране? Ударить Боя, ведь для него самым важным в жизни был наш корабль?..

Тамакити широко раскрыл рот и вдруг громко заплакал. Его обезображенное рыданиями лицо, похожее на испуганную собачью морду, было отвратительно.

-- Нужно как следует изучить фотографии и решить, что делать дальше, -- отрезал Такаки и взбежал по винтовой лестнице.

Все устремились за ним. Им было тошно слышать рыдания Тамакити. Но и он потащился за ними следом. Члены команды Свободных мореплавателей, кроме залитого слезами Тамакити, жадно рассматривали фотографии -- свое первое, хотя и не нужное никому, появление на страницах печати. Только Исана, единственный из команды, не попавший на снимки, способен был объективно оценить происходящее.

-- Изучив этот пейзаж, ничего не стоит установить, где проводились наши военные учения, не правда ли? -- спросил Такаки, придвигая к Исана журнал.

-- По-моему, Коротыш наврал, что позволил увязаться за собой репортерам и притащил их к нашему тайнику, -- сказал Красномордый. -- Машина, ее видели дозорные, не имела к ним никакого отношения. Но люди, знакомые с районом Идзу, по фотографиям точно определяют, что это за местность...

-- Безусловно, -- сказал Исана.

Это было настолько очевидно, что он мог и промолчать. Ветви огромной дзельквы занимали треть фотографии, за ближним мысом виднелся вдали еще один мыс, и на нем -- поселок. Любой местный житель мог бы безошибочно указать скалу под обрывом, откуда сделан снимок. На фотографии подростки спускаются по веревке с отвесной скалы -- от дзельквы к морю. Спускаются, явно лелея мечту попасть на корабль Союза свободных мореплавателей. На черной фотографии белыми иероглифами было напечатано: "Может быть, среди нас находятся вооруженные партизаны?"

-- Судя по подписи" в редакции еженедельника не очень-то верили фотографиям Коротыша, -- сказал Исана.

-- Вот если бы им не поверила полиция -- тогда другое дело. Но вряд ли на это можно надеяться, -- сказал Такаки.

-- Еще бы! -- зло закричал Тамакити. -- Мы ведь уже начали вооруженную борьбу. Неужели это кому-нибудь не ясно?

Все устали на Тамакити. За минуту до этого вот-вот готовый снова расплакаться, Тамакити весь напрягся, выставив подбородок, как изготовившаяся к броску змея, и победоносно задрал голову.

-- Что значит: "Мы уже начали вооруженную борьбу"? -- спросил Такаки.

-- Именно то, что я сказал! -- повысил голос Тамакити. -- Как только журнал попадет в руки сил самообороны, они немедленно начнут действовать. И, конечно, полиция тоже, -- сказал Тамакити. -- Журнал вышел сегодня утром и, значит, уже привлек их внимание. Может быть, этот вопрос поднимут и в

парламенте. Инструктором отряда был солдат сил самообороны -- вот в чем дело. Им уже известно, что на солдата напали гражданские лица и он застрелился из автомата, принадлежавшего силам самообороны! Конечно, в парламенте зададут вопрос: не следует ли силам самообороны и полиции нас ликвидировать? Об этом завопят пресса, радио, телевидение. Ясное дело: мы -- враги общества, и общество потеряет голову! Даже если мы мирно сдадим оружие и сознаемся, что ничего, собственно, и не сделали, нам все равно припомнят и Коротыша, и солдата. Теперь у нас только два пути.

-- Два пути? Что ты нам голову морочишь, Тамакити? Чушь все это, -- набросилась на него Инаго.

-- Да, у нас на выбор два пути, именно -- два. Собранное нами оружие раздать Свободным мореплавателям, пусть они рассеются по стране и, если снова собрать Союз свободных мореплавателей не удастся, действуют в одиночку. Это -- первый путь. Кому неохота сражаться в одиночку, могут делать с оружием все, что угодно. Ну, а кто пожелает рано или поздно воспользоваться им, пусть стреляет себе на здоровье...

-- Взять оружие, разбрестись на все четыре стороны и действовать в одиночку -- так ведь было и раньше, пока мы не объединились в Союз свободных мореплавателей. Разве это не противоречит избранному нами пути? В общем, был прав Бой, выходит, будто ничего и не было, -- сказала Инаго, но Тамакити пропустил ее слова мимо ушей.

-- Второй путь -- собраться всем нам в одном месте, забаррикадироваться и сражаться. И это будет настоящий бой... Только база наша вместе с кораблем взорвана!

Тамакити умолк и вопрошающе посмотрел на Исана.

-- По-моему, Тамакити, ты просто не решаешься сказать мне, что у тебя на уме, -- сказал Исана. -- Хорошо, я согласен перевести сюда базу Свободных мореплавателей, забаррикадируемся здесь и превратим убежище в крепость.

-- В таком случае я за второй путь. Я всегда считал, если найдется убежище, второй путь -- лучший, -- произнес Тамакити с явным облегчением.

-- Прекрасно, но нет ли третьего пути? -- обратился Исана к Тамакити. -- Ты-то согласен с Тамакити?

Тот сердито глянул на Исана, но промолчал.

-- Разве Свободные мореплаватели не мечтали найти корабль и отказаться от японского гражданства? И вот теперь, едва мы очутились в критическом положении, нам предлагают рассеяться по стране -- то есть в конце концов уничтожить себя -- или забаррикадироваться и в конечном счете тоже уничтожить себя. Этого я понять не могу. Превратить убежище в неприступную крепость и отгородиться от всех -- таков был раньше мой идеал.

-- Вы правы, -- выжидательно заметил Такаки.

-- Может, вы думаете, будто сами захватили мое убежище? Нет, это я, слышите, я пригласил сюда бойцов, способных встать на защиту деревьев и китов, и сделал это вполне сознательно. Конечно, вы сейчас в критическом положении, но не странно ли -- сразу забыть план Союза свободных мореплавателей?

Если вы все замыслили всерьез, почему не подумать тогда о третьем пути?

Такаки молчал, и Исана стал всматриваться в одну из фотографий, сделанных Коротышом. Воображение человека, отсутствующего на фотографии, как бы незримо запечатлелось на ней. Живые, осязаемые эмоции Коротыша -- неважно, порождены они были жаром сердца или злым умыслом, -- витали над бывшим солдатом и окружавшими его подростками. Солдат разложил детали разобранного автомата на куске материи, расстеленном прямо на лаве. На прикладе был ясно виден темно-красный номер. Подпись под фотографией гласила: "Партизаны добыли автомат калибра 7,62, образца 64, состоящий на вооружении сухопутных сил самообороны, и используют его в боевых учениях". Нет, даже власти самой либеральной страны не могли оставить подобный факт без внимания. И бывший солдат, и подростки на этой роковой фотографии беззаботно, по-приятельски улыбались друг другу. Казалось, Коротыш восклицает безмолвно: ну как не заснять этих очаровательно улыбающихся людей?! -- Если вы согласны превратить ваше убежище в крепость, то незачем торопиться с обсуждением всех остальных вопросов, -- произнес наконец Такаки. -- Скажу лишь заранее: я против того, чтобы Союз свободных мореплавателей, раздав своим членам оружие, распался. Ведь именно сейчас -- и Коротышка это понял -- Союз и создается по-настоящему. Раньше мы не имели ни четкой организации, ни истинных целей. Реальным было только само наше объединение. Разбредись мы сейчас поодиночке, и -- конец Союзу свободных мореплавателей. Иного права: повторится сон Боя -- вроде ничего никогда и не было. Теперь второй путь. Забаррикадироваться здесь и сражаться. Свести к этому всю деятельность Союза свободных мореплавателей, по-моему, тоже неверно. Мы сами себя обречем на пассивность, а она, как известно, ни к чему хорошему не приведет. Будем сидеть сложа руки и ждать, пока не нагрянет моторизованная полиция. Разве для этого создавался Союз свободных мореплавателей? Не обреченность, а свобода действий -- такова была главная наша идея.

-- Защищать нашу крепость от моторизованной полиции, а может, и от сил самообороны и попытаться самим перейти в наступление -- разве это пассивность? Хотите, я докажу вам, что это не так, -- сказал Тамакити.

-- То, что ты предлагаешь, сущая авантюра. О каком наступлении может идти

речь?-- отрезал Такаки. -- Я тоже думал о третьем пути; он, безусловно, самый верный. Надо заполучить побыстрее корабль и уйти в открытое море -- так мы, собственно, и задумали. Но сможем ли мы добраться с оружием до Идзу или Босо и незаметно подняться на корабль?

-- Сможем -- не сможем, предсказать немыслимо, -- ответил Исана. -- Нужно наметить план и действовать: сейчас или никогда. Бездействовать -- значит признать, что никакого реального замысла и не было, как не было и создавших его людей. И нам никого не убедить, что Коротыш и Бой отдали свои жизни во имя идеи, положенной в основу Союза свободных мореплавателей.

-- Что же вы предлагаете?

-- Я думаю, у полиции нет пока точных сведений о Свободных мореплавателях и время у нас еще есть. Завтра я поговорю с женой. Если мы получим корабль, все остальное, думаю, будет не так уж сложно и мы приступим к осуществлению нашего первоначального замысла. Попробуем, хотя, разумеется, может ничего и не выйти. Но все равно это лучше, чем разбредись по стране или сидеть сложа руки.

-- Я согласен, -- решительно заявил Красномордый, -- Испробуем третий путь, Такаки. Я готов сейчас же съездить в Идзу и снова все осмотреть...

-- Ты имеешь в виду могилу Коротыша? -- спросила Инаго. -- Боюсь, полиция очень скоро ее обнаружит.

-- Я уже послал туда ребят. На трех мотоциклах, -- сказал Тамакити.

Красномордый и Такаки удивленно уставились на него. Тамакити, едва оправившись после недавней ссоры, торжествовал. Исана, как, впрочем, и всех, охватило дурное предчувствие.

-- Глава Союза свободных мореплавателей -- Такаки, ему мы должны предоставить всю полноту власти, -- сказала Инаго. В ее словах Тамакити уловил общее порицание...

-- Конечно, если мы хотим, чтобы Союз свободных мореплавателей стал реальностью,-- подхватил Исана.

-- Только бы избежать проклятия Китового дерева, -- сказал Такаки с видимым облегчением, но с бледного лица его, обтянутого желтой, как пергамент, кожей, не сходили напряжение и тревога.

Когда человек заходит в помещение, где работает кондиционер, он физически ощущает расставание с оставшимся за дверьми душным летним днем. Внутренне подготовленный к непрерывным стонам из соседней палаты, Исана узнал росшие вдалеке за окном дзельквы, теперь густо покрытые листвой и казавшиеся такими близкими и досягаемыми. Прав был Такаки, в этом огромном городе дзельквы действительно попадают еще довольно часто. Казалось, души деревьев, слетающие с этих дзелькв, вопрошали: Почему ты так

безразличен к стонам старика, больного раком горла, которые, в общем-то, обращены к тебе? Исана ответил: Просто теперь я бессилён сделать для Кэ что-либо реальное. И я пришел сюда от имени тех, для кого я хоть что-то могу сделать. Изгнав из своего сознания непрерывные стоны Кэ, Исана ждал Наоби. Комната, где он находился, тоже была палатой, наспех переоборудованной в рабочий кабинет; вместо одной из кроватей поставили письменный стол и короткий диванчик, на нем и сидел сейчас Исана. Наконец вошла Наоби в накинутой на плечи вязаной кофте цвета вялой зелени и в длинной, до щиколоток, шерстяной юбке -- туалет для такого времени года странный, но, возможно, и оправданный, если живешь в доме с кондиционером. Наоби плыла, величественно неся голову, ввинченную в широкие, неколебимые плечи, и ответила на его приветствие, лишь пройдя вдоль стены и усевшись за письменный стол. Она подражала преподавательнице, у которой училась в американском колледже, потом, во время стажировки, она окончательно освоила эту манеру. На лице ее, все еще детском, хотя и принадлежащем женщине средних лет, застыло единственное желание -- защитить себя, как в те годы, когда она жила в чужой стране. Жалкое, пребывавшее в вечном напряжении создание, готовое в любую минуту обратиться в бегство, она была прекрасным объектом для атак честолюбивого личного секретаря господина Кэ, навещавшего за границей свою дочь... Сейчас Наоби вела себя точно так же, как до всех перипетий с Дзином и даже до того, как она стала женой Исана...

-- Приходится делать укладку и мазаться -- ужас, но иначе нельзя: выборы, других средств у меня нет, -- сказала Наоби, перехватив взгляд Исана. -- Ты тоже с прошлого раза подтянулся: наверно, кто-нибудь ухаживает за тобой?

-- Просто стал сам следить за собой. Я ведь теперь не один. За Дзином они прекрасно присматривают, -- смущенно сказал Исана. -- Кэ всегда так стонет?

-- Он не хочет, чтобы ему делали обезболивающие уколы. Категорически отказывается, -- отвечала Наоби с неподдельной горечью.

Она умолкла, и комнату наполнили полновочувственные, немолчные стоны, в которых слышалось даже нечто неестественное. Погрузившись в молчание, Исана воззвал к душам деревьев и душам китов: Кэ отвергает лекарства, которые облегчили бы его страдания, и без конца стонет. Хотя скоро умрет. Наверно, именно потому Кэ и отвергает лекарства, которые облегчили бы его страдания? Послушайте его стоны...

-- Все время при отце, устала ужасно, приду сюда, сяду вот так -- локти на стол и дышу в ладони; дурная привычка, за нее меня еще в Америке ругали, но я никак не могу от этого избавиться. -- Не прерывая разговора, Наоби поднесла к губам ладони, глаза у нее сверкали, она оживилась, точно завлекая Исана. -- Когда даже здесь я снова и снова слышу стоны, мне кажется, будто отец

вцепился в меня еще сильнее, чем когда я у него в палате. Может, мои слова напоминают какую-нибудь популярную американскую мелодраму, но ты сам знаешь, как я отношусь к отцу!.. И вот я решила выставить теперь свою кандидатуру. Из моего избирательного округа уже приходят просители, но все равно...

-- Я понимаю, -- сказал Исана, уловив душевный настрой Наоби. -- Ты хочешь меня убедить, что занялась политикой, надеясь добиться сочувствия избирателей.

-- Я-то привыкла, а тебе начинать серьезный разговор под бесконечные стоны, наверно, трудно, -- сказала кандидат в парламентарии Наоби, уловив, как и надеялся Исана, смысл его молчания и желая приободрить его. -- Что привело тебя сюда сегодня? Вряд ли ты пришел узнать, не умер ли отец? Тем более, в прошлый раз тебя здесь избили...

-- Ты права. У меня срочное дело. А стоны эти мне просто необходимо было услышать, -- начал Исана. -- Мы с Дзином заперлись в убежище, очутившись в жизненном тупике и не видя другого выхода. Конечно, главной причиной было состояние Дзина; но, кроме того, как ты помнишь, мы оказались моральными банкротами и были близки к самоубийству. Чтобы избежать этого, мы и начали с Дзином затворническую жизнь. На наше счастье подвернулось тогда готовое атомное убежище. Я и сейчас считаю: мы поступили правильно. Остался жив Дзин, жив я, зажила новой жизнью и ты. Убежище стало для нас подобием спасительного ковчега, который мы видели в праздники на родине наших предков. Я и представить себе не мог, что все сложится так хорошо. В тот день, когда Кэ пришел посмотреть, где укрылись мы, потерпев крах, и заявил, что умывает руки, у него, наверно, вырвался точно такой же стон, как сейчас...

-- Да, так оно и было. Я это прекрасно понимаю, -- сказала Наоби. -- А теперь ты решил отказаться от прежней уединенной жизни и вернуться в общество?

-- Нет, этого я делать не собираюсь, скорее наоборот. Но мне бы хотелось сделать достоянием общества некоторые выводы, в которых я утвердился за годы своего затворничества. Разумеется, выставять свою кандидатуру на выборах я не намерен.

-- Да это и невозможно, -- сказала Наоби.

-- Конечно. Понимаешь, я встретился с компанией молодежи, их мысли во многом созвучны моим. Это те самые ребята, которым удалось, благодаря твоей любезности, пожить в Идзу.. Меня сейчас волнует один наш совместный замысел. Почувствовать, как нечто, присущее мне, становится достоянием всех -- вот, собственно, что привлекает меня в этом предприятии. Короче, говоря конкретно, мы хотим купить корабль и уйти в море. Это и привело меня сюда.

Убежище и землю я получил от Кэ, может быть, теперь твоя компания выкупит их у меня? На вырученные деньги мы приобрели бы корабль и вместе с Дзином и нашими молодыми приятелями могли бы начать новую жизнь.

-- Что ж, попробую. Правда, сейчас большие суммы брошены на мою предвыборную кампанию, поэтому надо все как следует обсудить. Если ты позвонишь мне завтра, я тебе сообщу результат. Сколько тебе нужно денег?

-- Не имею представления, -- ответил Исана. -- Знаю лишь, что нам нужен корабль для команды в двенадцать-тринадцать человек.

-- Собираетесь в дальнее плавание?

-- Нет, скорее, мы будем плавать вокруг Японии... Видишь ли, план разработан молодежью, и деталей его я не знаю. В общем, мы с Дзином хотим начать жить вместе с другими людьми, так сказать, в подвижном убежище.

-- Я вам помогу подобрать корабль. Отец, кажется, был связан с рыболовными компаниями, -- сказала Наоби.

Исана поднялся.

-- Да, Кэ все время стонет. Видно, это помогает ему сохранить физические силы? -- спросил он.

-- Иногда нам удастся насильно сделать ему обезболивающий укол. И тогда отец, выспавшись и восстановив силы, начинает ругать нас за то, что мы поступили против его воли.

-- Когда в следующий раз силы вернутся к нему, передай, пожалуйста, что я приходил и слышал его стоны, -- сказал Исана.

-- Спасибо, передам, -- сказала Наоби. -- Когда ты в прошлый раз приходил сюда и кричал, ты был похож на зверя, ищущего самку, хотя ничего подобного и не говорил. Сегодня же ты скорее напоминаешь растение.

Войдя в лифт и обернувшись, Исана со щемящей болью посмотрел на выглядывавшие из-под накинутой на плечи кофточки темные, с загрубевшей кожей локти Наоби, которая ушла, не дожидаясь, пока закроются автоматические двери лифта. В ушах у него неумолчным эхом звучали стоны больного...

В поисках продовольственного магазина Исана шел по улице, и обжигающая жара, как увеличительным стеклом, сконцентрированная сферой небосклона, раскалывала голову вдребезги. Мозг, не переставая, сверлили стоны Кэ. Показался огромный продовольственный магазин -- супермаркет. Исана подошел к управляющему, стоявшему у кассы, и, вспомнив перечень продуктов неприкосновенного запаса, прилагавшийся к рекламе атомных убежищ, сделал заказ.

Наверное, экскурсия? В горы, к морю?-- заинтересовался управляющий.

-- К морю. Пусть продукты оставят пока здесь. Я поищу такси, -- сказал

Исана и положил рядом со счетом почти все деньги, полученные от Наоби.

-- Такси? Не поместится, -- сказал молодой управляющий, оценивающе посмотрев на Исана. -- Немного не рассчитали, по-моему, хотя подобрано все очень продуманно.

-- Действительно, я совсем упустил это из виду, -- растерялся Исана, думая, как не хватает сейчас Тааки. Тот бы мигом увел и многотонный грузовик...

-- Вы оказались в затруднительном положении, честно говоря, мы забыли вас предупредить заранее. Что ж, доставим покупку на нашей машине. Чтобы избежать волокиты, может, вы сами сядете в машину и покажете дорогу?

-- Вы очень любезны...

-- Что может быть лучше загородной прогулки в обществе милых друзей, -- сказал управляющий, изобразив на лице печаль. -- Я рад бы и сам совершить такую поездку.

Двое молодых людей унесли купленные Исана продукты. За окном задом к тротуару стоял фургон.

Когда молодой водитель, погрузив продукты, влезал в кабину, управляющий что-то шепнул ему на ухо. Не обратив на это внимания, Исана сел рядом с ним. Из центра города они поехали по автостраде, идущей на северо-запад, но, видимо, где-то впереди случилась авария: их сторона была забита машинами, а в противоположном ряду не было ни одной. Из-за палящей летней жары тротуары и пешеходные виадуки были безлюдны. Город -- как накануне атомной войны. Люди, побросав дома и имущество, бежали отсюда, спасаясь от атомной бомбардировки, -- обратился Исана к душам деревьев и душам китов. Он хотел повторить это сидевшему рядом с ним молодому человеку, но тот держался неприступно и явно не был расположен его слушать. Начав свою отшельническую жизнь, Исана не поддерживал отношений с посторонними и не подумал, что, кроме Тааки и его товарищей, вся остальная молодежь под стать этому водителю. Но, с другой стороны, молчание водителя вполне естественно -- воздух, врывавшийся в открытое из-за жары окно, был насыщен выхлопными газами, и он из последних сил вел машину, на потном лице его темнели грязные потеки. У Исана по-прежнему звучали в ушах стоны Кэ, и ему оставалось лишь снова обратиться к душам деревьев и душам китов. По его лицу тоже ползли черные струйки пота.

Запершись с сыном в атомном убежище, я, как поверенный лучших обитателей земли, которых люди стремятся истребить, намеревался встретить последний день человечества. Мы с сыном тоже обречены, но это никогда меня не беспокоило. Теперь, однако, когда я еду по городу, словно вымершему после атомной войны, я все яснее ощущаю, как притягателен план Свободных мореплавателей -- сокрушить все машины подряд. Но сейчас у меня возник еще

более активный и действенный план! Носясь по городу, который вот-вот подвергнется атомному нападению, я, как поверенный китов, обитающих в море, и деревьев, растущих на суше, буду давить людей, мстя за содеянное ими зло, -- не в этом ли весь смысл моей отшельнической жизни? Я объявил себя поверенным китов и деревьев потому, что нахожусь на земле вместо китов и способен передвигаться вместо деревьев, тем самым я противопоставил себя всему человечеству. Если б сейчас вел машину не этот тупой и упрямый юнец, а кто-либо из Свободных мореплавателей и сегодняшний день был бы концом света, мы устремились бы вперед, продираясь сквозь эту автомобильную пробку, помчались бы наперерез встречным машинам и наказали бы людей, слишком поздно подумавших о спасении. И прежде, чем все рухнет и небо озарится пожарами, мы возвестили бы громогласно: Грядем!..

Через два часа фургон подъехал к убежищу, и молчавший всю дорогу водитель выскочил из машины, открыл заднюю дверцу и сгрузил на обочину продукты. Такаки с ребятами почему-то не было видно. Не появились они и когда фургон скрылся в раскаленной дымке. На руинах разрушенной киностудии снова пылал огромный костер и густо стлался кроваво-красный дым: там виднелось человек десять рабочих. Скорее всего, Такаки приказал ребятам спрятаться, чтобы рабочие не смогли определить, сколько народу засело в железобетонном убежище. Наверно, это была и мера предосторожности против полицейских, несомненно рыскающих поблизости. Поэтому и Исана следует проявлять осторожность. Видимо, объявлено чрезвычайное положение. Прозвучавший в ушах стон Кэ Исана воспринял как предостережение.

Глава 18

ВСПЫШКА ЧУВСТВЕННОСТИ (3)

Когда Исана, нагруженный ящиком с лапшой, на который он положил пакеты с луком и другими овощами, еле добрался до входа в убежище, дверь открылась изнутри и Красномордый взял у него часть груза. Рядом стояла Инаго.

-- В полдень, в два часа и в четыре приходили полицейские, -- сказала она. -- Мы сидели тихо, не шелохнувшись, Дзин, такая умница, ни звука не проронил. Такаки сказал, что полицейские, наверно, всех опрашивают и решили наведаться в убежище, оно ведь всегда вызывало у них подозрения. Я наблюдала из бойницы, когда они поднимались сюда второй раз...

На Инаго была короткая, лишь чуть прикрывавшая грудь, хлопчатобумажная кофта и джинсы, подвернутые до колен, а Красномордый был в плавках и спортивной кепке с оторванным козырьком. Они, по всему судя, как следует

потрудились в убежище. Было слышно, что работа в бункере продолжается. Исана таскал продукты -- ему пришлось сделать пять концов. Он торопился из страха, что на дороге, покрытой темно-кофейной пылью, вот-вот появятся полицейские. С ребятами, поехавшими в Идзу, чтобы получше зарыть труп Коротыша, наверняка что-то случилось. И Свободные мореплаватели превращают убежище в неприступную крепость. Продуктов теперь хватит, чтобы выдержать долгую осаду.

В последнем пакете было несколько дюжин банок мясных консервов -- самое дорогое из всего, что Исана купил сегодня. Пакет с этими банками, имеющими форму усеченного конуса, оказался ненадежным и очень тяжелым; Исана буквально истек потом, пока дотащил его до убежища. Такаки, увидев через бойницу, что Исана закончил работу, спустился вниз и взял у него пакет с мясными консервами.

-- О корабле переговорил, -- сказал Исана, отдавая пакет Такаки. -- Результат узнаю завтра по телефону. Если с кораблем ничего не выйдет и мы окажемся на осадном положении, продукты будут как нельзя кстати. А если нам все же удастся выйти в море, возьмем их с собой...

-- Спасибо. Мне или Тамакити покупать продукты было бы опасно. Девчонки-кассирши читают еженедельники. Могут вспомнить фотографии. Да и денег у нас нет... -- чистосердечно признался Такаки. К ним подошла Инаго.

-- Дзин спит?

-- Играет в подвале. Мы перенесли продукты туда. Мне, коку, надо проверить их и сделать опись, а Дзин рассматривает этикетки на консервных банках.

С верхней площадки винтовой лестницы послышался грохот, видимо, упало что-то тяжелое. Мне удалось пережить этот страшный грохот только потому, что Дзин сейчас с Инаго, подумал Исана.

-- Готовимся к осаде, если не будет другого выхода, -- сказал Такаки тоном экскурсовода и стал подниматься по винтовой лестнице.

-- Дзин, я вернулся! -- крикнул Исана в открытый люк подвала.

-- Ребят из Идзу все нет. Вот мы и начали готовиться к осаде.

Грохот подняли Тамакити с ребятами, баррикадировавшие выход с винтовой лестницы на балкон третьего этажа. Они заложили проем железобетонными крышками канализационных колодцев, а сверху навалили разбитые железобетонные брусья с торчавшими металлическими прутьями. Из брусьев, обмотанных веревкой и привязанных к наличнику, получилась как бы вертящаяся дверь. Двое ребят могли легко повернуть это железобетонное сооружение и в образовавшуюся щель наблюдать, что делается снаружи, и даже вылезти через нее на крышу, если потребуется кого-то атаковать.

-- Трудно, наверно, было набрать столько железобетонных крышек? Да еще

чтобы полицейские не заметили, -- сказал Исана.

-- Их притащили сюда перед вашим возвращением из Идзу, -- спокойно ответил Тамакити. -- Это еще не все. Остальными мы заложим входную дверь и дверь из кухни. Ваш дом -- замечательный блиндаж, противнику остается только применить артиллерию.

-- Я уже как-то говорил, это -- вовсе не блиндаж. Если использовать убежище как блиндаж, возникнет масса неудобств, -- предостерег Исана. Тамакити и двое подростков, с трудом ворочавшие тяжелую железобетонную крышку, не стали возражать.

В лучах заходящего солнца на теле Тамакити блестели капельки пота, видимо, он работал без отдыха. Совсем другим делом был занят в противоположном углу комнаты еще один крепкий парень -- он возился с рацией. Исана узнал в нем подростка, встречавшего их с Такаки на лодочной станции, когда тот вел его впервые на базу Свободных мореплавателей. Рация представляла собой приемо-передающий блок, соединенный с большим транзисторным всеволновым радиоприемником, и была настолько компактной, что ее можно было установить в радиорубке корабля. Подросток в наушниках сосредоточенно настраивал рацию.

-- Есть сообщения из Идзу? -- прокричал Такаки в прикрытое наушником ухо радиста.

-- В пятичасовом выпуске ничего не говорили. Я прослушал все станции префектуры Сидзуока... Сейчас пытаюсь поймать переговоры патрульных машин.

-- У меня же нет наружной антенны, -- сказал Исана.

-- Ее уже установили. Это -- радист Союза свободных мореплавателей. Он окончил радиошколу и работал радистом на корабле, -- объяснил Такаки.

-- Радист тоже был на учениях в Идзу? -- спросил Исана у Такаки, но вместо него ответил Тамакити:

-- Ему тогда не удалось освободиться от работы на лодочной станции. Ремонтировал лодки к летнему сезону.

-- Чудной тип. Работал бы по радиоспециальности -- заработок хороший и дело перспективнее, а он все бросил и застрял на лодочной станции.

-- Зато сейчас стоило мне его позвать, и он тут как тут, -- сказал Тамакити гордо.

-- Ты, я вижу, всерьез готовишься к обороне, -- насмешливо бросил Исана, но пронять Тамакити было нелегко.,

-- Я-то ломал голову, как выбраться за продовольствием. Теперь все в порядке. Впрочем, я был уверен: если понадобится, вы достанете все, что нам нужно. А мечтать попусту о корабле...

-- И все-таки мы, вероятно, сможем заполучить корабль.

-- Эх, если б еще ребята, уехавшие в Идзу, благополучно вернулись... --
вздыхнул Тааки.

-- Нет, их не схватили, -- с нарочитой грубостью перебил его Тамакити. -- А если их и загребли, все равно будут молчать. Никакими побоями их не заставят продать наш новый, тайник.

-- Будем надеяться, -- сказал Тааки.

Из бункера в комнату поднялись Инаго с Дзином. Дзин отыскал среди продуктов шоколад и был явно доволен находкой.

-- Привет, Дзин. Вкусный шоколад?

-- Да, вкусный шоколад, -- ответил сын, несколько не удрученный долгим отсутствием отца.

-- Совсем оправился от ветрянки. Ни единого прыщика не расчесал -- вот сила воли у ребенка, -- сказал поднявшийся следом Доктор. -- Прекрасный бункер: и кухня есть, и уборная. Мощная вентиляция -- все предусмотрено.

-- Когда мы задраим за собой люк, бункер превратится в неприступную крепость. Так что и корабля-то никакого не нужно, -- сказала Инаго.

-- Я тоже так думаю, -- вдруг согласился Тамакити.

-- Закроемся в бункере, а что дальше? Сдаться или погибнуть? Ведь рано или поздно кончится продовольствие, -- сказал Исана. -- В еженедельнике говорилось о боевых учениях партизанского отряда. Вы предлагаете нечто совсем иное. Партизаны сражаются непрерывно, меняя местоположение.

-- Да, плохо наше дело, -- сказал Тамакити.

-- Вы, Исана, говорите, что у нас только два пути: сдаться или погибнуть. Разве нет третьего? -- спросила Инаго. -- А вдруг, пока мы будем сражаться в окружении, на американскую военную базу, поблизости отсюда, сбросят атомную бомбу и только нам, запершимся в убежище, удастся выжить?

-- Атомную бомбу?.. Ну, а если на Токио сбросят водородную бомбу, наш бункер взлетит на воздух. Атомное убежище ничего не стоит. Просто средство самоуспокоения. Водородная бомба в пять тысяч раз мощнее атомной, сброшенной на Хиросиму, -- сказал Тамакити.

Исана впервые выступал в роли защитника своего атомного убежища и вдруг почувствовал, как сильно он к нему привязался.

-- Я не раз обсуждал вопрос о том, какая примерно атомная бомба будет сброшена на Токио, если в самом деле начнется ядерная война. Все эти рассуждения ничего не стоят. Как-никак в компании, собиравшейся наладить массовое производство таких же убежищ, я занимался рекламой. Даже если бы наш заказчик в случае атомной бомбардировки убедился на собственном опыте, что защитные возможности убежища недостаточны, рекламации от него все

равно не поступило бы. Он бы просто погиб. Вот почему, пропагандируя наши убежища, я должен был делать вид, будто мне досконально известны их возможности. С этой целью мы издали рекламную брошюру -- перевод американского проспекта атомных убежищ, выпущенного при президенте Кеннеди. Дело в том, что тогда компанией, приступавшей к строительству убежищ, руководили люди, которые, как и я, ничего не смыслили ни в физике, ни в технике, зато знали иностранные языки. В своей брошюре мы доказывали, что необходимо покупать убежища, ибо атомная бомба -- оружие страшное, но в то же время не настолько, чтобы соответствующее укрытие не могло от него защитить. В общем, все выглядело довольно убедительно...

-- Значит, вы построили это убежище как образец, выпустили рекламную брошюру. Почему же так и не началось массовое строительство? -- спросила Инаго.

-- По сути своей идея атомных убежищ -- чистый обман, и скрыть это от покупателей не удалось. Например, мы не могли ответить на простой вопрос: как люди, уцелевшие в атомных убежищах, смогут существовать и дальше в условиях радиации, -- сказал Исана и продолжал, обращаясь уже лишь к душам деревьев и душам китов: Из-за волнений, одолевавших меня тогда, я заболел меланхолией, в какой-то мере именно поэтому яи укрылся в убежище. Да, наверное, и причина болезни моего ребенка -- мой собственный внутренний крах.

-- Расскажите-ка подробнее об этом жульничестве, -- ввернул Тамакити.

-- Водородная бомба, о которой я упоминал, имеет сто мегатонн, простой расчет показывает: она действительно в пять тысяч раз мощнее атомной, что была сброшена на Хиросиму. Однако реальная разрушительная сила составляет лишь кубический корень из пяти тысяч, следовательно, она мощнее только в семнадцать раз. И в зависимости от рельефа местности мощность ее может еще уменьшиться. Ядерная головка ракеты "поларис " равна 0,6 мегатонны, то есть в пересчете на тринитротолуол в тридцать раз мощнее бомбы, сброшенной на Хиросиму, однако реальная разрушительная сила, опять-таки равная кубическому корню из этого числа, больше лишь в полтора раза. Следовательно, атомное убежище, расположенное на достаточном расстоянии от эпицентра взрыва, будет вполне эффективным. Вот, в самых общих чертах, что говорилось в брошюре. Разумеется, все эти

рассуждения были сплошным надувательством; простой расчет -- десять ракет "пола-рис" с ядерными боеголовками, наносящих удар по Токио, причинят ущерб в пятнадцать раз больший, чем в Хиросиме. Помимо всего методы, используемые американскими учеными, по-моему, значительно преуменьшают силу радиации. Вот почему все, кто занимался этой проблемой,

начали проявлять признаки мизантропии, даже эксперты, изучавшие реальные возможности атомных убежищ, пришли в уныние. Их так и не начали строить, в Соединенных Штатах и в Советском Союзе стали создавать вокруг крупных городов сеть радаров и антиракетных установок. Бум, связанный с атомными убежищами, затих. А японская компания, не успев наладить массовое строительство, разорилась; осталось лишь одно-единственное наше убежище. Когда-то я осматривал арсенал одного индийского магараджи, превращенный позднее в музей, и обнаружил в нем множество страшного оружия. Порожденное острой манией преследования, оно, пожалуй, не могло быть даже применено в бою. Думаю, это атомное убежище тоже достойно стать музеем...

-- Если Свободные мореплаватели забаррикадируются здесь и будут сражаться вот вам еще одна причина сделать из него музей, -- сказала Инаго.

-- Партизанский тайник атомной эпохи? -- усмехнулся Исана.

-- Да, и тот самый магараджа приедет из Индии осматривать его. В ожидании этого визита вложу-ка я фильтры в вентиляторы. Не пропадать же таким прекрасным вещичкам? Дзину тоже нравятся фильтры.

-- Да, Дзину нравятся фильтры, -- повторил Дзин, сияя, на лице его кое-где еще виднелись засохшие, почерневшие точки.

-- Ну ладно, сейчас не время для болтовни, -- сказал Исана, но по тону его чувствовалось: ему приятны и оптимизм Инаго, и мягкая, добрая улыбка Дзина.

Из бункера поднялся Красномордый, весь мокрый от пота, за ним еще двое ребят. Проникавшие сквозь бойницу лучи вечернего солнца провели алую черту по его скулам, по ноздрям и подбородку.

-- Теперь там запросто проживут десять человек, -- сказал он. -- Правда, мы все передвинули без вашего разрешения.

-- Будь я дома, сам бы вам в этом помог, -- сказал Исана.

-- Давайте-ка разойдемся по комнатам и поспим. А в случае чего сразу в бункер, -- сказал Тааки.

-- Даже если появится противник, нет никакой нужды бежать в бункер, -- возразил Тамакити. -- Крышка люка толщиной в тридцать сантиметров для защиты, конечно, хороша; но, запершись там, мы не сможем делать вылазки. Я думаю, надо как можно дольше продержаться наверху. Командовать боем будешь ты, Тааки?

-- О чем ты? Какое "командование" в такой тесноте?.. Наверно, трех наших ребят, поехавших в Идзу, схватила полиция и труп Коротыша уже обнаружен. По радио просто ничего не передают потому, что полиция наложила на эти сведения запрет. Полиция, скорее всего, знает, что мы не разбежались, а сосредоточились в укрытии. Иначе они прибегли бы к помощи радио и телевидения. Я не думаю, что ребята, попав в руки полиции, будут молчать.

Ведь Союз свободных мореплавателей -- вовсе не партия, построенная на вере в революцию. Вспомните, что говорил Коротышка. Да спроси кто-нибудь посторонний, что такое Союз свободных мореплавателей, единственное, что нам придет на ум, -- наш погибший символический корабль. И все. Если полиция их схватила, заперла в одиночки и припугнула как следует, у них сразу выветрятся все воспоминания о корабле. И нечего ждать, что они сохранят верность и даже под пытками не проронят ни слова. Пожалуй, самое позднее этой ночью они все выложат о нашем убежище. И мы здесь в безопасности только до ночи. Так что все, кому неохота оказаться в осаде, могут свободно уйти...

Из-за ребят, загородивших дверь в прихожую, высунулся Радист.

-- Думаю, мы уже окружены, -- покачал он головой. -- Я не разобрал, о чем они переговариваются, но под горой патрульные машины поддерживают постоянную радиосвязь. Просто полицейские видели фотографии военных учений и соблюдают осторожность -- поэтому они до сих пор и не ворвались сюда.

-- Завтра утром, как только рассветет, они, наверно, пойдут в наступление. Мы встретим их ружейным огнем, -- сказал Тамакити, повернув к товарищам побледневшее от напряжения лицо.

-- Тогда давайте возьмем самые лучшие продукты и устроим сегодня ночью пир, -- сказала Инаго, вставая. Вслед за ней вскочил Дзин.

Ребята ели долго, и Дзин, сморившись, заснул прямо на полу. Пока Инаго кормила их, заботиться о сыне, лежавшем ничком на полу, снова должен был Исана. Взяв мальчика на руки, он отнес его на второй этаж.

-- Можно на минутку? -- послышался голос Такаки, сам он остановился у порога, не решаясь войти в комнату. Видно, его смутило благоговение, с каким Исана надевал на Дзина ночное белье.

-- Можно, конечно, -- ответил Исана, увидев выглядывавшее из темноты лицо Такаки.

Он стоял вполоборота к Исана, и свет лампы у винтовой лестницы освещал только половину его лица.

-- Я вот о чем подумал, -- сказал Такаки. -- Мы пригласили вас в Союз свободных мореплавателей как специалиста по словам. Но сейчас специалисту по словам делать у нас нечего, мы можем обойтись и без вас. И я, и Тамакити считаем: нам теперь не до слов. Не лучше ли вам с Дзином ночью покинуть убежище?

Такаки с трудом выжимал из себя слова. Он умолк, а Исана все ждал продолжения печальной речи.

-- Но ведь это наше убежище -- мое и Дзина, -- возмутился он. Такаки, сжав

ниточкой губы, горько усмехнулся. Юность, проглянувшая за этой горькой усмешкой взрослого человека, заставила Исана обратиться к душам деревьев и душам китов: Неужели я и в самом деле забаррикадировался вместе с этими детьми? Но Такаки быстро согнал с лица усмешку, спрятал проглянувшее на нем детское выражение и спросил:

-- Предположим, вы останетесь и нам придется выдержать осаду. Зачем это вам?

-- Поселившись в убежище, я добровольно взял на себя миссию поверенного лучших обитателей земли, не способных передвигаться по ней, и лучших обитателей моря, не способных выйти на сушу. Разве я не говорил вам об этом?

-- спросил Исана. -- Только укрывшись здесь, я осознал себя поверенным деревьев и китов. Я был пассивен, это верно, но, как мне кажется, взятую на себя миссию я выполнял честно. Если начнется война и водородная бомба уничтожит все человечество, мы с Дзином в этом убежище погибнем последними, и я хотел в свой последний день сообщить всем китам и деревьям на земном шаре: слушайте, я, ваш поверенный, поздравляю вас -- человечество, пытавшееся вас уничтожить, погибло. Я думал, если мне удастся это сделать, я тем самым выполню свою миссию. Но мне не хотелось никого посвящать в свою мечту. Я понимал, что она сродни навязчивой идее безумца. И боялся, как бы меня не упрятали в психиатрическую лечебницу. Возможно, я и впрямь сумасшедший, но если уж я запер свое безумие в этом убежище, то, по крайней мере, свободен в своих поступках. А Дзин -- прекрасный напарник, уж он-то ни слова не возразит, какие бы я ни творил безумства... Да и у Дзина именно после того, как началось наше затворничество, появилось желание жить... И вот я встретился со Свободный, ми мореплавателями, они приняли меня в свой Союз, и я обнаружил: передо мной открылись совершенно новые возможности, о которых я даже не подозревал. Прежде всего, я понял, что, если во время осады придется сражаться и стрелять в людей, я, стоя рядом с вами, сумею полностью проявить себя как поверенный деревьев и китов. Бах -- выстрел во имя прекрасных деревьев, уничтожаемых людьми. Бах -- еще один во имя прекрасных китов, уничтожаемых людьми... Возможно, атакующие изумились бы, услышав мои слова. Но я бы сказал им: если вы не согласны, поставьте себя на место китов и деревьев.

-- Неужели вы думаете всерьез, будто мы собрались здесь и притащили сюда оружие только ради ваших деревьев и китов? Ну что ж, пусть будет так, -- согласился Такаки и снова, слегка переиначив его, задал свой прежний вопрос: -- Но ведь остается еще Дзин? Не хотите ли вы, чтобы деревья и киты сказали ребенку: умри, человек!

-- Вы правы, -- сказал Исана, отводя взгляд от теплого, мягкого тельца,

которого он касался ладонями. -- Но все, что я сейчас говорил, -- пустые слова, пока не дошло до стрельбы. В зависимости от обстоятельств я и решу, как быть с Дзином. Что сейчас можно придумать?..

-- Это верно, пока не свистят над головой нули, невозможно вообразить в вышине грот-мачту корабля Свободных мореплавателей, -- сказал Такаки. -- Как я понимаю, вы собираетесь объявить всему миру о своих связях с деревьями и китами? А так как сюда набежит тьма корреспондентов, это даст отличный результат...

-- Не в том дело. И если б я даже мог сообщить газетам и телевидению, что являюсь поверенным деревьев и китов, -- это все равно не будет обращением к деревьям и китам, которое я задумал. Тут нечто совсем иное...

-- Тогда можно избрать другую тактику, -- сказал Такаки, к нему вернулась прежняя твердость и решимость. -- Осаждающим мы внушим мысль, будто вы с Дзином -- наши заложники. В этом случае, может быть, мы сумеем выйти из окружения и добраться до порта, где Свободных мореплавателей будет ждать корабль. Если бы только нам удалось заполучить корабль...

-- Правильно, стоит вам объявить нас с Дзином заложниками, жена, я думаю, передаст вам корабль. Тем более деньги на корабль она все равно собиралась мне дать. Как человек, баллотирующийся на выборах от правящей партии, она не может предоставить средства для побега людям, выступающим против властей. Но ради спасения мужа и сына, взятых в качестве заложников "экстремистами"... Тут разговор другой. Это даже станет козырем в ее избирательной кампании.

-- Все наши угрозы окажутся бесполезными, пока и враги не извлекут из них какую-то выгоду. Поэтому они не должны знать, что вы участвуете в сражении, иначе все провалится. А пока можете выступать в качестве, так сказать, тайного воина -- пишите тексты ультиматумов. Радист будет их передавать за стены убежища.

Исана снова убедился, насколько Такаки подготовлен к роли руководителя.

-- Значит, сначала я должен поработать в радиорубке? -- спросил Исана.

-- Боем будет командовать Тамакити. Он у нас самый опытный стрелок. Оружия и боеприпасов у нас немного, поэтому лучше всего поручить дело специалисту. Да и потом, его от оружия все равно не оттащишь...

Чтобы противник, притаившийся снаружи, не заметил в доме движения, Инаго разделась, не входя в комнату, при свете лампочки у винтовой лестницы. Ее тело, покрытое легким пушком, излучало мягкое сияние. Она остановилась у порога и стала всматриваться в темноту, выискивая, где лежит Исана. Потом прикрыла за собой дверь и уже в полной тьме подошла к нему и легла рядом.

-- Первым на пост заступает Тамакити. Он и Радист несут сегодня ночную

вахту, -- прошептала Инаго. Исана чуть подвинулся, освобождая ей место. --
Этой ночью, надеюсь, ничего серьезного не случится.

Раздался выстрел, и в убежище откликнулось эхо, как в резонаторе. Проснувшись в испуге, Исана услышал спокойное дыхание сына. Значит, то была не перестрелка, а одиночный выстрел. Но выстрел этот ему не приснился -- он действительно был. Инаго тоже проснулась. Кто-то стремительно взбежал по винтовой лестнице. Взрыв. Стреляли явно из автомата, короткой очередью. Он помнил этот звук еще по Идзу. Стреляли с третьего этажа. Заплакал Дзин, наверно, ему что-то приснилось.

-- Дзин, Дзин, -- повторял Исана, не находя нужных слов. Он не мог успокоить сына, сказать: все кончилось, Дзин, -- ведь выстрелы могли повториться. Когда информация, поступающая в затуманенный мозг Дзина, расходилась с действительностью, он вспыхивал, как сухая солома. Исана тихо и неуверенно шептал, весь напрягшись в ожидании нового выстрела:--Дзин, Дзин.

Инаго встала и приоткрыла дверь, впустив в комнату слабый свет с лестницы.

- Дзин, это выстрел. Бах -- выстрелил Тамакити, -- утешала она плачущего ребенка, встав на колени у его кровати. -- Это даже интересно. И совсем не страшно, Дзин.

Исана вдруг вспомнил, что нужно было делать. Присев на матрасе, надел рубаху и брюки. Он увидел такие прекрасные и совершенные, что даже дух захватывало, удлиненные груди Инаго, склонившейся над тихо плачущим Дзином.

-- Скажу Тамакити про Дзина, -- сказал Исана, заставляя себя оторваться от зрелища, на которое так и глядел бы без конца.

На третьем этаже тоже соблюдалась светомаскировка, лампочка без абажура освещала только винтовую лестницу. Ноздри щекотал едва уловимый запах порохового дыма, исходивший от черных спин Тамакити и Такаки, прильнувших к бойницам. Тот же запах исходил от Радиста в темном углу комнаты, с наушниками на голове низко склонившегося над слабо освещенной шкалой приемника.

Когда Исана подошел к свободной бойнице между теми, у которых стояли Такаки и Тамакити, Такаки предупредил:

-- Осторожно. Стекла вынуты.

Действительно, стекла в круглых окнах были вынуты, и холодный ночной воздух ударял в лоб, как предвестник пуль, которые вот-вот полетят в него.

-- Да и было бы стекло, что стоит пуле пробить его. Раз -- и готово, -- сказал Тамакити. -- Хотя, возможно, полицейские не получили еще приказа стрелять.

Он говорил обдуманно и спокойно, по-взрослому убедительно. Если снаружи не стреляли, значит, оба выстрела сделаны Тамакити. И благодаря этим выстрелам он как-то сразу возмужал. Он не был уже тем щенком, которого просто возбуждает ружейная пальба. Исана посмотрел на автомат, лежавший дулом к стене, у колен Тамакити. Даже в темноте деревянные части -- приклад и ложе -- отливали красным глянцем, а металлические -- ствол и магазин -- едва поблескивали.

-- Два часа тридцать минут, -- сообщил Радист. -- Попробую поймать ночной выпуск новостей.

-- Если в ближайшие полчаса ничего не случится, значит, они решили ждать до утра, -- вздохнул Тамакити.

-- Еще бы, прожекторы большой полицейской машины ты ведь разбил, -- сказал Такаки, обернувшись. -- Два выстрела -- два прожектора.

-- Ровно в два часа полицейская машина включила прожекторы, -- объяснил Тамакити. -- Чтобы мы не скрылись в темноте. Кокнул я один прожектор, они сразу второй потушили; минуты три прошло -- снова включили, я и его кокнул.

-- Ты что, слышал звон стекла?

-- Да, здесь всего-то метров сто пятьдесят, -- сказал Тамакити. -- И солдат еще говорил: точность этих автоматов известна во всем мире. А он как-никак в силах самообороны служил...

-- Ни одна станция о нас не сообщает. И экстренных сообщений пока тоже не было, -- доложил Радист.

-- Может быть, еще действует запрет? -- прикинул Тамакити. -- Но к утру все станции только и будут твердить об осаде. Теперь-то у них нет сомнений, что в этом здании люди, готовые отстреливаться из автомата.

-- Видимо, так, -- согласился Радист.

-- Прожекторы у них разбиты, до рассвета они ничего не предпримут, -- сказал Такаки. -- Ждут прибытия корреспондентов. Может, нам поспать по этому случаю? Уничтожив прожекторы, ты, Тамакити, показал твердую волю Свободных мореплавателей и их стрелковое мастерство. Теперь до утра не стреляй.

-- Не буду, конечно, -- ответил Тамакити задумчиво. -- Я теперь хочу, чтобы моя пуля убила человека. Иначе какой толк в оружии?..

Глава 19

ИЗ ЧРЕВА КИТА (1)

Исана так и не успел сказать: подумайте о Дзине, у него очень тонкий слух. В дверях показалось багровое от возбуждения и тревоги лицо Красномордого.

-- Четверо из наших "образованных" -- предатели, -- сказал он с несвойственной ему грубостью, еще сильнее заливаясь краской. -- Услышав выстрелы, они затряслись от страха и хотят уйти. Их сейчас Доктор пытается удержать, но...

Красномордый вошел в комнату и, тяжело дыша, уселся рядом с Тамакити, а тот, с автоматом на коленях, все так же молча смотрел через бойницу. Возможно, он хотел показать, что дело это решать не ему, а Такаки. Тот поднял с пола две пустые гильзы и, зажав между большим и указательным пальцами, стал молча их разглядывать. Вдруг послышался звук, точно крохотный краб пускал крохотные пузыри. Звук шел из наушников, которые снял с головы Радист. Чувствуя, что тело его холодеет, будто от потери крови, и к горлу подступает тошнота, Исана обратился к душам деревьев и душам китов: Так начинается суд Линча. Повторение того, что случилось с Коротышом. Но повторение одного и того же означает застой, загнивание. Значит, они идут к своей гибели...

-- Они даже не предатели, просто отщепенцы, -- задумчиво произнес Такаки. -- Так сказать, списались с корабля на берег...

Когда он снова умолк, раздался решительный голос Тамакити:

-- Ты говоришь, Доктор пытается их удержать. Но ведь не силой же, а уговорами. Кстати, они вооружены?

-- Оружейный склад рядом с их койками, вот в чем дело, -- ответил Красномордый.

-- Тогда лучше выпустить их. А я прошью их очередью из автомата.

-- Я гляжу, ты помешался на убийствах, -- оборвал его Такаки. -- Зачем убивать их? Списались с корабля, и все. Мы решили забаррикадироваться не потому, что нас объединяет какая-то идея. И не нужно никаких ярлыков: "правы" -- "не правы". Разве за это убивают?.. Верно я говорю? Разница между остающимися и теми, кто уйдет, единственная: в одних жива мечта о корабле, а в других -- нет.

-- Почему же мы убили Коротыша? -- набросился на него Тамакити.

-- Коротыш сам виноват в суде Линча. Он, из-за своих взглядов, сам жаждал быть убитым и сделал все, чтоб не оставить нам другого выхода. В конце концов, я пошел на это. И когда все совершилось, я увидел свою мечту гораздо яснее. Но для чего сейчас убивать тех, кто расстался с мечтой о Союзе свободных мореплавателей и списался с корабля? Я никогда не хотел и не собираюсь убивать людей просто так.

-- Значит, ты не хочешь стрелять и в полицейских?

-- Если б можно было обойтись без стрельбы, не стрелял бы. Но они явились уничтожить мечту Свободных мореплавателей, и мы, верные нашей мечте,

вынуждены сопротивляться.

-- Делай, как знаешь, -- произнес Тамакити.

-- Конечно, мы их отпустим без оружия, но они хотят убежать прямо сейчас, -- возмущался Красномордый.

-- Ты говоришь, хотят убежать, -- сказал Такаки. -- Но вряд ли им удастся удрать от моторизованной полиции. Чтобы их не обстреляли невзначай в темноте, выпустим их, когда рассветет.

-- Я согласен с Такаки, -- сказал Красномордый.

-- Я тоже -- после истории с Коротышкой, -- смущенно сказал Тамакити.

-- Нужно их убедить, -- напомнил Исана, -- что и мы с Дзином хотели бежать из убежища, но нас оставили в качестве заложников.

-- Думаете, эти типы, которые смываются, поверят, что вы с Дзином тоже хотите бежать? -- спросил Красномордый. -- Они же прекрасно знают, что вы принадлежите к Союзу свободных мореплавателей...

-- Но ведь они до выстрелов Тамакити были уверены, что и сами принадлежат к Союзу свободных мореплавателей, -- сказал Такаки. -- Они-то скорее всего поверят, что другие тоже хотели бежать.

-- Дзин в самом деле не переносит выстрелов, -- вставил Исана, улучив момент. -- У него слишком тонкий слух.

-- Это правда? -- спросил Такаки участливо, -- Выстрелы доставляют Дзину страдания? Может... что-нибудь придумать, увести его отсюда?..

-- Если Дзина с Инаго посадить в бункер и закрыть крышку люка, он ничего не услышит.

-- Ладно, так и сделаем, -- согласился Такаки.

-- Пришло время поработать и специалисту по словам Союза свободных мореплавателей, -- сказал Исана, он был благодарен Такаки за участие. -- Напишу письмо жене от имени заложников, запертых в убежище. Если оно попадет в руки полиции, она не сможет игнорировать версию, что мы с Дзином здесь -- заложники.

-- Беглецы могли бы отнести письмо, -- сказал Тамакити. -- Боюсь, правда, все это ни к чему.

-- Перечислите в письме условия, на которых мы готовы выдать заложников: беспрепятственный выход всех осажденных, предоставление корабля и машины, на которой мы сможем доехать до порта.

-- Пока корабль не выйдет в открытое море, заложники останутся на борту. Нам гарантируют неприкосновенность корабля. Это тоже стоит написать.

-- Может быть, указать, какой нам нужен корабль? -- спросил Исана. -- Когда я разговаривал с женой, то не знал еще, что именно нам нужно.

-- Да никакого корабля они нам не дадут, -- сказал Красномордый. -- Полиция не разрешит.

-- Подумать о корабле все-таки не мешает, -- отрезал Такаки. -- Красномордый, это ведь по твоей части: размеры, технические данные.

В четыре часа утра четверо подростков, положив руки на затылок, как в детективных телефильмах, и понурясь от стыда, вышли из убежища. Исана, как заложник, которого бдительно стерегут, остался рядом с Радистом и через бойницу смотрел им вслед.

-- В четырехчасовых известиях запрет на передачи о нас снят. Треплют все подряд -- что было и чего не было. Нас называют отрядом партизан-убийц, -- сказал Радист невозмутимо, словно сообщая время.

Из бойниц прямо напротив убежища были видны две полицейские машины. Тамакити разбил стекло еще в одной бойнице: щитов на колесиках, за которыми укрывались готовые к атаке полицейские моторизованного отряда, становилось все больше.

-- Можешь разбить хоть все стекла в бойницах, -- предложил Исана.

-- Ни к чему. Достаточно показать им, что мы не остановимся перед тем, чтобы обстрелять отсюда полицейские машины. Убивать всех полицейских подряд я не собираюсь. Конечно, если их командир высунет из машины голову, я снесу ее, чтоб доказать решимость Свободных мореплавателей.

Такаки чертил план расположения моторизованного отряда, окружившего убежище. Пока он мог точно указать лишь, где находятся две полицейские машины и цепь полицейских со щитами; однако легко было предположить, что на холме за убежищем расположена еще одна машина, которую из бойниц не видно; он обозначил ее пунктирной линией. Рассматривая свой план, Такаки пытался путем несложных рассуждений установить, откуда ждать нападения. Боеприпасов было совсем мало, поэтому решили, что стрелять имеет право один Тамакити, да и то лишь с целью предупреждения. Убежище очень выгодно расположено для обороны, поскольку противнику придется наступать с заболоченной низины. Оставалась, правда, возможность нападения с тыла. Когда Свободные мореплаватели глубокой ночью делали вылазку, они по украденной на складе лесоматериалов бамбуковой лестнице легко забрались на крышу убежища. Если полицейские поставят за убежищем снабженную лестницей пожарную машину, осажденные окажутся в критическом положении.

-- У нас достаточно времени на подготовку, -- сказал Такаки. -- Полиция пойдет на штурм еще не скоро. Возможно, уловка с заложниками сорвется, но все равно полицейские будут проявлять осторожность -- ведь в убежище ребенок. Даже если полиция не предаст гласности письмо, не сообщит о нем вашей жене, она так или иначе приедет. Пресса будет все время сообщать об

осаде убежища. Вряд ли ваша жена не обратит внимание на то, что здесь происходит.

О Свободных мореплавателях теперь знали все. Видно, ребята, схваченные в Идзу, наболтали лишнего. Союз свободных мореплавателей, твердило радио, это -- организация бешеных, обладающая огромной маневренностью и широким полем деятельности. Его члены -- взбесившиеся мотоциклисты: угнать машину им ничего не стоит. К тому же в их распоряжении автоматы, охотничьи ружья, гранаты, динамит, патроны, украденные у сил самообороны, у американских войск в Японии и в частных домах. Эта необычайно опасная группа под руководством солдата сил самообороны провела военные учения в горах Идзу. Фотографии учений опубликованы в еженедельнике. Фоторепортер, сделавший снимки, варварски убит. На трупе, обнаруженном недалеко от их тайника, -- нанесенные камнями раны, повреждения внутренних органов. Из тела извлечена пуля калибра 7,62, выпущенная из автомата, находящегося на вооружении сил самообороны. Можно считать установленным, что солдат сил самообороны, покончивший с собой после перестрелки и взрыва гранаты, и был их военным инструктором на учениях. Идеиные позиции группы пока не ясны. О них не известно, не известно, ничего неизвестно...

Согласно показаниям арестованных, Свободные мореплаватели ждали разрушительного землетрясения в районе Канто и рассчитывали, узнав о нем, высадиться в Токийском заливе с корабля, служащего им тайным укрытием, и напасть на жертвы землетрясения. Во имя чего, во имя чего, во имя чего?

Теперь эти

социально незрелые, но обученные военному делу люди укрылись, вооруженные автоматами, в железобетонном здании. Подросток, найденный вчера утром мертвым в аркаде клиники Токийского университета, который напал на рабочих, сносивших строения киностудии, и был ими избит, принадлежал к этой же группе. Труп подростка подбросили его товарищи. Видимо, они давно уже вознамерились забаррикадироваться в этом здании. Что будет, если в Токио действительно произойдет разрушительное землетрясение? Необходимы серьезные полицейские меры, чтобы отбить нападение этой антисоциальной бандитской группы. Расправимся с ней, уничтожим ее! Перебьем, сожжем, выкорчует! Подобные призывы распалившихся комментаторов неслись из радиоприемника.

-- Я вижу, рассчитывать на смягчающие вину обстоятельства не приходится, -- грустно сказал Такаки, протягивая Радисту штекер от наушников, чтобы он выключил динамик. -- А теперь еще прибавят, что мы под угрозой оружия захватили заложников -- умственно отсталого ребенка и его отца.

-- Во время землетрясения мы собирались уничтожить машины сильных

мира сего, создающие пробки на дорогах, забитых беженцами, чтоб уравнять шансы людей, спасающихся бегством, -- сказал Тамакити. -- И значит, были бы своеобразным спасательным отрядом. Сволочи, все с ног на голову перевернули! Может быть, ребята, которые ездили в Идзу, сделали ложное признание?

-- Но нам и в голову не приходило помогать слабым, которые будут спасаться бегством, -- уныло возразил Такаки. -- Чтобы быстрее добраться до своего корабля, мы собирались крушить машины, которые могли нас опередить... Разве не такой был у нас план? А что бы ты сам сказал, если бы полицейские стали тебя избивать и допрашивать? Вот они и раскололись: мол, собирались в панике, сопровождающей землетрясение, уничтожать машины, чтоб отомстить обществу.

-- Я вижу, у нас теперь два специалиста по словам, -- съязвил Тамакити.

-- Но зато специалист по стрельбе один, -- ответил Такаки. -- Ты совсем не спал, пойдешь и поспи хоть немного.

-- Не вздумайте без меня стрелять. Сбить с полиции пыл можно, только доказав, что мы стреляем без промаха.

-- Если потребуется кого-нибудь застрелить, вызовем немедленно, -- пообещал Такаки, и Тамакити спустился вниз. -- Странный парень, -- добавил он. -- Даже аппетит у него пропадает от мысли, что стрелять будет не он, а кто-то другой.

Теперь в карауле стоял один Исана, он напряженно смотрел в бойницу. На безоблачном небе ярко сияло солнце, посылая на землю дрожащие паутинки серебряных лучей. Половина седьмого. Невооруженным глазом были видны лишь полицейские машины и щиты. Ни живой души. Тамакити категорически запретил пользоваться биноклем, опасаясь, как бы отблески линз не послужили отличной мишенью. Но было ясно, что за щитами -- полицейские в касках и пуленепробиваемых жилетах, а в полицейских машинах -- снайперы такого класса, что впору выступать и на Олимпийских играх. Людей, однако, по-прежнему не было видно, и это придавало пейзажу какую-то сюрреалистическую странность, напоминавшую кошмарные сны детства. Хотя был день и ярко светило солнце, все вокруг казалось мрачным и таинственным. Даже деревья...

Внезапно у Исана возникло ощущение, что окружающий мир окутан непроницаемой пеленой тайны, сквозь которую не просочится и капля воды. Ему чудилось, будто перед глазами плотно законопачено все -- каждая щелочка. И ощущение это пугало своей конкретностью. Тело его вмиг покрылось потом.

-- Случилось что-нибудь? -- спросил внимательно наблюдавший за ним Такаки.

-- Ничего определенного, -- сказал неопытный караульный. -- Я сразу понял, что там прячутся люди. Но теперь вдруг ощутил это физически.

Такаки, с его практическим складом ума, сразу взял бинокль и, отойдя от бойницы на полметра, поднес окуляры к глазам.

-- Прячутся, точно. Как насекомые, копошатся. Кишмя кишат. Замаскировались, чтоб мы не обнаружили их и не стреляли, лишь иногда высунут голову и наблюдают одним глазом... Что они хотят увидеть? Ну точно циклопы. Может, с тех пор, как мы порвали с миром, произошла ужасная катастрофа и

все, кроме нас, превратились в одноглазых циклопов?

Взяв у Такаки бинокль, Исана взглянул на залитый солнцем мир за стенами убежища. Все, что он раньше видел невооруженным глазом, вроде бы не изменилось -- и покрытая густой летней травой заболоченная низина, и полицейские машины, и два ряда щитов по сторонам. Но развалины снесенной киностудии превратились в баррикады из металлических балок, бревен, кусков железа, бетона. Среди этих баррикад выделялась одна, куда бульдозер сгреб куски железобетона и камни, -- она сверкала на солнце, как ледяной дом эскимосов. За баррикадами повсюду виднелись одноглазые. У некоторых их единственный глаз был снабжен фотообъективом. Едва исчезал один одноглазый, тотчас появлялся другой. Сколько же одноглазых укрылось там? Что за сила заставляет их попеременно наблюдать и прятаться? Зрелище это напоминало мельтешение красных кровяных телец под микроскопом. На переднем плане беспрерывно перемещались серовато-синие фигуры -- полицейские, прикрытые с головы до колен щитами. В сторону убежища они не смотрели.

Кладя бинокль на пол, Исана заметил автомат, оставленный Тамакити. Возникло непреодолимое желание взять его и выстрелить в эти мечущиеся красные кровяные тельца с одним глазом...

Однако ответственный за оружие Союза свободных мореплавателей, словно угадав, что подобное желание вот-вот возникнет у кого-нибудь, вернулся, так и не поспав.

-- Полицейская машина повернула в нашу сторону. Выстрелю-ка в водителя. Дзин с Инаго в погребе, ничего не услышат.

Тамакити приник щекой к красному прикладу, и лицо его стало грустным, спокойным и очень похожим на лицо Боя, словно они были родными братьями. Он вздохнул, сосредоточился, будто стараясь припомнить что-то. Раздался выстрел. Тамакити быстро опустил автомат и, прижавшись к бетонной стене, выглянул в другую бойницу. Перед выстрелом Исана зажал уши, но в них все равно стоял звон. Он наблюдал за энергичными, решительными действиями

Тамакити, они казались ему судорожными. На плече и шее в том месте, куда он прижимал приклад, выступили красные пятна.

-- Убил ли -- не знаю, но попал -- точно. Пуля разбила стекло. Полицейские, прикрывшись щитами, пытаются вытащить водителя из машины, он лежит на сиденье. Я целился ему в шею, между каской и пуленепробиваемым жилетом.

Тамакити протянул бинокль Такаки. Исана видел, как тяжело дышит раскрасневшийся Тамакити, красное пятно с его шеи уже сошло. Исана, когда подошел его черед, отказался от бинокля. Тамакити лишь глянул на него, но промолчал. Послышался шум вертолета, кружившего над зданием.

-- Сбить бы его, то-то будет потеха, -- сказал Тамакити. -- Но вылезешь на крышу -- сразу пристрелят.

-- Хватит с тебя, -- сказал Такаки. -- Сбивать вертолет ни к чему. Теперь они долго не

начнут наступления. Если не хочешь спать, пойдем съедим чего-нибудь.

Какие железные желудки у Такаки и Тамакити, подумал Исана. Но он и сам почувствовал приступ голода. Наверно, они все уже тут привыкли к своей маленькой войне.

В утренние часы осаждающие ничего не предприняли. В бинокль было видно, что за баррикадами прибавилось репортеров. Зевак, похоже, разогнали. Над убежищем кружило уже несколько вертолетов. Передвигающиеся люди, бегущие животные ни разу не попались на глаза Исана. Его уставшие от яркого солнца глаза различали лишь безлюдную пустыню, которую обволакивали густые тени. Но все было в непрерывном движении. Ветер колыхал траву и деревья. Колыхались тени, и чудилось, будто перемещаются даже неподвижные камни. Вишня у входа в убежище, казалось, мчится, как слониха. Искореженная крона ее с густой до черноты листвой яростно бросалась на обжигавшее солнце. Я надеюсь, когда полицейские ворвутся сюда, они не повредят ни твоего ствола, ни твоих веток и листьев, -- сказал Исана душе вишни. Но, возможно, дерево гневалось не только на тех, кто окружал убежище...

-- Ой! -- вдруг непроизвольно, по-детски вскрикнул Тамакити.

Все пространство, обозреваемое из бойницы, было заткано прозрачно-голубым стеклянным волокном. Пучки волокон были усеяны серебристыми шариками. Вода. Струи огромного водопада низвергались с холма за убежищем. Вода лилась непрерывным потоком, извиваясь крохотными серебристыми рыбками.

-- Сволочи, -- сказал Тамакити, вздохнув с видимым восхищением. -- Пригнали-таки пожарную машину. Решили испытать ее.

Прильнув к бетонной стене, Тамакити прижал лоб к углу бойницы и посмотрел вниз. Исана тоже смотрел вниз. На поросшем густой травой склоне

виднелась тропинка, протоптанная (как давно это было!) Исана и Дзином. В ямках, выбитых среди голой земли, отражая солнце, стояла вода. Края прозрачно-голубых лужиц сверкали осколками гранита. Лужицы эти приковали к себе глаза и сердце Исана. Они только что возникли и вскоре исчезнут, но все же как прочно и незыблемо все сущее на земле, кроме человека, -- прошептал Исана, обращаясь к душам деревьев и душам китов. -- Сейчас рядом со мной люди, а я смотрю на лужицы с тем же волнением, как и прежде, когда размышлял здесь в одиночестве...

-- Уж не вскрылись ли здесь россыпи серебряной руды, -- заговорил Тамакити, моргая глазами от ослепительного сияния. -- В детстве я как-то видел справочник геолога (он не сказал: "читал"), и мне тоже захотелось открыть рудные залежи. Я знал, что не обнаружу на улице никаких залежей, и все же не мог без волнения смотреть на все блестящее. А в горах мною овладевал такой азарт, что даже в ушах звенело. Сколько лет прошло, и вдруг неожиданно вспомнилось, вернулось ко мне

это странное чувство. Я понимаю, передо мной обычные лужи, а мне видятся россыпи серебра. Но даже если задуматься и убедить себя, что перед тобой не серебряные россыпи, а обыкновенные лужи, я не огорчусь -- ведь я все равно вижу настоящие сверкающие россыпи.

-- Россыпи серебра?

-- Правда, я не могу подойти к моим россыпям и проверить, не простые ли это лужи. Не то меня сразу убьют...

-- Тамакити, нужно как-то обеспечить тыл нашего убежища, -- сказал Такаки, поднявшись в рубку с американской винтовкой на плече. -- Что сообщают в последних известиях?

Но Радист, свернувшись калачиком у своей рации, мирно спал. Торчащие ноги его были красны, словно сваренные в кипятке огромные креветки. Эти ноги, полные жизненных сил, воспринимались как неистощимый источник энергии. Спящий теперь подросток, питаемый этим источником, много часов подряд возился со своей рацией. Наверно, и на лодочной станции он был так же полезен.

-- Раз уж Радист оставил свою рацию, ничего нового не произошло. Итак, что ты думаешь, Тамакити?

-- Есть только один способ. Не знаю, удастся ли...

-- Попробуем, -- не задумываясь, сказал Такаки.

-- Потребуются две гранаты. Еще одну используем потом, когда пойдут в атаку полицейские машины, а последнюю, четвертую, -- в решающей схватке, чтоб подбодрить ребят, -- сказал Тамакити, повернувшись к Исана. -- Помните, вы нам рассказывали о соотношении силы взрыва и разрушительной мощи

атомной бомбы. А приложимо все это к такой маленькой бомбе, как граната?

-- Если взорвать сразу две гранаты, то, вероятно, сила взрыва удвоится. В этом смысле приложимо.

-- Хорошо, -- сказал Тамакити. -- Попробую забросить на холм за убежищем две гранаты сразу. Я хочу, чтобы засевшие там полицейские были хорошо видны отсюда.

-- А вдруг склон обрушится? Тогда и здание наше рухнет, -- усомнился Такаки.

-- Нет, здание прочное. Небольшой оползень ему не страшен, -- сказал Тамакити. -- Только вот Дзин меня беспокоит.

-- Присмотрите за Дзином, Исана, -- сказал Такаки. -- Выберется наружу с гранатами один Тамакити, а мы с Радистом разбаррикадируем и потом снова заложим дверь. Неужто вдвоем не справимся?

-- Да это и одному под силу, -- заверил Радист, проснувшись и надевая наушники.

Тамакити, дав волю охватившему его возбуждению, стремглав сбежал по винтовой лестнице.

-- Как бы его не убили, -- сказал Исана. -- Если даже полиция и поверила в нашу версию, вряд ли человека, вылезшего на крышу с гранатами, примут за заложника.

-- Тамакити -- парень осторожный. Когда он был бешеным мотоциклистом, его ни разу не ранило серьезно, -- ответил Такаки.

Комната, куда спустился Исана, была наполнена журчащими голосами птиц. В бункере -- Тамакити оставил люк открытым -- Дзин слушал магнитофон. Утопая в птичьих голосах, Красномордый что-то писал. Исана заглянул через его плечо, и тот поднял залившееся краской лицо -- у него был растерянный вид застигнутого врасплох школьника. На листе бумаги Красномордый изобразил двухмачтовое судно в вертикальном разрезе и в плане и снабдил рисунок подробными пояснениями. Стиснув зубы, он старался скрыть свое смущение.

-- Я описываю размеры и конструкцию корабля, который нам требуется, -- объяснил он.

-- Молодец, это скоро понадобится, -- сказал Исана.

Из люка показалась голова Тамакити. Когда он вылез, в руках его оказались два полиэтиленовых мешочка с чем-то тяжелым и твердым. Он держал их с преувеличенной осторожностью, будто там были не гранаты, а бутылки с горючей смесью.

-- Через десять минут атакую. Влезайте в бункер и закройте крышку люка, -- сказал он с важностью.

-- Смотри не ошибись, а то еще бросишь их •из рубки вниз, -- съязвил

Красномордый, но Тамакити не удостоил его взглядом.

Исана и Красномордый, как спасающиеся от бомбежки мирные жители, спустились в бункер, и Исана плотно прикрыл крышку люка. Погруженный в птичий голос, Дзин тихо называл имена их обладателей. Раньше в птичьих голосах для него был заключен весь мир. Теперь же, называя имена птиц, Дзин знакомил с каждой из них Инаго, задумчиво глядевшую на него.

-- Это пестрый дрозд... это козодой (казалось, Дзин подбадривает Инаго, точно она заблудилась в ночном лесу), это длиннохвостая сова... это иглохвостая сова... это погоньш...

-- Дзин -- настоящий знаток птичьих голосов, -- сказал Красномордый.

-- А ты -- знаток кораблей. Здорово оборудовал бункер под кубрик, -- похвалил Исана.

-- Прежде чем сделать чертеж, нужно было представить себе настоящий корабль. Вот мы и сделали его здесь, -- объяснил Красномордый. -- Нам нужна переоборудованная рыбацья шхуна: водоизмещение -- шестнадцать с половиной тонн, длина -- пятнадцать метров; тогда здесь поместятся койки для команды из десяти человек.

-- Переоборудованная рыбацья шхуна? По-моему, корабль в павильоне киностудии выглядел куда романтичнее.

-- Сначала Союз свободных мореплавателей предполагал выйти в море на паруснике, -- сказал Красномордый. -- Но надежнее всего переоборудованная рыбацья шхуна.

-- Здравая мысль, -- одобрил Исана.

В углу, возле газовой плиты и мойки, Доктор, сидя на корточках, раскладывал продукты. Должно быть, он подменил Инаго, занятую с Дзином.

-- Чего-нибудь не хватает, Доктор? -- спросил Исана, дождавшись паузы в птичьем пении.

-- Нет, все в порядке, -- улыбнулся Доктор. -- Хорошо, что вы нашли консервированный шпинат и маринованную капусту. Они очень полезны. Хороши и консервы: вскипятит -- и ешь на здоровье. Нет, современное человечество продержится долго. Только вот как быть с водой? Если они перекроют водопровод...

-- Нужно набрать хоть ведерко. Противник небось не станет раздумывать, перекроет воду -- и все, -- сказала, повернувшись к ним, Инаго.

Дважды ударили взрывы. Они слились, как две ползущие по стене капли, но каждый возник отдельно, сам по себе. Бункер качнуло, точно комель могучего дерева. Лента с птичьими голосами крутилась по-прежнему, но Дзин молча протянул к Инаго руки с несошедшими еще пятнами от сыпи. Испуганные, широко раскрытые глаза Инаго смотрели на Исана растерянно, беспомощно.

-- Ну, Дзин, объясняй дальше. Назови-ка мне всех этих птиц, -- сказала Инаго.

-- Это мухоловка... это жаворонок, -- снова заговорил Дзин, дрожа всем телом.

Исана, Красномордый и Доктор взбежали по металлической лестнице и закупорили крышкой люка звучавшие позади голоса птиц. Слышно было, как в заднюю стену здания ударяют камни и комья земли. Прижав к боку автомат дулом вниз, по винтовой лестнице сбежал Тамакити. Он выскочил в прихожую и, едва переводя дух, навалился плечом на входную дверь.

-- Вы прячьтесь наверху. А Красномордый и Доктор помогут мне, -- хрипло приказал Тамакити. -- Я сейчас возьму пленного.

Он перехватил поудобнее автомат, чтобы можно было стрелять не целясь, а левой рукой открыл замок.

-- Спрячьтесь наверху, вы ведь заложник!

Над головой Исана слышался чей-то приглушенный голос. Он узнал хриплый говор Такаки, но разобрать слова было невозможно. Прильнув к бойнице, Такаки что-то кричал. Стоявший рядом с ним Радист проверял, хорошо ли вставлена в винтовку обойма. Исана выглянул наружу из соседней бойницы. Перед ним открылась комическая и в то же время впечатляющая картина. Справа от убежища, похожая на убитого носорога, лежала на боку полицейская машина. Перед ней в полном вооружении растерянно стоял полицейский. Он не знал, что ему делать: бежать вперед, к машинам и рядам щитов, страшно, слишком далеко. И потом, его удерживали крики Такаки.

-- На этот раз здорово вышло, -- сказал Радист, передавая Такаки винтовку.

Тот высунул ствол в бойницу и выстрелил. Точно связанные с этим выстрелом, в стены убежища ударили несколько пуль. По шлему полицейского застучали отскочившие от стены пули и куски бетона. Он, свалившись вместе с машиной, -- это оказался водитель -- был сначала похож на оглушенную рыбу, но тут сразу вышел из шока. Решительно повернувшись кругом и прижав локти к бокам, он затопал огромными

черными ботинками к убежищу -- сдаваться в плен.

-- Порядок! -- крикнул, отвернувшись от бойницы, Такаки, возбужденный, словно собака, загнавшая зверя.

Его худое лицо, когда он стремглав бежал вниз по лестнице, от избытка радости покраснелось, точно в него плеснули красной краской, глаза сияли. Тут же стукнула дверь: приняв пленного, ее сразу захлопнули. Прислушиваясь к происходящему в прихожей, Исана понял, что с пленным что-то делали, но не похоже было, чтоб он оказывал сопротивление. Возможно, он просто бранился. Наконец, отчетливо послышался возмущенный крик:

-- Д-уракиии!

Первую букву он произнес с такой силой, что она как будто оторвалась от всего слова, а последнюю тянул, сколько возможно затягивать гласную в японском языке. Конечно, он просто крикнул: дураки! Но чувствовалось, какую невероятную враждебность вложил он в это слово. Вдобавок еще и тон у него был насмешливо-презрительный. Полицейский снова и снова выкрикивал свое д-уракиии; наверно, в прихожей, под дулами двух винтовок с ним что-то делают, а он вынужден подчиняться. Скорее всего это просто крик несогласия и гнева, так сказать, словесный протест.

-- Д-уракиии! Разве так можно совершить революцию? Д-уракиии! (Мы не совершаем никакой революции. Нам нужно выйти в море, -- мягко отвечал ему Такаки.) Д-уракиии! Затеяли революцию, а сами своих же товарищей убиваете, зачем? Д-уракиии! (Вот привязался. Да не затевали мы никакой революции.) Д-уракиии! Вон чего понатворили, а революцию не затеваете. Тогда зачем все это? Д-уракиии! (Такаки отвечал по-прежнему терпеливо и мягко: Может, оно и верно, но нам надо выйти в море.) Что? Убийцы! Д-уракиии! Что делаете? Смотрите, вам же хуже будет! Где ваша совесть, разве без совести совершают революцию? Д-уракиии! (Опять за старое? Не совершаем мы никакой революции.) -- Молчание, потом дверь открылась, через мгновение снова щелкнул замок, и Такаки с товарищами, весело смеясь, взлетели по лестнице в рубку. Исана смотрел вслед неожиданно освобожденному пленнику, который убегал, как и раньше, прижав локти к бокам. На нем был, разумеется, темно-синий шлем, висящая мешком походная форма, даже своих огромных ботинок он не забыл, и только брюки у него были спущены, обнажив ягодицы. На его белой, сверкавшей на солнце заднице был нарисован большой красный круг. С государственным флагом на ягодицах, колыхавшимся на каждом шагу, полицейский бежал напрямик по траве; лишь однажды оторвал он руки от боков -- поправить сползавший на глаза шлем -- и снова прижал их на бегу. А Свободные мореплаватели, облепив бойницы, громко хохотали. Один Тамакити, выставив из бойницы автомат, целился в беглеца.

-- Пусть только попробует натянуть штаны, сразу прострочу его восходящее солнце! -- сказал он с неожиданной злобой.

А человек с флагом на ягодицах все бежал по сочной летней траве, залитый лучами щедрого утреннего солнца. Было девять часов утра.

Глава 20

ИЗ ЧРЕВА КИТА (2)

-- Young men be not forgetful of prayer. Говорит радиостанция Союза

свободных мореплавателей. Передача ведется на частоте 145 мегагерц. Радиолюбителей-коротковолновиков, принимающих нашу передачу, просим записать ее на магнитофон и предложить запись средствам массовой информации. Young men be not forgetful of prayer. Говорит радиостанция Союза свободных мореплавателей. Предлагаем полицейским властям условия обмена заложников. В наших руках находятся двое заложников, один из них ребенок. Частное лицо, с которым мы желали бы непосредственно совершить сделку, намерено принять наши условия. Но полиция сознательно затягивает совершение сделки. Если жизнь заложников окажется под угрозой -- вся ответственность ляжет на полицейские власти. В случае необходимости мы готовы перечислить детально свои условия и назвать имя частного лица, с которым мы желали бы совершить сделку. На указанной волне работает только наш передатчик. Приема на этой волне не ведется. Young men be not forgetful of prayer. Говорит радиостанция Союза свободных мореплавателей...

Тамакити, положив по бокам бинокль и автомат, смотрел в бойницу прямо перед собой.

Такаки с винтовкой в руках наблюдал за тем, что делается слева. Красномордый, зарядив охотничье ружье -- именно им когда-то Бой угрожал Исана, -- из прихожей, поднявшись на несколько ступенек по винтовой лестнице, следил за правым флангом. Дверь черного хода на кухне была забаррикадирована кусками бетонных брусков, но после взрыва гранат ее снаружи засыпало вдобавок землей, и теперь не осталось ни щелки.

Сам Исана, придвинув письменный стол к стене и поставив на него стул, следил за происходящим снаружи через бойницу, проделанную у самого потолка, чтобы в комнате было больше света. Стекло из нее он не вынул, да и винтовки у него не было. Прежде чем обрушился склон, из этой бойницы можно было увидеть лишь проросшие на нем тонкие деревца и кустики. Но теперь пропаханная взрывом широкая ложбина открыла панораму холма. Наверно, и у двух ручных гранат разрушительная сила достаточно велика. А может, строители убежища, отрыв у самого основания склона глубокий котлован для фундамента, нарушили тогда равновесие пластов грунта, и потому взрыв привел к такому сильному оползню. За черной обнаженной землей ложбины теперь виден был питомник торговца саженцами. Можно было даже разглядеть молодые деревца камелии и самшита, стоявшие густыми рядами. Впрочем, хилые деревца эти, выращиваемые наподобие бройлерных цыплят, не взволновали смотревшего на них Исана. Только начавшие уже засыхать беспомощные, тонкие дубки, выкорчеванные взрывом, приводили его в отчаяние. Ведь я тоже виновен в том, что взрыв разметал землю, питавшую корни деревьев, а если так, для чего мне жить дальше? Да, собственно, я уже

начал умирать, так не бросайте же на произвол судьбы своего поверенного. Не прерывайте со мной связь, -- так говорил Исана душам деревьев, заключенным в трупах молодых дубков. Его слова "Я уже начал умирать " нашли отклик у душ деревьев, из памяти Исана всдлыло вдруг событие, случившееся незадолго до того, как он укрылся, в убежище.

Он раскрыл и держал наготове большую опасную бритву золингенговской стали и одновременно принимал -- это стояло в одном ряду горько-трагических ситуации тех дней -- наркотик, тоже немецкого производства. Наркотик действовал и как снотворное, поэтому нужно было спешить. Место, которое он собирался разрезать бритвой -- это опять-таки стояло в одном ряду горько-трагических ситуаций тогдашних дней, -- должно было оказаться внутренней стороной запястья, расцарапанного когда-то тем мальчиком из европейской страны. Ободренный наркотиком, он не утратил мужества. Но едва он приложил бритву к мерно пульсирующим у толстых кровеносных сосудов сиреневым и голубым жилкам, к тонким морщинкам кремовой колеи, в глазах его, смотревших на это как бы со стороны, промелькнуло: все мое тело, начинающееся отсюда, от этого запястья, представляет собой совершенно четкую естественную структуру. Вправе ли я, и без того наполовину

мертвый и подверженный тлению, разрушить эту естественную структуру? Вправе ли я ранить ее? Ему казалось несложным зажмурить глаза и с силой полоснуть по руке бритвой, но, скованный стыдом перед этой естественной структурой, он не мог заставить себя зажмуриться... И сейчас он снова ясно осознал, словно на него снизошло видение: Нет, у меня, у человека, начавшего уже умирать, нет никакого права вырывать деревья, пустившие в землю корни. Нет ни малейшего смысла в том, чтобы я, начав умирать, разрушал естественную структуру. Исана вновь обратился к душам деревьев, заключенным в трупах молодых дубков. Совершить подобное значило бы превратить эту землю в страну мертвецов. И никто уже не помешает мертвецам творить на этой земле все, что им вздумается. А значит, тирания людей будет еще продолжаться...

-- Десять часов, -- объявил, поднимаясь, Радист; он прекратил передачи и слушал теперь радио. -- Похоже, они сейчас перейдут в наступление. И вот-вот начнут стрельбу, чтобы прикрыть атакующих. Пойду предупрежу Инаго и закрою крышку люка.

...Исана, наблюдавший за тем, что делается позади убежища, увидел сперва за рядами саженцев камелии и самшита бегущие фигуры, напоминающие черных птиц. Не закрывая глаза, подбадривал он себя, и смотрел на черные силуэты, устремившиеся к убежищу, но тут частая стрельба и разрывы слились в сплошной грохот и гул. Черные фигуры, подбежавшие к стенам убежища,

выпустили клубы белесого дыма, огромными толстыми столбами поднявшиеся к самым бойницам, застав белой пеленой все поле обзора.

-- Как только дым рассеется, и я увижу противника, сразу открою огонь, -- предупредил Тамакити. -- Стрелять вслепую, для остротки -- толку мало. Командир-то их спрятался в машине, и ему хоть бы что. А если каждый выстрел уложит врага наповал, тогда и для нас, и для них начнется настоящая война... Как там позади убежища, ничего не видно?

-- Сначала они стреляли дымовыми пашками и пулями со слезоточивым газом вон с того холма. Я прекрасно их видел. А теперь пуля угодила в бойницу, стекло растрескалось, и я ничего не вижу.

Тамакити, одним прыжком вскочив на письменный стол, осмотрел треснувшее стекло.

-- Теперь пробить его ничего не стоит, даже газовой пулей, -- сказал он. -- Еще одно попадание -- и дело плохо. Нужно срочно заложить бойницу обломками бетона или еще чем-нибудь. В прихожей этих обломков сколько угодно...

Исана, как солдат-новобранец, которому наконец-то дали настоящее поручение, бросился в прихожую. Красномордый с охотничьим ружьем в руках не отрываясь смотрел в бойницу у винтовой лестницы, хотя и она была застлана дымом. Увидев сбегавшего вниз Исана, он оживился.

-- Я не принес тебе никакого приказа, -- объяснил Исана. -- Соберу здесь обломки бетона, чтоб заложить бойницу. Остерегайся прямого попадания газовой пули.

-- Да знаю, знаю. Бойница на такой высоте -- стреляй газовой пулей хоть в упор, -- сказал Красномордый. -- Но мы их гранатами так припугнули, что небось не скоро сунутся к убежищу. У меня самое плохое место для наблюдения. И ружье мне здесь ни к чему, только руки оттягивает...

Время бесконечно тянулось в белом мраке, окутавшем убежище, и тяжким грузом ложилось на всех, даже на снайпера. Тамакити -- раньше его кое-как удавалось сдерживать Такаки -- не выдержал и, нарушая свой собственный запрет, дрожа от злости и возбуждения, выставил в бойницу дуло автомата. Только Радист не обращал внимания на застилавший бойницу дым и выстрелы. Его интересовала лишь информация, приносимая радиоволнами. Выслушав ее, он попытался обрисовать обстановку:

-- Машины скоро двинутся сюда. Прячась за ними, наверно, подойдут полицейские. Хотя атаковать убежище они пока не собираются.

-- На какое расстояние подъедут, не знаешь? -- спросил Тамакити.

-- Репортаж с места событий ведет комментатор, укрывшийся за машинами. Он-то, наверно, знает. Но ничего не сказал. Может, ему запретили?

-- А что, если эта передача -- просто отвлекающий маневр? -- предположил Такаки.

Радист начал крутить рукоятки, пытаясь поймать переговоры между полицейскими.

Доктор, вспомнив, что стекло балконной двери тоже разбито, стал затыкать его одеялом, чтобы через щели между обломками бетона не проникал слезоточивый газ. Он понимал, что на крышу упало уже несметное количество газовых пуль. Исана тоже был занят делом -- закладывал обломками бетона верхнюю бойницу. Он сам себе наметил норму: сложить баррикаду из пяти обломков.

Тамакити выстрелил три раза подряд. Ветер, хоть и слабый, разгонял дым, и в белой пелене появились разрывы. Вздогнув от выстрелов, Исана, точно из кабины тихоходного винтового самолета, увидел вдруг сквозь тоннель в дыму яркое голубое небо. В стену убежища ударили ответные пули. Все, кроме Радиста, склонившегося над рацией, притаились в простенках между бойницами. Клубы белого дыма вновь затянули убежище, и полицейские не могли определить расположение бойниц. Пущенные вслепую, пули то и дело хлестали по бетонным стенам.

-- Ишь как разозлились. Разве допустимо для полицейского терять самообладание? -- пошутил Такаки.

-- Судя по их переговорам, они прямо с ума посходили, -- сказал Радист. -- А ведь вроде командиры в моторизованной полиции все из юристов, кончали Токийский университет. Хотя чего от них ждать?

-- Что же они на одной и той же волне обсуждают всю операцию?

-- Нужно держать в секрете, что мы перехватываем их радиопереговоры, -- сказал Тамакити, он снова был необычайно спокоен. -- Первая моя пуля угодила в командира, находившегося в полицейской машине. Вместо лобового стекла тут же вставили щит, так что попал я в водителя или нет, не знаю. Больше всего их взбесило, что я влепил пулю в командира, -- будь это рядовой, наверно, так бы не злились. Чудно.

-- В общем, расвирепели, -- бесстрастно произнес Радист. -- Чем слушать по радио треп про то, как нас окружают, лучше поймать по УКВ телевидение -- может, поймем обстановку в целом. Главное -- мысленно представить поле боя с убежищем посередине, -- сказал Радист. -- Когда репортер сталкивается с тем, о чем запрещено сообщать, он путается и мелет неведь что. Диктор же телевидения комментирует только происходящее на экране.

-- Что ж, включим? -- спросил Такаки.

-- Только не громко, -- смущенно, но твердо сказал Радист. -- А то не по себе становится.

-- Убили первым же выстрелом? -- допытывался Тамакити.

-- Смерть командира наступила мгновенно. Пуля попала в правый глаз и вышла через затылок, -- пояснил Радист.

-- То-то они взбесились, -- сказал Тамакити. -- Не говорят, на какое расстояние подошли? Когда я стрелял, машина стояла метров за семьдесят или восемьдесят.

-- По телевизору сообщают: машина стоит на прежнем месте.

-- И не движется к убежищу?

-- Диктор толком не говорит -- очень нервничает. Наверно, она действительно стоит на месте.

-- Полицейские просто боятся, не рискуют приблизиться, -- сказал Такаки. -- Теперь они выроют вокруг машин окоп, обложат его мешками с песком. И начнут через громкоговоритель убеждать нас сдаться. До того, как пойдут на штурм.

-- Постой, после сообщения об убийстве полицейского они начали передавать новое: официально заявили, что мы забаррикадировались в убежище, захватив заложников, -- сказал Радист. -- Значит, коротковолновики приняли наше сообщение и передали его, как мы и просили, прессе и телевидению. Полиции пришлось официально объявить о нем... Говорят о вас с Дзином, но вас называют каким-то другим именем.

-- Ооки Исана -- это имя, которое я выбрал себе сам...

-- Я сначала подумал: может, они нарочно называют вас вымышленным именем? Потом решил, что произошла ошибка. Теперь все ясно, -- сказал Радист. -- Полиция сообщила, будто у нас дюжина гранат.

-- Нам это на руку, верно? -- спросил Такаки. -- Распуская ложные слухи, они как бы охраняют нас -- кто же решится атаковать людей, вооруженных до зубов?

-- Ну, они тоже не с пустыми руками пришли, -- сохраняя спокойствие, сказал Тамакити, тихий голос его услышал один лишь Исана.

-- С глазами все в порядке? У Красномордого глаза красные, но они у него вроде всегда такие? -- спросил Доктор, поднявшись в рубку.

Он проверял все помещения убежища. Несмотря на дым и непрерывные разрывы газовых пуль, никто в убежище не чувствовал рези ни в глазах, ни в горле. Хотя пули залетали на крышу и барабанили по стенам здания, газ не проник в помещение.

-- То, что бункер так плотно закупорен, это хорошо. Жаль, не предусмотрена связь с внешним миром. Почему не установили телефон? -- спросил Доктор.

-- Убежище строилось на случай атомной войны, -- ответил Исана. -- Кто знает, куда упадет атомная бомба, и кому придет в голову связываться с бункером по телефону?

В половине одиннадцатого удары дымовых шашек и газовых пуль в стены убежища вдруг прекратились -- так неожиданно обрывается проливной дождь. Белый дым, застилавший бойницы, поредел, и сквозь клубы его начало пробиваться солнце. Еще не растаявшие облака дыма засверкали яркой белизной. Тамакити, опершись прикладом автомата о колено, вытянул шею и выглянул наружу. Такаки отставил ружье в сторону, но висевший у него на шее бинокль не давал никому.

-- Противник укрепил свои позиции. Стрелять теперь нет смысла, -- сказал Тамакити.

-- Собираются, наверно, начать переговоры, -- сказал Такаки. -- Одно название только -- переговоры, а сами потребуют: бросайте оружие, выходите и освободите пленных. В общем, хотят перед штурмом оправдаться в глазах общественного мнения -- сделали, мол, все возможное. Что ж, посмотрим.

-- Пока не возьму противника на мушку, стрелять не буду. Но учтите, они для острастки будут стрелять по бойницам, зря не высовывайтесь.

Все, кроме Радиста, уткнувшегося в рацию, осторожно наблюдали через бойницы.

-- Что вы там делаете? -- спросил снизу Красномордый.

-- Наблюдаем за противником! -- крикнул в ответ Такаки.

При ярком солнечном свете, сменившем вдруг сплошную пелену дыма, трудно было сразу охватить взглядом открывшуюся перед ними картину. Исана первым делом рассмотрел вишню. В ее густой зелени виднелись ветки со скрюченными листьями -- результат попадания дымовых шашек и газовых пуль. Но это натворил противник. Исана отвел глаза от вишни -- прямо перед собой, метрах в восьмидесяти, он увидел бронированную машину. Она стояла правым боком к убежищу, утонув по брюхо в густой летней траве. Окно ее, разбитое пулей Тамакити, было прикрыто щитом. По обе стороны от машины стлалось нечто похожее на шлейф. Это в два ряда частоколом стояли щиты. Аккуратные промежутки между щитами служили, наверно, бойницами. Трава вокруг была примята, а перед щитами и вовсе вытоптана. Как и предсказывал Такаки, у машин был вырыт окоп. В новоявленном троянском коне не было заметно ни души. Кроме полицейской машины и тянувшегося от нее шлейфа щитов в расстидавшейся ковром траве не появилось ничего нового, все оставалось по-прежнему. Копотившиеся за горами мусора на развалинах киностудии одноглазые циклопы, видимо напуганные смертью полицейского, тоже исчезли. Не было слышно и шума вертолетов, без конца круживших над убежищем, пока его застилал дым: наверно, именно такой пейзаж увидели бы оставшиеся в живых обитатели убежища, выйдя из него после ядерного взрыва навстречу волне радиации. И тут от душ деревьев и душ китов к Исана донеслось одно

слово: свобода. Когда он, руководя рекламой атомных убежищ, вел подготовку к их производству, предполагаемых потребителей прежде всего волновал вопрос: как наша семья, единственная оставшаяся в живых, сможет существовать, если все люди вокруг погибнут? Исана с досадой подумал, что ему следовало тогда отвечать: ваша семья обретет истинную свободу и сможет наслаждаться ею.

Было десять часов тридцать пять минут.

-- Укрывшиеся в здании! -- разнеслось из мощного громкоговорителя полицейской машины. -- Укрывшиеся в здании, укрывшиеся в здании! -- сказано было так, будто в здании засело человек сто.

-- Вы полностью окружены! -- хором подхватили стереотипную фразу члены команды, сидевшие затаив дыхание в рубке. За ними ее тут же повторил громкоговоритель.

-- Не слишком ли много телевизионных фильмов мы посмотрели? -- усмехнулся Доктор.

-- Освободите заложников! -- Громкоговоритель повторил. -- Бросьте оружие и выходите! -- Громкоговоритель повторил и это. Потом специалист по словам моторизованной полиции с непреклонной уверенностью в совершенстве стиля своего обращения вернулся к тому, с чего начал: -- Укрывшиеся в здании!

-- Они, конечно, с ума посходили от ярости. Но ни в словах их, ни в тоне ярости не слышно, почему бы это? -- спросил Такаки. -- Может, они записали эти стандартные фразы на пленку? Но стоило ли подъезжать так близко и жертвовать командиром только ради того, чтобы произнести по радио обычные заученные слова... Не усугубляйте совершенных вами преступлений. Вам, вероятно, известно, к чему это может привести? Укрывшиеся в здании!

-- Опять стандартные фразы? А не ответить ли этим дуракам? -- вспылил Тамакити.

-- Наш мегафон против их громкоговорителя не потянет, но попробовать можно. Давай, Тамакити, -- сказал Такаки.

Тамакити вопрошающе посмотрел на специалиста по словам Союза свободных мореплавателей, хотя было ясно, что слова Исана ему не нужны.

-- Давай, Тамакити, -- сказал Исана.

-- Не усугубляйте совершенных вами преступлений. Вам, вероятно, известно, к чему это может привести? Укрывшиеся в здании!

-- Укрывшиеся в полицейской машине! Укрывшиеся в полицейской машине! -- крикнул Тамакити, дрожа от возбуждения.

Рупор мегафона был обращен наружу, поэтому голос Тамакити в комнате был плохо слышен, разобрать слова было почти невозможно. Члены команды Союза свободных мореплавателей весело смеялись. Потом стали прислушиваться -- как реагирует громкоговоритель полицейской машины;

очень скоро стереотипные увещевания прекратились. Подействовал все-таки мегафон Тамакити!

-- Укрывшиеся в полицейской машине! -- снова закричал Тамакити. -- Что вы делаете?

Последняя фраза, звучавшая так обыденно, снова рассмешила осажденных, раздался

громкий хохот... Исана подумал: может быть, этот смех -- защитная реакция подростков, преодолевающих с его помощью свою ненависть к полиции и страх перед ней? Что же все-таки делается в лагере противника? Интересно, смеются они там тоже или нет? Ему вдруг пришла на ум мысль, что он уже почти мертв. Он ощущал, как жизнь его тихо угасает, и это сопровождалось небывалой отдачей всех сил...

Смех, наполнявший рубку, вскружил голову Тамакити. Завладев мегафоном, он свистел, как кипящий чайник, шея его покраснела. Не зная, что бы еще сказать, он притворился, будто ждет ответа полицейской машины. А его оппонент с громкоговорителем, наверно, ждал, пока Тамакити иссякнет. Но Тамакити, когда его загоняли в угол, очертя голову бросался напролом. Даже если это требовало нечеловеческого напряжения...

-- Я тот, кто стрелял и будет стрелять дальше!-- закричал Тамакити. -- И, сколько бы преступлений я ни совершил, вам наказать меня не удастся. Я -- несовершеннолетний, и к смертной казни вы меня приговорить не можете. А на пожизненное заключение мне плевать -- скоро всему миру крышка. Посадите меня на всю жизнь -- ну и что? Мы же умрем вместе. Дураки!

Вдруг он умолк и сел, обхватив руками колени. Он тяжело дышал, опустив голову, лицо его побагровело. Исана впервые заметил, что у него еще даже не пробивается борода.

-- Вроде подействовало, -- сказал Исана.

Тамакити злобно покосился на него. Он понимал, что выбрал совсем не те слова, и ему было стыдно.

-- Я уверен, это их допекло, -- утешил товарища Такаки, и, хотя тот все еще сомневался, нахлынувшая вдруг радость унесла прочь злобу и скованность.

-- Неужели я и вправду умру вместе с ними? -- спросил Тамакити хрипло.

Громкоговоритель полицейской машины снова начал вещать. Это не был ответ на слова Тамакити, не прозвучало даже намек на то, что их отвергают, презируют или смеются над ними. Громкоговоритель просто-напросто повторил стереотипные фразы.

-- Интересно, дошли до них слова Тамакити? -- спросил Такаки.

-- Судя по радиопередачам, они кое-что поняли. Прямо кипят от злости. Полицейские по всей Японии с ума посходили, -- сообщил Радист. -- Диктор и

тот разъярился. Вон даже голос дрожит. Начал передавать долгосрочный прогноз погоды на море. Ловок... А обо всем, что мы говорили, -- ни слова, запретили, наверно. Сказал только, будто мы с помощью мегафона провоцируем моторизованную полицию. Жаль.

-- Значит, от всех наших требований мало толку, -- сказал Такаки. -- Я, честно говоря, думал, что даже если полиция пропустит их мимо ушей, телевидение и газеты нажмут на нее, чтобы с нами все-таки заключили сделку... Может, опять используем нашу рацию?

-- Коротковолновики, принявшие нашу передачу и сообщившие телевидению и газетам, наверняка снова прилипли к приемникам. Стало быть, полицейские не сумеют полностью игнорировать наши передачи. Да они и сами могут нас слушать, -- без особой уверенности произнес Радист.

В половине двенадцатого радиостанция Союза свободных мореплавателей начала передавать текст, составленный Исана на основе записок Красномордого. Стереотипные фразы громкоговорителя и гул вертолетов мешали передаче, поэтому бойницы с выбитыми стеклами закрыли заслонками. Сразу же стало жарко, у всех, в том числе и у Радиста, сосредоточенно вертевшего ручки, по щекам, словно обильные слезы, тек пот. Наконец он начал вещать спокойно и невозмутимо, будто слушатели его находились на противоположной стороне земного шара:

-- Young men be not forgetful of prayer. Говорит радиостанция Союза свободных мореплавателей. Передача ведется на частоте 145 мегагерц. Радиолюбителей-коротковолновиков, принимающих нашу передачу, просим записать ее на магнитофон и ретранслировать со своих передатчиков. Тех, кто уже передал средствам массовой информации запись нашей первой передачи, просим передать им также и эту, новую запись. Young men be not forgetful of prayer. Говорит радиостанция Союза свободных мореплавателей. Полицейским властям наши требования уже известны. Передаем подробно наши условия. Мы требуем, чтобы нам предоставили судно, снабженное всем необходимым для экипажа самое меньшее из восьми человек. Судно должно отвечать следующим требованиям: длина -- пятнадцать метров, водоизмещение -- шестнадцать с половиной тонн; подходит модель промысловой шхуны для лова тунца с дизельным двигателем в тридцать восемь лошадиных сил. На судне должен быть запас воды, продовольствия, горючего не менее чем на неделю. Место стоянки судна -- порт Эносима. Нам необходим также автомобиль, который доставит нас в порт. Выполнение этих условий не потребует от государства никаких расходов. Деньги на покупку судна -- по нашим расчетам, около пятнадцати миллионов иен -- выплатит из своих личных средств семья задержанных нами заложников. Предупреждаем, вплоть до завершения

операции мы готовы использовать все имеющееся у нас оружие: автоматы, винтовки, гранаты и динамит. Мы не остановимся и перед тем, чтобы взорвать себя. Любые попытки освободить заложников приведут к взрыву убежища и их гибели. Мы будем ждать ответа к часу дня от

полицейских властей или через посредников, в качестве которых могут выступить средства массовой информации. Всех, кто связан со средствами массовой информации, просим проследить, чтобы полиция не пренебрегла согласием семьи заложников на наши условия... Young men be not forgetful of prayer. Говорит радиостанция Союза свободных мореплавателей.

-- Вряд ли пройдет такое нахальное требование, -- сказал Тамакити. -- Но когда я его слушал, у меня перед глазами стояла рыбацкая шхуна, на которой все мы уходим в море...

Этот порыв, столь не свойственный Тамакити, отражал, наверное, чувства, владевшие всеми Свободными мореплавателями.

Снова начался обстрел. На этот раз стреляли и газовыми, и обычными пулями. Тамакити сразу же ответил, тщательно целясь в щель между щитами по бокам полицейской машины. Но стрелявшие засели в окопе, и выстрелы Тамакити не могли их потревожить. А вот две газовые пули едва не влетели в бойницу, с которой была снята заслонка. Тамакити вытащил из бойницы автомат, и Доктор, стоявший уже наготове, вставил заслонку обратно. Теперь все находившиеся в рубке проливали беспричинные слезы, чихали и кашляли, прижимая к глазам тонкие ломтики лимона. Если бы противник стал непрерывно обстреливать газовыми пулями бойницы, их пришлось бы заделывать наглухо и вести ответный огонь стало бы невозможно. А попадание газовых пуль внутрь помещения поставило бы осажденных на грань катастрофы.

Из этого можно было заключить, что противник еще не ввел в бой все свои силы. Мысль эта выводила из себя осажденных, которые, судорожно моргая, ждали, когда наконец слезящиеся от боли глаза их смогут опять различать предметы, размытые дымкой слез. И Такаки, и Доктор, и даже Тамакити, переставший отстреливаться, молча прислушивались к ударам пуль о стену; воспаленные глаза их были красны, по щекам текли слезы.

-- Сбили! -- завопил вдруг Радист. -- Сбили!.. Они сбили антенну!

Очевидно, это и было главной целью обстрела, ибо он тотчас прекратился. Радист судорожно крутил рукоятки. Но окружавшие его подростки сразу поняли: отныне для него душа рации умерла. Правда, обычные радиопередачи можно было ловить и без антенны. Но самим вести передачи и подслушивать переговоры полицейских стало невозможно. Наконец Радист отодвинул столик, на котором стояла рация, и выпрямился.

-- А что с электричеством?

-- С электричеством? Давным-давно отключено, -- сказал Радист тем тоном, каким специалисты отвечают обычно профанам. (Исана сразу же вспомнил, как он вставлял в магнитофон Дзина новые батареи. Достаточно было отключить магнитофон от электросети, и батареи начинали работать. Он делал это каждый раз, покидая убежище и оставляя Дзина одного.) -- Они давно поняли, что мы пользуемся батареями, и решили сбить антенну... А на наши требования и не подумали ответить... Вот подлецы!

Радист откинулся назад и закрыл глаза. Исана показалось, будто он раньше все это время видел лишь профиль Радиста, склоненного над рацией. А теперь он увидел его густые брови, почти сросшиеся на мясистой переносице. От упругих щек к уголкам рта протянулись грязные полосы. Раздувая ноздри, покрытые капельками пота, он тяжело дышал, не открывая глаз. За стенами убежища сквозь беспорядочную стрельбу слышались стереотипные фразы: Укрывшиеся в здании! Не усугубляйте совершенных вами преступлений...

-- Надо исправить антенну. Я ее укорочу, тогда ее пулей не собьешь, и укреплю обломками бетона на самой середине крыши.

-- Вылезешь, тебя тут же пристрелят, -- возразил ему Тамакити. -- И прикрыть тебя отсюда огнем не удастся.

-- Конечно, не удастся, -- сказал Радист, не открывая глаз и лишь нахмутив брови, отчего между ними пролегли мясистые складки. -- Прикрывать меня не надо. Объектив телекамеры фиксирует все происходящее, и полицейские не станут на глазах у всех стрелять в невооруженного человека. Для острастки, может, пальнут разок. Я притворюсь, будто удираю с перепугу, и утащу сюда остатки антенны...

Слова Радиста не могли никого обмануть, больше всего они смахивали на самовнушение. Подростки, ошеломленные, выслушали его.

-- А может, обойдемся без антенны? -- спросил Такаки. -- Не хватит ли нам вещать?

Все равно они пропускают наши слова мимо ушей. Ну, установим антенну и снова начнем передачу, что изменится?

-- Нет, они ничего не пропускают мимо ушей. Сбили же они нашу антенну, -- сказал Радист, решительно посмотрев на товарищей. -- Я и сам не верю, что сделка пройдет как по маслу. Но ведь мы начали вещание, даже позывные у нас есть. Если бросим дело на полпути, значит, все было только игрой. А я отношусь ко всему всерьез. Поймите же, радиостанция у Союза свободных мореплавателей -- настоящая.

Он умолк. Глаза его, красные от слезоточивого газа, устремились к выходу на балкон. Он чувствует себя одиноким, подумал Исана, и подавленным. И

хочет скрыть, что у него на душе.

-- Но разве передачи наши не утратили смысла? -- с досадой спросил Исана.
-- Зачем же чинить антенну и снова возобновлять их?

Удивленный Радист взглянул на него с осуждением и гневом. Но тотчас взгляд его сделался отчужденным. Он спокойно поднял с пола кусачки и заткнул их за пояс хлопчатобумажных шортов. Потом, подойдя к шаткой баррикаде из обломков железобетона, начал ее растаскивать. Тамакити молча стал помогать ему.

Низко согнувшись, точно боясь удариться головой о яркий сноп света, хлынувший из открытого отверстия, и по-прежнему не обращая ни на кого внимания, Радист вышел на балкон.

Вдруг ноги его взметнулись вверх, словно подкошенные ветром, и грохнул выстрел. Казалось даже, будто выстрел прозвучал чуть позже. Но Радист снова вскочил на ноги. Думая, что он повернет назад, Тамакити расширил проход в баррикаде. Радист сделал шаг, еще один, все решили, что он возвращается. Однако он направился к металлической лестнице -- ее скрывала баррикада -- и поднялся на крышу. Раздался еще один выстрел. Тамакити вернулся на свой пост и, выворотив дулом автомата заслонку из бойницы, дал длинную очередь. Осаждающим его выстрелы никакого вреда не причинили. Расстреливая магазин, Тамакити плакал и не видел ничего перед собой. По стеклу крайней бойницы, ближайшей к металлической лестнице, поползла удивительно светлая струйка крови. Такаки окликнул Радиста. Ответа не было. Радист погиб, чтобы не играть в радио...

Плача навзрыд, по-детски, как Бой, Тамакити вставил в автомат новый магазин и ждал у открытой бойницы; остальные не могли отвести глаз от стекла, по которому бежала струйка крови.

Исана услышал у самого уха слова, похожие на молитву, это Красномордый шептал что-то, глядя на струйку крови, то убывавшую, то прибывавшую снова.

Глава 21

ИЗ ЧРЕВА КИТА (3)

Час дня -- ответа нет. Полицейская машина без конца передает стереотипные фразы. Они повторяются одним и тем же голосом и теми же словами, но это не магнитофонная запись: окончания слов стали неразборчивыми. Наверно, у диктора язык заплетается. Даже если задняя дверь машины и открыта -- из убежища этого не видно, -- в ней все равно жарища. Должно быть, от бесконечно повторяющихся фраз у человека в мундире -- он, страдая от невыносимой жары, сидит на узенькой скамеечке возле рации -- уже

перегрелась голова.

-- Я был бы рад доверить ему рацию Союза свободных мореплавателей, -- сказал Такаки. -- По-моему, он из той же породы людей, что и Коротышка...

-- Другого Коротыша на свете не сыскать, -- зло бросил Тамакити.

Каждый раз, когда Такаки брал наушники, Тамакити недовольно хмурился: он ждал, что рация -- она теперь вела прием только на средних волнах -- сообщит о гибели Радиста, труп которого валяется на солнцепеке. Если бы "общественное мнение" признало, что полиция зашла слишком далеко, убив безоружного человека, и нужно разрешить внести его тело в дом, Тамакити сразу полез бы на крышу. Но Такаки, склоняясь к рации, лишь морщился -- безглаголиво и зло.

Доктор разрезал пополам очки для плавания, укоротил переносицу и снова сшил их. Они должны были защитить глаза Дзина от слезоточивого газа. Из запасных наушников -- он сделал их полегче, вынув все внутренности, потом набил их поролоном, -- теперь готовы были и глушилки для Дзина. Корабельный врач Союза свободных мореплавателей мучился оттого, что не смог оказать помощь Радисту, пока тот еще был жив, и старался отвлечь себя работой.

Исполняя свои обязанности наблюдателя за тылом, Исана устроился у слухового окна над винтовой лестницей.

-- Кажется, и жители домов на холме тоже возненавидели нас, -- сказал Исана и взял у Такаки бинокль.

Однако иероглифы на полотнище никак не затрагивали осажденных, а выражали лишь недовольство властями: "Полицейские моторизованного отряда, здесь тихий жилой район, залетающие сюда шальные пули нас беспокоят". Исана смотрел в бинокль, пока не заныла шея, и смеялся про себя. Потом Такаки взял у него бинокль и, глянув в окно, тоже засмеялся:

-- Бедная полиция осталась одна-одинешенька! А солнце припекает все сильнее, полицейские небось перебесятся от злости. Предложи мы им сейчас вместе взять штурмом этот поселок на холме, они бы, пожалуй, согласились! -- усмехнулся Такаки.

-- Слышишь, Тамакити, жители холма выставили плакат с протестом, мол, шальные пули тревожат их покой.

-- Ничего! Скоро появится новая надпись: "Полицейские моторизованного отряда, побыстрее уничтожьте сумасшедших ", -- мрачно сказал Тамакити.

Исана, как специалист по словам, предложил, чтобы Союз свободных мореплавателей тоже вывесил полотнище с обращением. Даже если полиция будет его игнорировать, все равно скрыть его от средств массовой информации не удастся. Объектив телекамеры сразу же запечатлеет плакат. Зато он покажет

всем, что и теперь, когда радиостанция Свободных мореплавателей умолкла, их требования остаются прежними. Исана притащил стопку пеленок, и Доктор, которому план Исана пришелся по душе, ловко сшил их вместе.

-- Это ты на медицинском факультете так наострился?

-- Да нет, -- улыбнулся Доктор и объяснил, что учился шить паруса.

Специалист по словам сделал фломастером надпись: "Ответьте -- что с нашим судном!" Прикрепив к нижней кромке полотнища груз и прибыв в трех местах поперечные планки, они с Доктором спустили его через бойницу.

Снайперы открыли бешеный огонь. Через минуту они сбили полотнище, и из бойницы повисли лишь обрывки веревок. Громкоговоритель продолжал повторять стереотипные фразы. В дрожавшем от жары мареве расплылись очертания полицейской машины. Земля,

выброшенная из окопа, стала сухой, как песок. Да и в самом окопе было, конечно, сухо и жарко. Все жарче становилось и в убежище. В два часа дня показалась машина "скорой помощи". Пытаясь приблизиться к полицейской машине, она застряла, огибая заболоченную низину. "Скорая помощь" долго буксовала в колее, проложенной самосвалами, потом попятилась раз-другой, рванулась вперед и, наконец, добралась до полицейской машины.

-- Уверены, что мы будем соблюдать соглашение о Красном Кресте. А сами на один наш выстрел отвечают тысячей...

-- Да это и не обычная машина. В ней наверняка пуленепробиваемые стекла и бензобак бронирован, -- сказал Тамакити. -- Но я не собираюсь стрелять в "скорую помощь". Вызвав ее, противник признался в своем позоре. Не знают небось, куда деваться со стыда.

-- Если так, может быть, нам удастся забрать труп Радиста? -- спросил Доктор.

-- Они ведь не нас стыдятся. Просто не хотят быть посмешищем, -- ответил Такаки. -- Нас-то и за людей не считают.

"Скорая помощь" укрылась за полицейской машиной, медики стали спасать пострадавших. Решив, очевидно, что стрельбы из убежища опасаться нечего, еще одна "скорая помощь" подъехала к полицейской машине напрямик, не огибая заболоченной низины.

Неужели столько людей получили солнечный удар? А может, это просто уловка, чтобы доставить сидящим в окопе обед? Во всяком случае, на час передышка обеспечена. Осажденные, разобрав баррикаду, приоткрыли дверь на балкон, и в комнату хлынул свежий воздух. Начнись сейчас снова обстрел газовыми пулями, плохо бы им пришлось. Но противник молчал, видя, что машины "скорой помощи" пропущены беспрепятственно.

-- Может, мне тоже взять флаг с красным крестом и выйти на крышу? --

предложил Тамакити.

-- Если тебя подстрелят, мы лишимся единственного снайпера, -- сказал Такаки. -- У Радиста, правда, не было флага, но ведь было ясно, что он не вооружен. Лучше, пока мы еще живы, пообедаем вместе...

Инаго уже хлопотала у плиты. Дзин сидел на стуле за кухонным столом.

-- Дзин, как дела? -- окликнул его Исана, но тот лишь мельком взглянул на отца и снова стал внимательно слушать Инаго.

-- Это шум вертолета, Дзин... А это радиопередача из полицейской машины...

-- Да, это шум вертолета... Да, это радиопередача из полицейской машины...

Инаго, наверно, не только хотела подбодрить Дзина, но старалась успокоиться и сама, слушая из уст Дзина эхо своих собственных слов, -- так делал когда-то и погруженный в безысходную тоску Исана. Обед, приготовленный Инаго, как бы отражал странное положение, в котором очутились Свободные мореплаватели. Рассчитывая на длительную осаду, Инаго не открыла ни одной банки дешевых консервов, а сварила огромную кастрюлю лапши и выставила на стол самые дорогие продукты -- готовилось настоящее пиршество.

Один только Дзин получил целую банку крабов. Взяв пальцами ломтик нежного крабьего мяса, прослоенный тонкими хрящами, и поднеся его к глазам, он с удовольствием разглядывал лакомство и затем отправлял его в рот, весело улыбаясь, когда хрящик щекотал ему небо, и кончиком розового языка слизывая каждую крошку, чтобы она не упала на пол. Нынешнего обжору от прежнего Дзина, отвергавшего пищу, отделяла целая вечность...

-- Я лежала в темноте и думала, что если взять всю мою жизнь -- день за днем -- до вчерашней ночи, то только теперь я живу по-настоящему, -- сказала Инаго. -- Это другая, новая жизнь.

На наблюдательном посту дежурил один Доктор, остальные спустились вниз.

-- Сколько времени мы уже ведем бой? -- спросил Такаки, оглядывая членов команды, собравшихся за столом. -- Часов десять -- двенадцать? Немало для первого сражения Союза свободных мореплавателей. Можно и подкрепиться.

-- Перевернутая полицейская машина так и лежит там, -- начал Красномордый, разрывая пелену молчания. -- Я подумал, если поставить ее на колеса, мы бы спокойно сели в нее и смотались отсюда.

-- Как ты ее поднимешь без крана? Она потяжелее грузовика, -- возразил Такаки. -- Это верно. Поднять ее тяжело. Зато если б удалось!.. Ключи у нас есть, я их у пленного отобрал. Конечно, кроме тех полицейских, в окопе вокруг нас сидят в засаде и другие. Но как ты думаешь, Тамакити, удастся прорвать их заслон на полицейской машине? Ведь эта машина их -- самая мощная, и наши

шансы бы уравнились.

-- Может, дело и выгорит. Только я не понимаю, почему мы должны выбираться отсюда? -- равнодушно спросил Тамакити.

-- Ясно, пока они не ответили на наши требования, останемся здесь. И если нам предоставят судно -- эта машина нам ни к чему. Я просто думаю, как выбраться отсюда, если они не примут наши условия и снова начнут выкуривать нас газовыми пулями.

-- Я вижу, ты не очень-то веришь, что мы получим судно, -- равнодушнее прежнего сказал Тамакити и стал поглаживать автомат, который и во время еды стоял рядом с ним.

-- Интересно, как ты собираешься поднять машину? -- спросил Такаки, подхватывая нить разговора, прерванную Тамакити.

-- Я вовсе не уверен, что это возможно, -- отвечал Красномордый, и заливавший его щеки багрянец пополз к шее. -- Но если попытаться устроить взрыв рядом с машиной, вдруг она от взрывной волны снова встанет на колеса. Ведь она перевернулась тоже от взрыва, верно?

-- Давайте взорвем у подножья холма пару гранат и посмотрим, что будет, -- сказал Такаки.

Тамакити вскинул голову и глянул на Такаки. Но его опередил Красномордый.

-- Нет, гранаты на это тратить нельзя, -- возразил он. -- Дело уж больно сомнительное.

-- Как же быть? -- спросил Такаки.

-- Лучше я подберусь к перевернутой машине и, улучив момент, взорву у подножья холма динамит, -- быстро ответил Красномордый, будто речь шла о пустяках.

-- Да это чистое безумие, -- насмешливо бросил Тамакити.

-- Безумие? А не безумием ли мы занимались до сих пор? -- парировал Красномордый. -- Я и в Союз свободных мореплавателей вступил, и заперся здесь с вами, и сражаюсь потому, что это безумие как раз по мне.

-- А ты уверен, что тебя не подстрелят? Сам же назвал свою затею сомнительной. Встанет ли машина на колеса? И удастся ли еще подложить динамит? -- вмешался Такаки.

-- Не знаю, встанет ли она на колеса. Но подложить где надо динамит я берусь, -- сказал Красномордый. -- Я уверен, именно такой безумный план и должен удался. Великие люди в истории не раз делали вещи, которые поначалу всем казались чистым безумием.

-- Ладно, хватит об этом, -- отрезал Тамакити, поморщившись. -- Дам тебе динамит. Сколько нужно-то? Подложишь слишком много -- машину разнесет на

куски, да и тебя самого зашвырнет черт знает куда...

-- Боишься безумия? -- насмешливо спросил Красномордый.

Тамакити, который раньше остро реагировал даже на безобидные насмешки Красномордого, спокойно встал и пошел в бункер за динамитом.

-- Он на все согласен, лишь бы не требовали его драгоценные гранаты, -- тихо сказал Такаки. -- Не будь Тамакити, мы бы давно остались без боеприпасов, и полицейские, отделав нас дубинками, выволокли бы всех отсюда, -- вступился за него Красномордый.

-- Думаешь взяться за дело, когда стемнеет? -- спросил Исана.

-- Нет, ждать до ночи нельзя, -- ответил Красномордый чуть ли не испуганно. -- Если им удалось убедить общественное мнение, что надо освободить заложников, значит, скоро начнут наступление. Забросают убежище дымовыми шашками, тогда я и выберусь отсюда.

-- Но они наверняка будут стрелять газовыми пулями, и тебе придется туго. -- Надену костюм для подводного плавания, глаза прикрою маской, и слезоточивый газ мне нипочем, -- заявил Красномордый. -- Попробую нырнуть в мутное море, где вокруг не видно ни зги.

Он с присвистом сделал глубокий вдох, как пловец перед погружением. Мощный вдох его разнесся по всему убежищу, но Дзин не испугался и даже внимательно посмотрел на губы Красномордого, словно вылетевший из них звук был пением неведомой птицы. Этот взгляд заставил подростка покраснеть от радости.

-- Дзин, это человек. Этот звук издал человек, -- сказал Красномордый, выдыхая воздух.

Когда члены команды, отправив Инаго с Дзином в бункер, вернулись в рубку, Доктор, наблюдавший за происходящим через бойницу и слушавший радио, сообщил Исана:

-- Ваша жена собирается приехать уговаривать нас. Ее ждут с минуты на минуту. У ограды автозавода находится штаб полицейских сил, и на пресс-конференции она сказала, что направляется туда, чтобы переубедить нас. Это передали по радио.

-- А о нашем требовании предоставить корабль она говорила что-нибудь?

-- Ни слова. Не сказала даже, что, как мать, просит полицию любыми средствами спасти заложников. Хотя наводящий вопрос был задан. Она ответила, что народ не должен склоняться перед насилием, пусть это и повлечет за собой отдельные жертвы. Короче, она из тех политиканов, что зовутся ястребами. Я, правда, не уверен, она ли это была, хотел пойти за вами. Но подумал, а вдруг они неожиданно пойдут в атаку, и остался.

-- Моя жена -- достойная ученица одного прожженного политикана. Хочет

небось показать избирателям, что из нее выйдет истинный политик...

-- А может, избирателей больше впечатлил бы трогательный призыв страдающей матери, чей ребенок взят в качестве заложника? -- спросил Тааки.

-- В ней чувствуется американская школа, ответил Исана. -- Хочет воздействовать на избирателей, так сказать, чистыми методами. Мне это больше по душе.

-- Интересно, какие условия она выставит? Что ж, подождем -- увидим. Во всяком случае, если вместо стандартных фраз начнутся уговоры, это уже шаг вперед, -- сказал Тааки. -- Пусть с нами вступит в переговоры даже самый отъявленный ястреб, все как-никак уступка.

-- Моя жена, должно быть, не верит, что мы с Дзином -- заложники. Она понимает, что я ваш единомышленник. Кстати, она об этом не говорила? Если нет, значит, у нас еще есть надежда.

-- А как она думает приблизиться к нам, чтобы начать переговоры? Тоже на машине "скорой помощи"?

-- Нет, вряд ли, -- сказал Тааки. -- На "скорой помощи" они отправляют в тыл пострадавших полицейских, демонстрируя на весь мир заботу о стражах народных интересов. Скорее всего, прикатит на полицейской машине.

-- Тогда для прикрытия они начнут обстрел дымовыми шашками и газовыми пулями, -- с надеждой сказал Красномордый. -- Этим-то я и воспользуюсь...

Бойницы в рубке были снова как следует заделаны. Оставив на третьем этаже наблюдателем Тааки, все спустились вниз и помогли Красномордому облачиться в костюм для подводного плавания. Одновременно велись необходимые приготовления в прихожей -- обставлялась как бы сценическая площадка, откуда Красномордый должен был начать представление. Делалось все не ради него, а для защиты остающихся в убежище -- на этом настаивал сам Красномордый. Как только он выскочит наружу, дверь снова должна быть забаррикадирована обломками железобетона. И сейчас их нагромождали в виде башни -- обрушив ее одним толчком, можно было сразу завалить дверь...

-- А вдруг тебя заметят у самой двери? Мы ведь ее завалим и быстро открыть не сможем, -- спохватился Тамакити.

-- Если заметят, я все равно не вернусь. Они небось сразу откроют по двери огонь газовыми пулями, -- сказал Красномордый. -- Тем более ее нужно срочно забаррикадировать.

-- Сам говоришь: если заметят -- конец. Может, лучше ничего не затевать? Ну доберешься, а дальше что? -- проворчал Тамакити. -- Это ведь чистое...

-- Чистое безумие. Да? Я ведь сказал: именно поэтому дело, возможно, и выгорит, -- заявил Красномордый.

Три часа тридцать пять минут. В убежище снова полетели дымовые шашки и

газовые пули. Бойницы, выходившие на винтовую лестницу, заволкло белым дымом, стало темно, как под водой. Красномордый поправил маску и с шумом вобрал в себя воздух. Дверь открылась, и он выскочил наружу. В полосах света, как во время ливня при ярком солнце, ползли по земле густые белые, как пар, волны. Согнувшись, будто нырнув в воду, растворился в них Красномордый. Дверь тут же захлопнулась. Клубы слезоточивого газа успели все же ворваться в убежище и как злобные твари набросились на подростков. Они кашляли, задыхались, обливались слезами, глаза невозможно было закрыть: сразу начиналась нестерпимая резь.

-- Не трите глаза, -- предупредил Доктор. -- Не трите, слышите. Это газ CS; пока не промоеете глаза, не смейте к ним прикасаться...

-- Хорошо бы забраться в бункер, но боюсь, открыв люк, напустим туда газа. Пожалуй, Дзину не следует дольше оставаться здесь, -- с трудом произнес Доктор и снова закашлялся. Никто не мог даже ему ответить. Все прислушивались к тому, что происходит за стенами убежища. Кашляя и хрипя, Доктор продолжал: .

-- Если газ CS попадет Дзину на кожу, возьму его на руки, выйду наружу и сдамся. Союз свободных мореплавателей не вправе обрекать ребенка на такие страдания. Иначе я отказываюсь от обязанностей корабельного врача...

-- Наш Союз всегда был свободным объединением. Каждый волен покинуть его под любым предлогом. Но я буду сражаться до конца, даже оставшись в одиночестве, в этом я тоже свободен, -- заявил Тамакити.

Он с трудом встал, обмотав махровым полотенцем рот, вышел в прихожую, где плавал слезоточивый газ, и взбежал по винтовой лестнице.

-- Из винтовок вроде не стреляли. Значит, Красномордого не заметили. В общем, пока все в порядке. Газовыми пулями они били по верхней части здания, так что и шальной пулей его вряд ли задело, -- сказал Такаки.

-- Да, но слезоточивый газ -- штука серьезная, -- усомнился Исана. -- Сможет ли Красномордый свободно двигаться, когда кругом этот газ?

-- Он на редкость здоровый парень. Три года был лучшим спортсменом Всеяпонской юношеской лиги. Он не дрогнет, если даже придется переплыть море слезоточивого газа, -- сказал Такаки, но, увидев, как пострадали от газа Исана и остальные, сморщился, точно лизнул лимон.

Три часа сорок пять минут. Стрельба дымовыми шашками и газовыми пулями прекратилась. За стенами убежища стало тихо. Клубы дыма растаяли, вновь засияло солнце, и сразу вернулся яркий летний день. Глядя слезящимися глазами на эту резкую перемену, трудно было унять головокружение; казалось, с тех пор как началось сражение, для осажденных уже не раз день сменялся ночью. Прикорнувшись на полу, этим мыслям предавался один Исана, он был старше

всех и первым выбился из сил. Как только дым стал рассеиваться, подростки прильнули к бойницам. Тамакити, подойдя к бойнице у винтовой лестницы -- здесь раньше был пост Красномордого, -- снова получил дозу слезоточивого газа и вынужден был еще раз промыть глаза.

-- Кажется, Красномордый все-таки забрался в кабину полицейской машины, -- сказал он. -- Дверца, которая раньше была распахнута, закрыта.

-- Неужели их наблюдатели не обратили на это внимания? -- спросил Исана.

-- Если и обратили, они теперь бессильны, -- ответил Такаки. -- А вот у нас в убежище дело худо.

Справа и слева от убежища появились новые полицейские машины. Если прибавить еще отряд моторизованной полиции, скрывавшейся среди саженцев на косогоре за убежищем, то окружение было полным. Все бойницы находились под прицелом снайперов, использовавших в виде прикрытия полицейские машины или стоявшие по обе стороны от них щиты...

-- Если они начнут штурм, нам не выстоять. Стрелять по-настоящему умеет только один из нас, -- сказал Доктор.

-- Они уверены, будто у нас полно гранат и мы запросто отгоним всех, кто осмелится подойти поближе, -- заявил Такаки. -- Теперь небось сразу поймут, что у нас с гранатами не густо, раз Красномордый, рискуя жизнью, вылез наружу с динамитом, -- сказал Тамакити, язык у него, казалось, был налит свинцом. -- Хотя бы ради этого Красномордому стоило взять гранаты...

-- Ладно, он сделал все по-своему, -- перебил его Такаки. -- Чего зря болтать о человеке, когда его здесь нет; тебя это, может, и утешит, но ему уже не поможет. Единственный наш долг -- прикрыть Красномордого.

-- Укрывшиеся в здании, укрывшиеся в здании! -- снова заладил громкоговоритель, и Такаки, не мешкая, вынул из бойницы заслонку. Исана сразу узнал этот голос, но почему-то ему казалось, будто женским голосом говорит господин Кэ. В голосе действительно были все модуляции, отличавшие дикцию старого политика, -- будь Кэ женщиной, он, несомненно, говорил бы так же фальшиво. Но это была Наоби. -- Я та, у которой вы потребовали судно. Но у меня нет желания предоставлять вам судно. Нет ни малейшего желания предоставлять вам судно. Оставьте свои глупые надежды. Ваши угрозы бесполезны. Выпустите заложников и немедленно выходите сами. Если вы выйдете, не усугубляя своих преступлений, я обещаю помочь вам на суде. Найму за свой счет для вас адвоката. Немедленно выходите. Ребенок, взятый вами заложником, умственно отсталый. Что может быть трусливее и бесчеловечнее этого? Выпустите заложников и немедленно выходите сами. У вас же нет никаких принципов, которые стоит защищать. Почему вы не сдаетесь? Ради чего совершаете свои преступления? Вы, кажется, надеетесь,

будто вот-вот произойдет разрушительное землетрясение? Но вообще допустимы ли такие антиобщественные действия? Нет, они будут недопустимы при любом строе. Если будущее общество не избавится от подобных вам элементов, оно обречено на гибель. Никогда, ни в какую эпоху, ни в какой стране на земле люди не узаконят действий, которые вы намерены предпринять. Чего вы, в конце концов, добиваетесь? Вы сами линчуете своих товарищей и доводите их до самоубийства, вы убили полицейского и даже умственно отсталого ребенка захватили заложником... Вы, видно, вообразили, будто вам все дозволено? Вы не достойны называться людьми? Как я могу после всего предоставить вам средство для побега? Ваши требования вышли за рамки личных проблем. И я, даже если придется пожертвовать моим слабоумным сыном, ни за что не вступлю с вами в сделку. Ведь у меня есть долг перед людьми, перед моими согражданами, перед обществом. Да, я -- мать. Я схожу с ума, думая о страданиях моего ребенка. Но, как член общества, я обязана выполнить свой долг. Я отвергаю все ваши требования. Выпустите заложников и немедленно выходите сами. Укрывшиеся в здании, укрывшиеся в здании, бросайте оружие и немедленно выходите. Вы трусы. Я не склонюсь перед вашей трусливой угрозой. Нет, не склонюсь, даже если в жертву будет принесен мой ребенок, мой умственно отсталый сын. Оставьте свои глупые надежды. Выпустите заложников и немедленно выходите сами. Это ваш последний шанс. Выпустите заложников и немедленно выходите, прошу вас...

-- Ну и на ловкой же бабенке вы женились! -- чуть ли не с восхищением воскликнул Такаки.

Исана был ошеломлен и не сразу нашелся, что ответить Такаки, успевшему вклиниться, пока громкоговоритель молчал и не начал опять повторять все сказанное.

В следующую паузу Исана попытался оправдаться:

-- За всю нашу совместную жизнь я ни разу не слышал от жены такого длинного монолога. Человек становится старше и меняется...

-- Вам нечего стыдиться, -- сказал Такаки.-- Но почему, говоря о заложниках, она упомянула лишь Дзина и полностью игнорировала вас? Неужели она поняла, в каких вы отношениях с нами? Может, и полиция так считает?

--По-моему, у полиции нет оснований делать на мой счет какие-либо выводы. Думаю, только жена начала в глубине души подозревать, что я действую как ваш сообщник или, по крайней мере, сочувствующий. Позавчера я ей рассказывал о вас, хотя весьма расплывчато. Поэтому она и говорила так осмотрительно, чтобы это никак не отразилось на ее политическом будущем. Свое обращение она записала на пленку и собирается, видимо, использовать в избирательной кампании.

-- И при этом нагло утверждает, будто жалеет Дзина? В общем, и нашим -- и вашим, ну и ловка! -- повторил Тааки.

-- Ее выступление заранее оправдывает моторизованную полицию, если, перейдя в наступление, они убьют и Дзина тоже, -- мрачно сказал Тамакити. -- Для обалдевших от жары полицейских эти слова матери -- как призыв перебить всех бандитов, не щадя и ребенка.

-- Верно. Она все время повторяла "умственно отсталый ребенок", "слабоумный сын", укрепляя в полицейских предвзятое отношение к нам. Мол, эти психически неуравновешенные юнцы хотят сделать что-то страшное с ненормальным ребенком, -- сказал Доктор. -- Если она дошла до этого в своих расчетах, она не мать, а циничная дрянь. Разве можно, забыв, какой Дзин добрый и терпеливый, как прекрасно разбирается в голосах птиц, твердить: умственно отсталый, слабоумный!

Неподвижный воздух превратил рубку в баню, и кипящий возмущением Доктор вспотел еще больше.

-- Когда мы жили втроем, одной семьей, Дзин был замкнут и никак не проявлял себя, -- попытался оправдать жену Исана. -- Сейчас для нас самое важное во всеуслышание опровергнуть ее клевету о планах Свободных мореплавателей. Может, начнем вещать через мегафон?

-- Надо подготовить текст, -- сказал Тамакити, пожав плечами.

-- Сейчас нет времени для писанины, -- стал убеждать его Тааки. -- Раньше же у тебя здорово получалось!

-- Теперь это сделаю я, -- сказал Исана.

-- Но ведь жена сразу узнает вас по голосу.

-- О своих подозрениях она ни за что не заявит полиции -- каждый ее шаг делается с расчетом на избирательную кампанию. Даже услышав мой голос, она промолчит. Скажет, мол, не узнала голоса через мегафон, и полиция к ней не придерется, да и газеты не поднимут шума, а значит, ее предвыборная кампания не пострадает... Я тоже хочу немного поработать как специалист по словам...

-- Как специалист по словам вы свою миссию выполнили. Теперь говорить буду я, -- сказал Тааки.

Чтобы не доломать мегафон, основательно попорченный Тамакити во время его чересчур эмоциональной передачи, Тааки приладил его и стал спокойно ждать. Как только призывы Наоби на минуту умолкли, он сразу начал встречную передачу, вместо позывных дважды повторив одну и ту же фразу:

-- Дайте ответ о нашем суде! Дайте ответ о нашем суде! Мы не нуждаемся в судебной защите. Приговор вашего суда для нас ничто! Ваши тюрьмы не просуществуют так долго, чтобы наказать нас сполна. Да и всему вашему миру жить осталось недолго. Ребенок, взятый заложником, живет с нами свободным

и раскованным. Благодаря этой свободе он стал удивительным ребенком. Поглубже задумайтесь над этим. И подумайте о нашем судне, подумайте о нашем судне! Свободные мореплаватели хотят выйти в море до того, как произойдет разрушительное землетрясение, потому что в день, когда Токио будет уничтожен, вы попытаетесь нас всех убить. И мы хотим заранее спастись от резни. Подумайте о том, что вы делаете и что намерены сделать. И поймите наш страх! Потом подумайте о нашем судне! Да, мы действительно антиобщественные элементы. Но и только. Мы не хотим иметь ничего общего с вашим обществом -- мы знаем, в нем нам не жить. Но нам отвратительна мысль, что мы погибнем на той же земле, что и вы, -- вот почему мы стремимся в море. Подумайте о нашем судне, подумайте о нашем судне, подумайте о нашем судне!

Обессилев от напряжения, Такаки понурился и умолк. Молчала Наоби, молчал и громкоговоритель, повторявший стереотипные фразы. Но слушатели его не молчали. В полицейских машинах и окопе, прикрытом щитами, полицейские вопили, проклиная жару и вызывающие крики мегафона.

-- Представляю, как злится Красномордый, слушая их вопли, -- уныло сказал Тамакити, с трудом сдерживая бивший его озноб.

Слова эти заставили всех членов команды вздохнуть. Они ждали, что будет дальше. Ждали в водовороте насмешливых воплей.

Взрыв. Дрогнули стены, обсыпав сидящих в комнате пылью. Заслонки из бойниц выбило внутрь рубки. Подростки подскочили к бойницам. Глазам их открылся столб непроглядно густой пыли, поднявшийся до самых бойниц. Мелкие камни и комья земли градом сыпались на землю.

-- Ничего не вышло! -- крикнул, вылетая на винтовую лестницу, Тамакити и выставил в бойницу автомат.

По мере того как пыль рассеивалась, можно было убедиться в провале операции Красномордого. Полицейскую машину отбросило к самому убежищу, но она осталась лежать на боку. Дверца кабины снова открылась и раскачивалась из стороны в сторону. Из кабины высунулась рука, затянута в черную резину, и захлопнула дверцу. Конечно, из двух полицейских машин, являвшихся двумя вершинами правильного треугольника, третьей была сама перевернутая машина, заметить это движение не составляло никакого труда. Газовые пули посыпались на кабину. Бесчисленные черные шарики, отскакивавшие от машины, вызвали в памяти Исана стаю скворцов, взмывавших с огромной дзельквы в Идзу. Послышались насмешливые крики. Они заглушали разрывы газовых пуль: Выходи, выходи! Убийца, сумасшедший, выходи! -- в этих криках, по-прежнему полных злобы, слышались теперь и торжествующие нотки. Тамакити выстрелил. Вопли стали еще громче. В ответ на выстрел Тамакити винтовочные пули забарабанили по стенам убежища; это

было уже похоже на игру -- жестокую, страшную, но обыкновенную игру. Полицейские готовы были взять реванш за флаг, нарисованный на зад у их товарища...

Через некоторое время дверца полицейской машины снова открылась и оттуда показалось лоснящееся черное плечо затянутого в черную резину человека, измученного сыпавшимися на него газовыми пулями. Он словно напрочь позабыл о существовании противника. Казалось, он контужен взрывом или газ затуманил его рассудок. Человек, затянутый в черную резину, упершись ногой в кузов, оттолкнулся и вылез из машины. Сорвав маску, он отбросил ее в сторону и, задрав голову, жадно глотал воздух. Но вдруг зашелся кашлем и привалился к дверце машины, чтобы не упасть. В разноголосице насмешливых воплей выделялись злорадные крики. Давай сюда, давай сюда! -- орали полицейские. "Убийца и сумасшедший" они уже не кричали. Невидимые враги вопили: "Давай сюда, давай сюда!" И глумливо смеялись...

Человек, затянутый в черную резину, с трудом выпрямился и, наконец, оторвал руки от дверцы машины. Он расстегнул молнию на костюме для подводного плавания и, не соображая, что делает, достал сигареты и спички, будто собирался закурить. Снова раздался хохот, посыпались насмешки. Напрягшись и сохраняя равновесие, человек в черной резине опустил голову, чиркнул спичкой -- раз, другой и третий. Только осажденные знали, что Красномордый не курит, и с ужасом ждали конца. Вдруг человек, затянутый в резину, сделал то ли угрожающий жест, то ли поклон -- дважды и очень быстро -- прямо перед собой и влево, где стояли полицейские машины. Взрыв. Машина вспыхнула. Кабину и труп человека, затянутого в резину, объятые пламенем, отшвырнуло к самой вишне. Загорелось дерево и трава вокруг него.

-- Это я его убил! Убил, не дав ему гранаты! -- в отчаянии закричал Тамакити.

Так же отчаянно кричал он, когда Бой метался в жару. Но ему никто не ответил...

Глава 22

ОБЪЯЛИ МЕНЯ ВОДЫ ДО ДУШИ МОЕЙ...

Вдали прозвучала пятичасовая сирена, и в ту же минуту машина "скорой помощи", явно опасаясь выстрелов из убежища, приблизилась к стоявшей слева полицейской машине. На убежище посыпались дымовые шашки и газовые пули. Тамакити не отвечал. Вдруг снова показалась "скорая помощь", прятаясь позади полицейской машины, и умчалась куда-то с поразительной поспешностью. В это время года при такой быстрой езде по заболоченной

низине, которая, хотя и подсыхала, была все же диким неровным пустырем, трясло, наверное, нещадно. В машине уезжала женщина средних лет; она обливалась потом, мышцы ее свело от напряжения. Она сидела, твердо упершись ногами в пол машины и стиснув зубы от страха; ей казалось, оказись она спиной к источнику опасности, и на нее обрушится град пуль. Она уезжала, уныло прикидывая в уме, был ли успешным ее сегодняшний политический дебют с участием средств массовой информации...

Мать Дзина займет место на политической арене после смерти Кэ от рака горла и станет депутатом парламента. Она едет сейчас, мечтая о том, как будет и дальше двигаться вперед, мечась из стороны в сторону, точно машина "скорой помощи", в которой она сидит, -- сказал Исана душам деревьев и душам китов.

-- Ну, раз увещательница отбыла, ждите генерального наступления, -- сказал Такаки. -- Они пойдут на штурм, чтобы еще засветло покончить с Союзом свободных мореплавателей.

-- Это еще что?! Что такое? -- испуганно воскликнул Доктор, глядя в бинокль.

-- Ветер, -- успокоил его Исана, он-то ведь круглый год наблюдал за низиной в бинокль.

Густо разросшаяся трава ложилась волнами, точно скошенная огромной рукой. Ветер принес с собой свежесть, и это подняло боевой дух полицейских.

-- Смотрите, к саженцам подъехала пожарная машина, а за ней -- подъемный кран с железным шаром вместо крюка. Этот кран раз в пять больше того, что рушил стены киностудии!-- крикнул Тамакити.

-- Как, подъехали открыто, прямо сюда? -- спросил Такаки, выходя на площадку винтовой лестницы.

-- Они так и не поняли, что хотел сделать Красномордый, или надеются, что у нас не осталось гранат, -- мрачно сказал Тамакити. -- Думают небось, что Красномордый просто решил взорвать машину. И, раз гранат у него не было, подложил динамит и подорвался сам.

-- Сначала, чтобы возбудить общественное мнение, сообщают, будто у нас полно гранат, -- сказал Такаки. -- А теперь уверены, что у нас их нет и генеральное наступление их мы встретим только ружейным огнем...

-- Ничего, полюбуются, как я бросаю гранаты, -- еще мрачнее сказал Тамакити.

-- Но ведь они знают, что здесь заложники, здесь Дзин! -- возмутился Доктор. -- Неужели все равно пойдут на штурм и не сделают больше попытки уговорить нас? ' -- Брось ты. Заложники для полиции -- просто повод взбудоражить общественное мнение. Небось трезвонят повсюду про выступление матери да про наш ответ и взрыв полицейской машины: какие,

мол, после этого с ними переговоры. Этап переговоров кончился. А газетчиков убедили, будто заложников удастся освободить только силой. И если не покончить с нами до темноты, местные жители подвергнутся опасности; да мало ли что еще можно придумать...

-- В таком случае нужно освободить заложников до штурма, -- сурово заявил Доктор, демонстрируя членам команды волю корабельного врача.

-- Не о заложниках речь, -- попытался прервать его Исана, но Доктор не обратил на него внимания:

-- Подумайте, что будет с Дзином, если на убежище ПОСЫПАЮТСЯ газовые пули. Можно, конечно, заранее запереть его в бункере, но когда полицейские откроют крышку люка, газ попадет и туда. Впрочем, открыв люк, они наверняка обстреляют бункер газовыми пулями. Да вы понимаете, что случится, если газ CS попадет ребенку в горло, на кожу?!

-- Заложники теперь ни к чему. Если б мы даже и обменяли их на судно, у нас больше нет ни радиста, ни штурмана. Кое-какой опыт есть только у двоих -- у меня и у Такаки. Значит, нам и на моторной шхуне не выйти в море, -- сказал Тамакити упавшим голосом.

Исана хотел напомнить ему, что не считает себя заложником, но им всецело завладела другая мысль. Он был растроган, поняв, что Тамакити, решительней всех настаивавший на сражении, все это время, оказывается, мечтал выйти в море.

-- Чтобы спасти Дзина, я готов сдаться. Вместе с Инаго, -- отвалено сказал Доктор.

-- Пусть Инаго решает сама за себя, -- невозмутимо произнес Такаки.

-- Что ж, пойду поговорю с ней, -- сказал Доктор и вышел, всем своим видом показывая, что ему безразлично, какие пойдут о нем толки в его отсутствие.

Трое, оставшиеся в рубке, не обманули доверия Доктора. Независимо от решения Инаго, в тот самый миг, когда главное, о чем сейчас молча думают Такаки или Тамакити, будет облечено в слова, решится судьба Союза свободных мореплавателей, -- возвестил душам деревьев и душам китов Исана, задышавшийся здесь, вдали от лесов и морей, в комнате с неподвижным, спертым воздухом.

-- Я буду драться до последней гранаты, -- сказал Тамакити печально, все еще казня себя за гибель Красномордого.

-- А вы что решили? -- спросил Такаки у Исана. -- Если уйдет Дзин, лучше, наверно, уйти и вам. Конечно, это ваше убежище и мы вторглись в него, но..

-- Думаю, я могу поручить Дзина заботам Инаго и Доктора, -- чистосердечно сказал Исана. И это его чистосердечие как бы высветило сделанный им выбор.

-- Я ведь уже говорил, что укрылся в убежище как поверенный деревьев и

китов. Однако, будучи их поверенным, я так и не передал от них послания внешнему миру. Это недопустимое пренебрежение своими обязанностями. И я решил: именно то, что я останусь в убежище, и явится посланием, которое я передам внешнему миру. Ведь когда полицейские, окружившие убежище, в конце концов убьют меня, это будет значить, что люди убили поверенного деревьев и китов. Телевидение, радио, газеты сообщат об этом убийстве -- лучшей возможности передать послание у меня уже не будет. И эту возможность дал мне Союз свободных мореплавателей.

-- Ну что ж, -- сказал Такаки, -- вам решать. Раз вы остаетесь, Инаго придется уйти с Дзином, и, пока они с Доктором не уйдут, мы прекратим сражение. Потом начнем снова.

-- Подожди, Такаки. Я все как следует обдумал, -- поднял почерневшее лицо Тамакити, голос его, сперва неуверенный, звучал все решительнее и тверже. -- Если убьют нас троих, Союзу свободных мореплавателей крышка. И сбудется тот страшный сон Боя... Даже если Инаго и Доктор уцелеют, им хватит хлопот с Дзином, до Союза свободных мореплавателей у них и руки не дойдут. Кроме того, Доктор, кажется мне, всерьез и не думал о корабле Свободных мореплавателей. На плечи Инаго -- женщины -- мы взваливаем слишком тяжелую ношу. И я подумал: Коротыш, Бой, Радист, Красномордый... а теперь и мы -- в общем, завтра сбудется сон Боя. Все пойдет прахом, всему конец... Вот я и решил: я буду биться до последней гранаты, а ты, Такаки, ты уйдешь и не допустишь, чтобы Союз свободных мореплавателей растаял бесследно, как страшный сон.

-- Уйти -- мне? -- спросил Такаки, с трудом вникая в слова Тамакити, и его залитое потом лицо с распухшими губами побледнело и стало каким-то чужим.

-- Да. Я думаю, ты обязан это сделать, Такаки, -- сказал Тамакити, незаметно подтягивая к себе автомат.

-- Говоришь, я должен уйти. Но кто, как не я, создал Союз свободных мореплавателей? -- Он насмешливо посмотрел на Тамакити.

-- Да, Союз свободных мореплавателей создал ты. И именно ты должен его воссоздать. Разве все это было лишь шуточной затеей?-- упорствовал Тамакити.

-- Если уж ты заговорил об этом, вспомни, ведь я еще раньше предлагал сдаться, -- сказал Такаки. -- Кто-кто, а я вовсе не считаю Союз свободных мореплавателей шуточной затеей...

Поэтому ты должен уйти из убежища. -- Чувствуя, что Такаки колеблется, Тамакити стал настойчивее. -- А после ареста выложить все начистоту и доказать, что Инаго с Доктором не причастны к стрельбе и казни Коротыша. Иначе что будет с Дзином?

-- Разве не ваша обязанность -- общаться с внешним миром и при помощи

слов блюсти интересы Свободных мореплавателей? Вы ведь наш специалист по словам, -- повернулся к Исана Такаки; на покрасневшем лице его были написаны нерешительность и страх. .

-- Мы уже говорили об этом вчера и недавно говорили снова. Обо мне речи нет, -- твердо сказал Исана. -- Я слагаю с себя полномочия специалиста по словам Союза свободных мореплавателей. Я хочу полностью посвятить себя обязанностям поверенного деревьев и китов. Ну а дела Союза решать вам, ветеранам.

Исана взял охотничье ружье, принадлежавшее Красномордому, и, не глядя на Такаки, вышел из рубки. По винтовой лестнице поднимались Доктор и Инаго. Чтоб разойтись с ними, он задержался на площадке третьего этажа. Дзин -- его прижимала к себе Инаго -- выглядел вконец обессиленным из-за усталости и нервного напряжения. На руках у Инаго он чувствовал себя уверенней. Сосредоточенно обдумывая, как ей быть дальше, Инаго молча протиснулась мимо Исана, выразительно взглянув на него. Прикосновение девушки взволновало его. Ведь теперь, после того, что он сделал для Инаго, каждый, кто встретится с ней в будущем, сможет одарить ее любовью...

Исана спустился вниз и посмотрел в бойницу. Полицейские машины и частокол щитов оставались неподвижными. Только теперь, когда щиты перестали отражать солнечные лучи, в промежутках между ними можно было увидеть сложенные в ряд мешки с песком. Выходит, эффективность стрельбы из убежища была невелика. Но говорить об этом Тамакити не стоило, Исана посмотрел на черный, обгоревший ствол вишни, все еще покрытой густой сочной листвой. Дерево умирало, как человек, воздев вверх руки, не понимая, что за враг обрушился на него. Тогда, в той европейской стране, почувствовав, что мальчик пришел в сознание, Исана испытал взорвавшийся в его душе страх. Потом, с удивительно жестоким чувством превосходства осознав, насколько беспомощен крохотный человечек, висевший с поднятыми вверх руками, он сделал то, что намеревался сделать. И поскольку сейчас ему было дано снова пережить то давнее мгновение, когда он осознал беспомощность мальчика, значит, все было совершено им отнюдь не бессознательно и не в порыве безумия. Он отрицал, будто слышал крик ребенка, когда об этом спрашивал Кэ, и не сознался, что руки его были тогда исцарапаны. Теперь Кэ умирает в муках, один на один с болезнью, возвращенной в его клетках. Умирает, желая страданий и ревниво оберегая их. Но возможно, отвергая уколы наркотиков из страха погрузиться в самого себя, он ни на мгновение не вспоминает того мальчика... Исана почувствовал, как в нем беспокойно шевельнулось нечто, что можно было б назвать душой. Моя жизнь была аморфной, -- воззвал он к душам деревьев и душам китов. -- Существует реальный мир, который я, человек

аморфный, хоть и пытавшийся не раз принять определенную форму, но всегда терпевший неудачу, воспроизводил аморфным объективом. И мир этот, так и оставшись аморфным, взорвется с моей смертью и превратится в ничто. Взорвется беспомощным и заброшенным, так и оставшись аморфным, и превратится в ничто. Оставив все без ответа, превратится в ничто... -- Взывая к ним, Исана почувствовал, что его слова не находят отклика у вишни, которая была перед ним. Черная обгоревшая вишня уже запустила ракетой в космос свою душу дерева. И превратилась в ничто. И ведь убил ее, живую, тот, кто был рядом с Исана. У него не хватило духа отречься перед душами деревьев: Нет, я не друг того, кто сжег вишню. Я просто люблю этого необычного юношу. Я был в машине, которую он вел, мы проехали огромное расстояние, и за всю дорогу он не сказал ни слова о спортивных состязаниях, где побеждал раньше. Самое позднее до захода солнца я буду убит, но сожалею лишь о том, что после смерти не смогу вспоминать этого странного юношу. И мне не жаль, что все остальное остается без ответа...

-- Такаки зовет, -- окликнула его Инаго, которая, держа на руках спящего Дзина, спустилась вниз вместе с Доктором.

В полумраке комнаты, куда почти не проникали солнечные лучи, карие глаза ее чуть светились. От носа к уголкам губ пролегли жесткие морщины. Такой Инаго виделась Исана лет через десять. Он посмотрел на головку Дзина, точно магнитом притянутую к влажной смуглой груди Инаго. Увидев круглый шрам от операции, еще совсем свежий, он подумал о препонах, которые в этой столь красивой теперь голове не дают родиться ничему, кроме аморфного, и ощутил извечное чувство протеста. Может быть, именно поэтому и он сам, оставив все и всяческие вопросы без ответа, скоро превратится в ничто. Прощай, Дзин, -- сказал Исана про себя, как обычно обращаясь к душам деревьев и душам китов. -- Смерть, подобно содержимому твоей головы, аморфна. Она разрушает все, обладающее хоть какой-то формой. Вот почему взрыв, который породит смерть -- и я давно думаю об этом, -- благо. Я осуществлю этот взрыв.

-- Я уйду с Дзином и Доктором, -- сказала Инаго. -- Жаль, я так надеялась, что радость, которую я испытала, будет длиться вечно..

-- Радость не может длиться вечно, так принято считать, -- сказал Исана, потрясенный ее словами. -- Но я спокоен и за тебя, и за Дзина. Прощай, Инаго. Всего хорошего, Доктор.

Из слухового окна, выходящего на лестничную клетку третьего этажа, Такаки смотрел, что делается за убежищем. На лице его Исана тоже заметил жесткие морщины. И тогда он понял, что выражение лица Инаго объяснялось не только особенностями его строения. Наверно, у нее во рту все пересохло и горело. Такаки тоже смотрел на Исана, облизывая губы сухим языком. Наконец

он решился и заговорил:

-- Помните Китовое дерево? Вы говорили даже, будто оно и привлекло вас в Союз свободных мореплавателей. Китовое дерево -- выдумка. Просто я связал его с тем, что было так важно для вас.

Исана не дрогнул. Он понял: этот юноша, сощурясь, вытянув в ниточку губы, предпринимает отчаянную попытку поменяться ролями с ним, остающимся в убежище.

-- Я думал об этом долгие годы. Поэтому рассказ о Китовом дереве и взволновал меня, стал видением наподобие сна Боя, -- сказал Исана. -- Но ведь я и раньше считал себя поверенным деревьев и китов. Так что, если Китового дерева и не существует, это не имеет значения... Утром Тамакити сказал: раз нельзя выйти и проверить -- значит, залитую солнцем лужу можно считать россыпью серебряной руды. Иначе говоря, поскольку я не смогу поехать на твою родину и убедиться, что предания о Китовом дереве нет, ничто не мешает мне считать, будто оно существует.

Пока Исана говорил, Такаки смотрел на него сквозь влажную пелену глаз, словно капризный ребенок, которому не позволили настоять на своем. Потом тряхнул головой, как мокрая собака, разбрасывая вокруг брызги пота, и покорно спросил:

-- Вот как? Разве можно так говорить?..

-- Можно, и я говорю, -- сказал Исана. -- Надеюсь, ты не станешь утверждать, что и Союз свободных мореплавателей -- тоже простая выдумка?

-- Этого я не утверждаю, -- решительно отвечал Такаки. -- Правда, если говорить честно, я раньше не верил, что у Союза свободных мореплавателей есть будущее. Теперь поверил. Ведь его существование так реально. И верим не только мы. Начинает верить множество людей за стенами нашего убежища.

-- Во всяком случае, я верю в Союз свободных мореплавателей, -- сказал Исана.

-- Я надеюсь, в следующий раз кораблю Свободных мореплавателей удастся выйти в море, -- сказал Такаки и, обдав Исана запахом пота, прошел мимо него и сбежал вниз по винтовой лестнице. Внизу, в прихожей, он снова попытался заговорить с Исана о Китовом дереве. Но тот улыбнулся и покачал головой: хватит об этом, Такаки.

-- Такаки только что наблюдал, как они выравнивают бульдозером склон, обрушенный гранатой, -- сказал Тамакити, единственный, кто оставался в рубке. -- Хотят подогнать поближе к убежищу кран с железным шаром. Ну что ж, подождем -- увидим...

Тамакити, разобрав походную кровать, вытащил из нее две металлические трубки. Исана помог ему разрезать простыню. Тамакити с таким усердием

прикреплял к трубке белое полотнище, как будто чинил парус. Исана готовил второй флаг.

-- Вывесьте свой флаг в бойницу, чтоб он был виден получше. Мы его потом уберем. А этот я отдам Тааки. Минут через пять я их выпущу.

Куском проволоки Исана укрепил в бойнице металлическую трубку с белым полотнищем. Если бы полицейские решили, что и оставшиеся в убежище члены команды тоже прекращают сопротивление, и приблизились к нему вплотную, ашурова (демон, олицетворяющий воинственность.) работа Тамакити оказалась бы напрасной. Когда сдавшиеся достигнут вражеских позиций, белый флаг из бойницы должен был быть убран немедленно. Вынув заслонку из центральной бойницы, выходящей на фасад, он белым флагом заткнет хоть на время глотку громкоговорителю. В бетонную стену посыпались пули снайперов, которые в белом полотнище, обмотавшемся вокруг металлической трубки, не признали белого флага.

-- Выпустите заложников. Бросайте оружие. Укрывшиеся в здании! -- твердил громкоговоритель...

Исана стал вертеть трубку, чтоб развернуть флаг, и вскоре он затрепетал на ветру. Послышались какие-то новые звуки. Но ни в полицейских машинах, ни в прикрытом щитами окопе невооруженным глазом никакого движения не было видно. Наполненный звуками безлюдный пейзаж затопили красные лучи вечернего солнца. Исана почудилось, будто однажды он уже видел нечто подобное. Но это было предчувствие -- воспоминание о пейзаже, который ему предстояло увидеть в день светопреставления...

Громкоговоритель молчал. Звуки становились все громче. Выглянув из бойницы, Исана увидел сначала белый флаг, а потом и Тааки, держащего в руках металлическую трубку с развевавшимся белым полотнищем. За ним шла Инаго со спящим Дзином на руках. Тяжелая голова мальчика сбила на сторону ворот ее кофты, и обнажилась грудь. Исана смотрел на нее, трепетно вспоминая прошлое. В нескольких шагах за нею появился Доктор с сумкой, в которой лежали вещи Дзина. Подумав о том, что противник может заподозрить, будто в сумке -- оружие, и открыть огонь, Доктор нарочно отстал от Инаго. Выпрямившись и высоко подняв голову, они быстро шли к ближайшей полицейской машине. •

Стоило Исана на мгновение оторвать взгляд от уходящих, как вдруг все переменилось. Вокруг полицейских машин, на всем пространстве от развалин киностудии и до автомобильного завода и учебного плаца сил самообороны, появилось бесчисленное множество полицейских. Все в одинаковых стальных касках, они стояли, повернув черные лица к убежищу. У некоторых были щиты, но они и сами были похожи на темно-серые щиты. И эти механические

человечки злорадно вопили...

Наконец Такаки подошел вплотную к полицейской машине. Подбежала чуть отставшая Инаго, за ней -- Доктор, все время державшийся сзади, и встал около них. Полицейские выстроились в ряд, чтобы провести пленных к задней дверце машины. Такаки и его товарищи должны были пройти сквозь их плотный строй. Полицейские били шедшего впереди Такаки по голове, дергали за волосы. Пытались добраться и до головы Инаго, которая, оберегая Дзина, низко наклонилась вперед. Ее пытался уберечь от ударов Доктор. Но его ударили ногой в пах, он упал, его подняли за шиворот и окружили полицейские, строй сломался, и они скрылись за машиной.

-- Ужас! Люди сами вышли, а они что делают! -- негодовал Тамакити.

С тремя винтовками на плечах, держа в руках деревянный ящик с боеприпасами и динамитом, он стоял рядом с Исана, смотрел в бойницу и жевал кусок курятины, извлеченный из консервной банки, лежавшей в том же ящике.

Едва Исана стал сворачивать белый флаг, снаружи все переменялось. Серые механические человечки вмиг исчезли, и заболоченная низина вновь опустела. Тамакити внимательно ее осматривал, уперев автомат о колено. Он смертельно устал, но его почерневшее, осунувшееся лицо и глаза излучали силу.

-- Как только их увезут на "скорой помощи", начнется генеральное наступление, -- сказал Тамакити, не отрывая глаз от бойницы. -- Тут мы и дадим им жару. Эти гады считают себя оскорбленными и будут небось измываться над нашими ребятами как хотят. Не представляю даже, что они делают с ними в полицейской машине, пока не нагрянули репортеры. -- Тамакити передернулся от возмущения, будто полицейские измывались над ним самим, и выглянул в бойницу. -- Ага, кран и пожарная машина подъехали почти вплотную. Сколько же щитов их прикрывает!.. Стрела крана поднята совсем невысоко, значит, они собираются рушить не рубку, а второй этаж или первый... Проломив стену второго этажа, они обстреляют нас газовыми пулями и зальют водой. Потом приставят лестницу, и сюда ворвется штурмовой отряд.

Тамакити и Исана поднялись в рубку.

-- Может, вы перейдете в бункер? -- спросил Тамакити, отводя глаза, как делал обычно Такаки. -- Если стена второго этажа рухнет, в бункер уже не пробраться. Я думаю, нам лучше разделиться перед штурмом: я займу рубку, вы -- бункер...

-- Конечно, я скоро уйду отсюда, -- сказал Исана. -- Я из винтовки-то и стрелять не умею, буду только путаться под ногами...

-- Идите, пока еще есть время, -- нетерпеливо перебил его Тамакити. -- А стрелять -- дело нехитрое. Лучше берите автомат. В последнем магазине

двадцать патронов, вы их расстреляете в момент...

-- А ты как же?

-- Буду отстреливаться из винтовки и охотничьего ружья. Постараюсь целиться как следует и убивать по одному, -- сказал Тамакити, протягивая Исана автомат, которым раньше владел безраздельно, и по-прежнему не глядя ему в глаза...

Оставляя за собой шлейф пыли, прямо по целине ехала машина "скорой помощи".

-- Пусть увезут Дзина и остальных, тогда начнем, -- сказал Тамакити, провожая глазами машину. Потом, точно решившись на что-то, посмотрел прямо в глаза Исана и спросил: -- Помните, Красномордый сказал, что раз затея безумная, она и удастся? Вы думаете, он это серьезно?

-- Если оставшиеся в живых считают, что умерший говорил серьезно, значит, так оно и было, -- ответил Исана.

Глубоко посаженные черные глаза Тамакити, все его почерневшее, грязное лицо засветились радостью.

-- Я сейчас, как Красномордый, думаю о безумной затее, -- сказал он возбужденно. -- Это и правда безумный, дурацкий разговор. Если я буду без промаха убивать их по одному, все еще может пойти вспять. Сотни полицейских захотят перейти на мою сторону. На полицейских машинах и грузовиках мы ворвемся в город, пробьемся прямо через центр, захватим все суда в порту и возродим Союз свободных мореплавателей. Он будет мощнее, чем прежний. Пусть это безумие, но все-таки...

Тамакити вдруг устыдился своих слов, и Исана пришел на помощь мечтателю.

-- Полицейским, они ведь целый день жарились на солнце, все осточертело, и многие из них, я думаю, с радостью согласились бы отплыть на корабле, -- сказал он. -- А если им в голову в самом деле пришла такая мысль, то при должной решительности осуществить твою идею не так уж трудно. Когда огромный отряд полиции ворвется в центр города, противостоять ему смогут лишь силы самообороны. А пока правительство будет дискутировать о том, приводить ли в действие силы самообороны, Свободные мореплаватели успеют выйти в море.

-- И надо сразу отказаться от гражданства. Полицейские скинут с себя пропотевшую форму, а я останусь в чем есть! Вот было бы здорово!

-- Если бы удалось осуществить твою безумную идею и все повернуть вспять, -- серьезно сказал Исана, желая, чтобы его слова слышали души деревьев и души китов, -- я передал бы тебе полномочия поверенного деревьев и китов. Ведь я -- человек старой формации. Запереться в убежище -- это была

пассивная позиция, и только человек новой формации, вроде тебя, способен повернуть все вспять.

"Скорая помощь", вынырнув из-за полицейской машины, умчалась. Запад горел закатом. Небо очистилось, но дымы заводского района за рекой прочертили в нем туманные полосы, сверкавшие бронзовыми искрами. Закат был многослойный, из светлых и темных полос. И солнце за ними ярко сияло и, казалось, не собиралось заходить. Снова всплыло видение: огромная дзельква на фоне закатного неба Идзу и кружащая над ней стая скворцов. Но здесь нет ни птиц, ни того огромного величавого дерева. Даже вишню -- и ту мы сожгли, -- грустно сказал Исана душам деревьев и душам китов. -- Такому закату не хватает дерева. Возможно, это и есть самое главное.

Две полицейские машины одновременно двинулись вперед. Пошли вперед и полицейские, сверкая касками над щитами на колесиках, которые они толкали перед собой. Бесчисленные полицейские, заполнившие вмиг заболоченную низину, быстро, почти бегом, шли вперед, глядя сквозь прорези в верхней части щитов. В темных щитах тоже отражались бронзовые искры, и от этого движение полицейских еще больше походило на марш механических человечков...

-- Может, напомните мне те самые слова? -- сказал Тамакити, положив дуло винтовки на край бойницы. -- Бумагу, где они были написаны, сорвала Инаго и взяла с собой. Я не все помню, а они мне очень понравились.

-- Young men be not forgetful of prayer, -- напомнил Исана первую строчку, но Тамакити все так же молча смотрел в бойницу, и он стал читать дальше: -- Every time you pray if your prayer is sincere, there will be new feeling and new meaning in it which will give you fresh courage, and you will...

-- Спасибо, -- прошептал Тамакити. -- Я только эти строчки и понял до конца. Теперь вот все вспомнил. И успокоился. Мне всегда не по себе, когда что-нибудь забываю...

Тамакити выстрелил. Полицейский, бежавший справа от машины, упал, белая тонкая палка взлетела в воздух. Тамакити заметил незащищенную часть лица между щитом и каской. Судя по этой палке -- ею подавались сигналы и команды, -- упавший, наверно, был командиром, с молчаливого согласия которого избивали пленных. Выстрел мгновенно прекратил всякое движение за стенами убежища. И впереди, и далеко позади полицейские, скорчившись, укрылись за щитами. Бронзовый ореол, парящий над их головами, сразу всплыл вверх. И, снова воскресив в памяти стаю кружащих в вышине скворцов, закатное небо прочертили черные дымовые пашки и газовые пули. А в заднюю стену убежища беспрерывно бил огромный молот.

-- Кран заработал, -- сказал Исана, как бы уточняя обстановку. На самом деле

в стену била струя воды из пожарной машины. Но вскоре могучие удары, не шедшие ни в какое сравнение с прежними, сотрясли стены убежища.

-- Что ж, теперь нам пора расстаться! -- крикнул Тамакити сквозь сероватокрасный дым, ворвавшийся в бойницу. -- Это уж точно безумие! Поверьте мне, все еще пойдет вспять!

Не дожидаясь ответа Исана, он набил рот курятиной из банки и, обтерев руки о рубаху, стал готовить заряд динамита. Исана для него теперь как бы не существовал. Но когда тот поднялся, Тамакити окликнул его и протянул большую банку консервов, лежавшую в деревянном ящике. Исана тоже залез в нее пальцами и вытащил кусок курятины. Набив рот, Исана, опасаясь взрыва, передвинул автомат на грудь и быстро вышел из рубки. От каждого удара железного шара в стену винтовая лестница раскачивалась и стонала. Исана сел и стал ждать. Снаружи слышался шум, напоминавший гул водопада. Во входную дверь непрерывно барабанили газовые пули -- казалось, в нее по срочному делу стучится бесчисленное множество людей. Дверь уже еле держалась, и при штурме ворваться через нее ничего не стоило. Спустившись до лестничной площадки второго этажа, Исана оглядел прихожую и решил устроить здесь засаду. Он будет стрелять в полицейских, когда они ворвутся, и прикроет Тамакити. Все это, пожалуй, продлится минуты две-три. Над головой ходит Тамакити, вернее, носится взад-вперед, как загнанная собака. Он закладывает динамит

с таким расчетом, чтобы причинить противнику наибольшие потери. Потом в последний раз осмотрит заряженные ружья, проверит гранаты и начнет ждать. Прикрытие ему явно не нужно. Верхняя часть здания будет его безраздельным полем боя, и путающийся под ногами Исана первым взлетит на воздух, едва взорвется динамит.

Исана подобрал валявшийся в комнате карманный фонарь, спустился по металлической лестнице в бункер и положил его на пол рядом с автоматом. Потом снова поднялся на несколько ступенек -- закрыть крышку люка. Он мог бы и надежно запереть ее, но не исключено, что раненый Тамакити тоже сойдет сюда. Думая об этом, Исана спустился вниз.

Шум водопада смолк. Не было слышно и ударов дымовых шашек и газовых пуль в стены убежища. До бункера доносилось лишь громыханье железного шара, рушившего здание, но этого Исана не боялся. Он ощутил вдруг подъем, который чувствовал всегда, еще с детских лет, оставаясь в одиночестве в закрытом помещении. По ногам тянуло прохладой -- воздух здесь был холодней, чем на улице. Светя карманным фонарем, Исана подошел к штурманскому столу и зажег стоявшую на нем спиртовую лампу. Он будет ждать, погрузив ноги в землю, -- как делал всегда, предаваясь мечтам; крышка

люка прямо над головой. Исана подвинул поближе стоявшую у стены походную койку. На упавшей с нее бумажке было написано: pilot berth (койка лоцмана).

Вычерчивая подробнейший план корабля, Красномордый продумал все детали. Исана положил бумажку обратно, а на свободное место поставил стул, сидя на котором он всегда размышлял. Непонятно откуда всплывшее воспоминание заставило его не ставить заряженный автомат к стене, а положить на pilot berth.

Выпрямившись, Исана сел на стул. Потом снова встал -- проверить магнитофон, лежавший на койке, где днем спал Дзин. Работают ли еще батареи? Он включил магнитофон, и хлынул поток птичьих голосов. Что же это за птицы, чье пенье он слышит последний раз в жизни? Этот крохотный вопрос, на который уже никогда не получить ответа, повиснет в воздухе и превратится в ничто, подумал Исана. Да и стоит ли задумываться над ним? Жалея время на перемотку ленты, он снял обе бобины и поставил новые -- одну пустую, другую с записью криков китов. С песней китов-горбачей, записанной подводным магнитофоном в Бермудском проливе. Включив звук на полную мощность, он услышал шум волн в глубине моря, уловленный чувствительным ухом микрофона, и гул лодочного мотора. Эти звуки моментально погрузили бункер на дно Бермудского пролива. Раздались крики китов: уин, уин, уин, боооа, боооа, уин, уин, заглушившие удары металлического шара. -- Это киты, -- сказал себе Исана, с удовольствием вспоминая прошлое. Вслед за китом-горбачом, кричавшим уин, уин, уин, боооа, боооа, уин, уин, ту же песню запели все остальные киты, находившиеся поблизости...

Возвращаясь к своему месту для размышлений, Исана увидел в свете карманного фонаря лежавшую на постели Дзина маленькую книжку в красной обложке, казавшуюся пятном крови. Это была Библия издания Гедеона с параллельным английским и японским текстом. Исана и не думал, что желание Свободных мореплавателей изучать английский язык настолько велико, что заставило их украсть Библию в отеле, а Инаго, запертая в бункере с Дзином, читала ее. И он подумал, что в характере Инаго ему открывается новая, неожиданная грань. Но и это его недоумение, оставшись без ответа, тоже превратится в ничто. Он взял Библию и, снова устроившись на стуле, решил погадать. Поскольку он загнан в бункер и отрезаны все пути, которые он мог бы выбрать на свободе, ему, пожалуй, удастся достигнуть наибольшей свободы в своем гадании. Во всяком случае, у него есть, видимо, право не слушать никого, кто сказал бы, что он гадает предвзято. Закрыв глаза, Исана вновь погрузился в свои мысли, утонувшие в песне китов из Бермудского пролива, раскрыл Библию и отчеркнул ногтем строку. Открыв глаза, он увидел в свете карманного фонаря следующий отрывок английского текста: ...yet ye seek to kill me, because my

word hath not free course in you. Исана почувствовал, что это и есть последние слова, посланные ему душами деревьев и душами китов. Сколько раз взывал он к душам деревьев и душам китов, но ни деревья, ни киты никогда не отвечали ему. И вот наконец они дали ему ясный ответ на все его призывы...

Теперь вы хотите убить меня, ибо слово мое не вошло в вас. Среди тех, кого души деревьев и души китов называли "вы", был, конечно, и сам Исана, провозгласивший себя поверенным деревьев и китов. Потому что он оказался не в состоянии истолковать слова, сотрясавшие его барабанные перепонки, -- не смог объяснить песню китов и позволил ей безвозвратно утонуть в потоке времени. Нужно ли более разительное доказательство? Но даже осознание этого тоже превратится в ничто, оставшись без ответа. Мысль эта захватила Исана и освободила от неведомой силы, увлекавшей его в мрачную бездну. Я провозгласил себя поверенным деревьев и китов, но я человек, и мне не уйти от ответственности перед вами, ибо я один из тех, кто рубил деревья и истреблял китов, -- сказал он, обращаясь к душам деревьев и душам китов... -- Именно поэтому, думаю я, Дзин был таким, каким был, и не мог ничего есть, беспрерывно падал и, весь в кровоточащих ранах, был близок к смерти. Вот почему сознание того, что я, оставив все без ответа, превращусь в ничто, и позволит мне обрести безграничную свободу...

Шум волн сопровождал крики китов, но к магнитофонной записи вдруг начал примешиваться все усиливающийся плеск льющейся воды. Холодная вода плескалась вокруг голых ног Исана. Он встал со стула и посветил фонарем. Из четырехугольника обнаженной земли, в которую он, размышляя, погружал ноги, фонтаном била вода. Огромное количество воды, выбрасываемое пожарной машиной, просочилось под фундамент с задней стороны убежища и теперь фонтаном бьет из земли -- интересно, с каким законом гидродинамики связана свирепость потока, уже подступившего к щиколоткам? Но и этот вопрос, оставшись без ответа, превратится в ничто. Удары железного шара звучали теперь по-другому -- значит, стена уже проломлена, шар расширяет отверстие. Что все-таки происходит сейчас наверху? Этот страшный вопрос окажется еще одним испытанием, ниспосланным человеку, уцелевшему в убежище. Даже если кому-то и удалось бы, благодаря мощи атомного убежища, пережить ядерный удар, у него все равно не будет возможности узнать, что происходит вокруг. Сколько мегатонн было в сброшенной бомбе? Ограничилось ли дело локальной атомной войной или она превратилась в глобальную? Остался ли кто-нибудь в живых из всего рода человеческого, кроме укрывшихся в этом убежище? И поскольку даже самые большие оптимисты не сумеют определить силу радиации, они так и не смогут решить, когда выйти на поверхность. Но наберись они мужества и выйди наружу, это оказалось бы

безнадежной затеей. Естественней было бы ждать действий тех, кто остался на поверхности земли. И даже если б они слышали стук в крышку люка, откуда взялась бы у них уверенность, что это стучат живые люди? А вдруг там прибывшие на Землю обитатели Вселенной или даже духи Вселенной, внимательно наблюдавшие за концом последней мировой войны? Важно не то, как я пытался увильнуть от этих вопросов в разговоре с покупателями убежищ, а какие доводы привел бы себе самому? Действительно, как бы ответил я на них сейчас? И это тоже, оставшись без ответа, превратится в ничто.

Над головой прокатился взрыв, вода из отверстия взметнулась столбом и поднялась до колен. Грохнул еще более мощный взрыв. Бункер вздрогнул и застонал, стоявшая на штурманском столе спиртовка подскочила и упала в воду. Исана, скошенный неведомой силой, рухнул на пол, подняв тучу брызг. Встав на ноги, он отыскал взглядом карманный фонарь, но не пошел за ним, а снова уселся на стул, погрузив ноги в землю. Потом вытянул перед собой руку и поднял автомат. Аккуратно поставив его между колен, он попытался сориентироваться. Точно слепой, всматривался он во тьму широко раскрытыми глазами, слушая крики китов и шум бьющей фонтаном воды. И, обратившись к душам деревьев и душам китов со словами, которые были сродни молитве, погрузился в ожидание.

Что происходит на земле? Взорвалась ли атомная бомба после того, как я спрятался в бункере, или, может быть, произошли еще более страшные сдвиги земной коры и землю захлестнули цунами или потоп? Ведь даже в атомном убежище вода дошла мне до колен. Может быть, потоп уже уничтожил всех людей на земле и воскресил мощь китов, безжалостно истреблявшихся людьми: и теперь огромные стада могучих китов плавают между бескрайними зарослями деревьев -- их единственных друзей на земле? Если так, то стада могучих китов услышат крики китов-горбачей из этого бункера и придут на помощь своим гибнущим братьям. Я провозгласил себя поверенным китов и деревьев, но теперь киты, установив свое господство на земле, возможно, сочтут меня своим врагом, в отличие от их друзей-деревьев, раскинувших в воде свои ветви. Да я и сам хочу этого. Я жаждал обличать жестокость людей, убивавших деревья и китов. Потому-то я и обязан теперь проявить присущую человеческой природе жестокость и доказать правоту тех мыслей, что лелеял долгие годы. Сопrotивляясь, я прибегну к насилию; мое тело и душа, принадлежащие последнему человеку на земле, взорвутся и, оставив все без ответа, превратятся в ничто. И тогда, киты, вы пошлете своим неизменным друзьям-деревьям сигнал: все хорошо. Каждый листочек, каждая травинка присоединят свой голос к могучему хору: все хорошо! Крышка люка поднимается, Исана на мгновение видит в свете, льющемся сверху, нечто

иссиня-черное, напоминающее шкуру кита, и, зажмурив глаза от влетевших в бункер газовых пуль, нажимает на спусковой крючок. Пять выстрелов. Нужно беречь патроны и поскорее снимать палец со спускового крючка -- бить короткими очередями. Газовых пуль все больше. Он задерживает дыхание. Больше дышать ему, наверное, уже не придется. Он делает три выстрела. Мощная струя воды бьет в стену бункера и накрывает его.

Снова упав, в уже глубокую воду, он делает четыре выстрела. Все остается без ответа, открывая путь в ничто. Обращаясь к душам деревьев и душам китов, он посылает им последнее прощание: все хорошо! И за ним приходит та, что приходит за всеми людьми